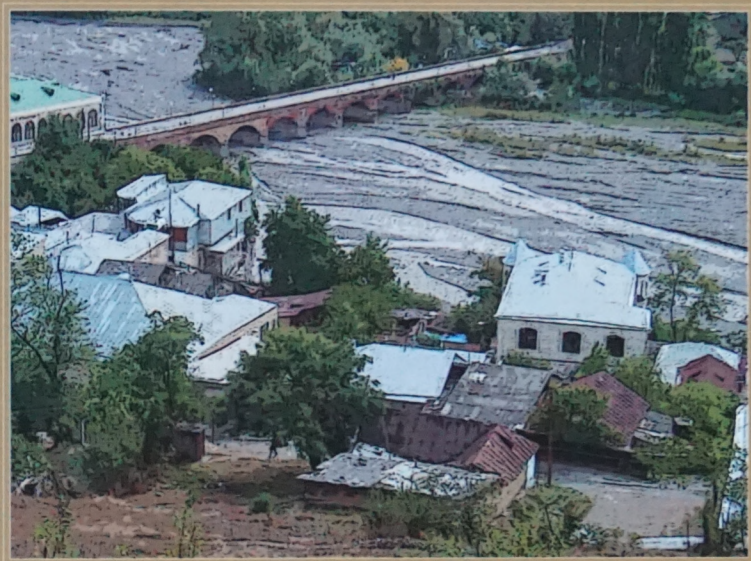

Мириам Хейли

ДУША НАРОДА

Сборник коротких рассказов

Miriam Heily

THE SOUL
OF PEOPLE

The collection of short stories

«New frontier»
New-York 2007

Мириам Хейли

*“Есть Бог, есть мир – они живут вовек.
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но ВСЕ в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога”*

Н. Гумилев

ДУША НАРОДА

Сборник коротких рассказов

«New frontier»
New-York 2007

Книга издана
при финансовой поддержке
Жанны Азарьевой,
компания
ILMARK GROUP Ltd.
(Израиль)

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Когда мы начинали поиск авторов, которые могли бы формировать литературный стиль нашей газеты “Новый рубеж”, мы обратили внимание на рассказы Мириам Хейли. Они читаются легко, в них жизнь бьет ключом, персонажи интересны, достоверны и колоритны, коллизии необычны, но убедительны. Из года в год мы наблюдали, как растет читательский интерес к её рассказам, многие просят, предлагают и даже требуют печатать её произведения в каждом номере.

От рассказа к рассказу литературный стиль писательницы шлифовался и оттачивался, и становились все более заметны признаки её яркой литературной одаренности. Мириам Хейли легко справляется с интересно задуманными сюжетами, в коих живут её герои, и сумела добиться высокого профессионального уровня, сконцентрировав свое внимание на истории своего народа, раскрывая самое драгоценное и характерное, к чему на русском языке ранее не обращались в этом жанре горско-еврейские писатели. Она умеет показать человека из среды своих предков со всем тем, что отличает его от представителей другого этноса, в контексте глубоко понятных ею жизненных ситуаций.

Лорд Бэкон в короткой фразе выразил однажды важную мысль, сказав: “Чтение создает очерк человека, собеседование уточняет его, но только писание вполне оформляет личность”.

Предки Мириам Хейли выходцы из поселка Красная Слобода азербайджанского города Куба, где традиционно компактно проживали горские евреи. Сейчас она живет в Израиле в окружении своих родных и близких, хранителей истории и знатоков тонкостей быта и взаимоотношений между людьми, жившими в эпоху, которая осталась в прошлом и характерные черты которой складывались веками на протяжении жизни многих поколений.

И вот Мириам Хейли, наработав качество писателя, способного на глубокие аналитические размышления, постигшего секреты

логического построения сюжета и обретшего свой неповторимый литературный стиль, окунувшись в глубину истории своего народа, в родную культуру и смело вошла в новый современный контекст. С первого же рассказа, написанного ею в ответ на наш призыв, обнаружилась глубинная значимость тем горско-еврейской жизни.

Появились персонажи местечкового и городского фольклора, доселе не встречавшиеся в русскоязычной горско-еврейской прозе. Рассказы Хейли уносят нас в мир далеких, добрых, по-семейному теплых, по-шоломалейхемовски изящных легких ностальгических историй. Здесь читатель может прочувствовать самые тонкие нюансы характерных черт небольшого трудолюбивого народа, в большей части с глубоким осознанием ответственности перед Всевышним. Образы её героев приковывают внимание, внушая симпатию.

Каждый рассказ остается в памяти, и это тоже одна из особенностей дарования Мириам Хейли, умеющей создавать живые, точные зарисовки быта и характеров героев, которым не чужды величайшие общечеловеческие ценности, несмотря на суровый их быт и трудную жизнь, наполненную заботами о хлебе насущном.

Мириам Хейли постоянно занята поиском историй утраченного времени. Её рассказы основаны на подлинных событиях, о которых писательница услышала от живых свидетелей. Возможно, если бы не она, русскоязычный читатель никогда не узнал бы и не почувствовал тонкие оттенки этнической палитры горско-еврейской культуры.

Еще важно отметить, что книга издана в рамках осуществления проектов общины Кавказских евреев, содействие которой постоянно оказывает Московский благотворительный фонд СТМЭГИ и его Президент Герман Захарьев. Финансовую поддержку этой книги взяла на себя израильская журналистка, ученая, предприниматель, Жанна Азарьева.

Помимо автора, работа над этим проектом велась при активном участии Председателя Совета Старейшин Рашбилем Шамаевым и Руководителем Общинного центра Яковым Абрамовым. Всем им моя глубокая признательность и поздравление с успешным осуществлением задуманного проекта.

Ноберт Евдаев
Главный редактор издательства
«New frontier»

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

В том, что ты сегодня держишь в руках эту книжку, большая заслуга издательства «Новый рубеж» и его главного редактора Ноберта Евдаева.

Я также хочу отметить роль Жанны Азарьевой душой болеющей за интересы развития и сохранение ценностей культуры нашего народа, взявшей на себя финансирование издания этой книги.

Пользуясь случаем, от всей души благодарю их за предоставленную мне возможность поговорить с моим читателем с глазу на глаз. Замечательно, что в нашей среде есть такие прекрасные люди!

Милый читатель! Мне так много хочется тебе рассказать, и я надеюсь, что эта книга будет началом нашего разговора.

Я начала писать совсем недавно, каких-нибудь пять-шесть лет назад. Просто однажды мои подруги послали в редакцию одной из русскоязычных газет юмореску, написанную мною ко дню рождения одной из них.

Как ни странно, когда мне оттуда позвонили и подтвердили, что юмореска будет напечатана я, побоявшись быть узнанной и высмеянной родными и знакомыми, придумала себе псевдоним, под которым и пишу с тех пор.

Будучи человеком не очень уверенном в себе, я всегда нуждалась в моральной поддержке, и потому хотелось бы выразить благодарность моей маме, Рахели Агароновой и дяде – Ариэлю Елизарову, за то, что верили в меня и подбадривали добрым словом.

Первое время я писала на темы, которые меня каким-то образом задевали, пытаюсь понять сама и донести до читателя мои мысли и чувства.

Я очень благодарна редакторам израильской газеты “Секрет”

Л. Белоцерковскому и В. Плетинскому за то, что на страницах своей газеты они опубликовали мои первые пробы пера и помогали найти свой стиль. На сегодняшний день таких публикаций около пятидесяти.

Однажды ко мне обратился издатель и редактор газеты “Новый Рубеж” Ноберт Евдаев и попросил написать о жизни горских евреев. С этого начался отсчет времени погружения в эту тему. Мне было не трудно этим заняться, ведь я отношусь к этой общине. Все мои дедушки и бабушки родились в Красной Слободе, где веками проживали горские евреи.

Обратившись к теме горских евреев, я начала более глубоко изучать их историю, быт и культуру, религиозные обряды, традиции, язык.

И здесь хотелось бы поблагодарить моего свекра, Хаима Хаимова, за то, что он, рассказывая мне интересные истории из жизни нашего народа, передавая их привычки и обряды, сумел дать мне почувствовать душу нашего народа. Этот образ получил резонанс и в моей душе и нашел отражение в моем творчестве.

Тогда я решила, что большую часть своей литературной деятельности посвящу родной общине. И своими произведениями постараюсь пожилым напомнить, а молодым рассказать об истории и жизни нашего народа.

А он стоит того!

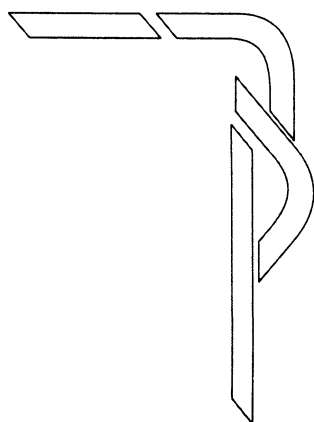
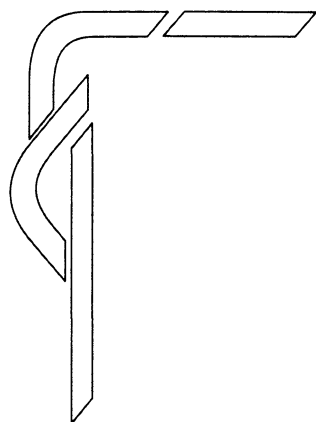
Просто, чтобы знать куда идти, надо знать откуда мы пришли.

Нельзя забывать свои корни.

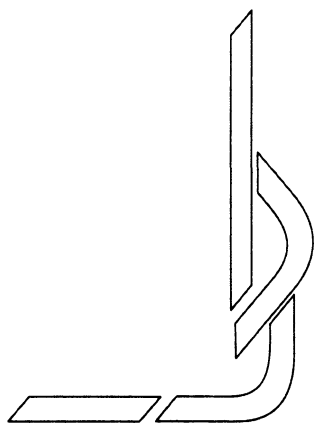
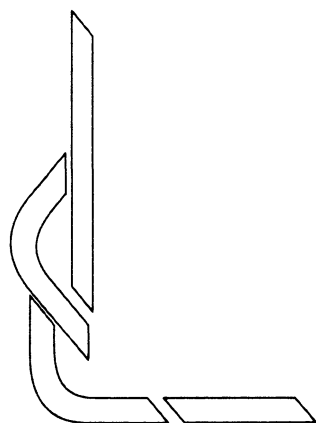
И тогда плоды будут прекрасны.

До новых встреч!

Мириам Хейли.

РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ ХАИМА

РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ ХАИМА

Наверное, он похож на тысячи других еврейских дедушек: такие же добрые карие глаза, выглядывающие из-под густых седых бровей, крупный с горбинкой нос. Такая же легкая, почти детская улыбка под пушистыми усами. Он так же любит своих детей и особенно внуков.

Наверное, он действительно похож на других дедушек. Но его дети и внуки любят именно своего – дедушку Хаима, потому что это их папа и дед.

Его внуки обожают, когда дедушка рассказывает им сказки, взрослые любят советоваться с ним: ведь мудрый дедушка многое видел и много знает.

Но больше всего и дети и взрослые любят, когда дедушка рассказывает свои истории.

Обычно в субботний или в какой-либо праздничный день вся семья собирается за общей трапезой. Дед сидит во главе стола, как капитан на капитанском мостике, за всеми наблюдает и только отдает короткие указания. Он первый читает благословения за едой и произносит кидуш на вино.

Когда все уже поели, со стола еду сразу не убирают, а просто сидят за накрытым столом и беседуют.

Дедушка сначала просто внимательно слушает разговор за столом, а потом неожиданно вступает в беседу. Сначала он продолжает разговор, а потом начинает рассказывать что-нибудь необычное.

Его рассказы интересны и детям и взрослым, потому что это

не сказки или рассказы, которые можно прочесть в книжках, а это то, что было на самом деле. То есть все эти истории действительно случались в жизни или с самим дедушкой Хаимом, или с его родными и знакомыми.

А он вовремя эти были вспоминает и рассказывает их просто замечательно.

А мы попытаемся их пересказать вам, наши читатели.

И очень надеюсь, что вам они тоже понравятся.

МИСВО

Не нравится мне, сынок, то, что ты говоришь. Ты сделал кому-то доброе дело, а он даже не отблагодарил тебя? Доброе дело – на нашем языке “мисво”¹⁾ – делается не для того, чтобы получить за него благодарность или медаль. Мудрецы говорят, что если человек сделал кому-то “мисвоо-кор”,²⁾ а потом рассказал об этом другим людям, то оно тут же стирается ангелом из списка его добрых дел. Только не говори, что делать добро – себе во вред. Пути Господни неисповедимы, и оно порой возвращается к нам необычным путем.

Послушай, как вернулось добро к одному моему хорошему знакомому.

* * *

Это произошло в конце тридцатых годов прошлого века. Ихизкель работал экспедитором на консервном заводе в городе Кубе. Ему часто приходилось сопровождать груз в разные концы Советского Союза. Вот и на этот раз его командировали во Владивосток.

Поездка на поезде почти через всю страну была очень долгой и утомительной. Но что поделаешь? Такова была его работа, а он никогда не жаловался на свою судьбу.

Добравшись утром до места назначения, он сразу же пошел к заказчику. Там у него приняли все документы и отправили отдохнуть в рабочее общежитие, предварительно отослав телеграмму в

¹⁾ Мисво – Мицва – заповедь; дело, угодное Богу.

²⁾ Мисвоо -кор – доброе дело.

Кубу примерно такого содержания: “Ваш представитель такой-то прибыл с товаром такого-то числа тчк. Выезжает обратно вечером того же дня тчк. Номер поезда, вагона и билета прилагается тчк”.

Во второй половине дня Ихизкель отправился на вокзал. Делать ему в незнакомом городе было нечего, до поезда оставалось еще несколько часов. Он сел на деревянные ступеньки у входа в здание вокзала, закурил и стал разглядывать проходящих мимо людей. Вдруг взгляд его упал на прогуливавшихся по привокзальной площади солдат. Ихизкель вспомнил, что один из его земляков служит где-то во Владивостоке. Он резко встал и, подойдя к солдатам, сказал по-русски:

– Здорово, солдаты! – он протянул им открытую пачку папирос, угощая. – Как служба?

Старший из них неторопливо протянул руку и, взяв папиросу, кивнул остальным. Они разом накиннулись на папиросы и с удовольствием закурили.

– Ну, здорово, дядя! – чуть растягивая слова, сказал старший, медленно выпуская облачко сизого дыма.

– Послушай, солдат. Тут у меня земляк служит в ваших краях, Овроом Абрамов. Может слышал?

– Абрам? Маленький такой, чернявый? Знаю. Ты, дядя, вот что. Завтра в это же время приведу я твоего земляка сюда, на это же место. Придешь?

Ихизкель задумался. Через два часа отправлялся его поезд. Но ведь завтра в это же время будет еще один. Перед его глазами проплыл образ умершей матери этого юноши. Он вспомнил их встречу восемнадцать лет назад.

Холодным зимним вечером Ихизкель возвращался из синагоги домой. Он увидел на улице недалеко от своего дома дрожавшую от холода женщину и узнал в ней жену соседа из его махалли.¹⁾

– Что ты делаешь здесь в такой мороз? – строго спросил он.

– Муж отругал меня и выгнал из дома, – прошептала женщина, опустив глаза.

Бросив взгляд на ее внушительный живот, Ихизкель покачал

¹⁾Махалля – квартал.

головой.

– Идем ко мне, – сказал он. – Женщина молча пошла за ним.

Наказав жене, чтобы она позаботилась о женщине, Ихизкель пошел к соседу.

– Твоя жена у меня дома – сказал он.

– Как ты посмел привести ее к себе в дом? Она провинилась и я наказал ее. Это моя жена, и я имею право проучить ее за непослушание!

– Побойся Бога! Ей не сегодня-завтра рожать. Вот родит, тогда и выясняй с ней отношения!

Сосед ничего не ответил, а спустя час пришел за женой.

Через несколько дней женщина родила сына, а еще через несколько дней умерла от родовой горячки. Вскоре сосед женился снова. Новая жена нарожала ему кучу ребятишек. Мачеха, у которой в те тяжелые времена и своих-то детей было нечем досыта накормить, на пасынка внимания не обращала вовсе. А когда подросток, отослала в дом его дяди, брата матери. И сейчас, когда парень служил, только дядя и поддерживал с ним связь.

– Это мисво – помочь сироте, подумал Ихизкель. – Ради памяти его матери я сделаю это. И никому рассказывать не обязательно. Дорога у меня длинная, скажу, что поезд задержался в пути.

Договорившись с солдатом о встрече, Ихизкель отправился в кассу, и после долгих уговоров ему удалось поменять билет на завтрашний поезд.

На следующий день в назначенный час солдат привел ему Овроома. Парень был несказанно рад встрече. Ихизкель обнял его. Они сели на скамейку поговорить. Ихизкель неспешно рассказал ему все нехитрые слободские новости: кто умер, кто родился, кто женился. Прощаясь, он дал Овроому гостинцев: мешочек с сухофруктами, из тех, что брал с собой в дорогу, чтобы как можно меньше тратиться на еду, пачку папирос и три рубля денег. И еще купил ему на вокзале мороженое. Юноша, не привыкший к такому вниманию, всё время смущенно приговаривал: “Ну что вы, дядя, мне ничего не надо”. Они ещё раз обнялись и расстались.

Прошло несколько недель.

Рахель проснулась с нехорошим чувством. Она занялась привычными домашними делами. Поняв по грохоту, с которым она хозяйничала, и по недоброму взгляду матери, что она не в духе, дети старались не попадаться ей на глаза. Но им все равно досталось. Рахель не понимала, почему у нее так тяжело на душе. В середине дня она не выдержала и, взяв с собой старшего сына, пошла к соседу, который работал вместе с ее мужем на консервном заводе.

– Симон! – крикнула она с порога, не заходя в дом, – ты не знаешь, почему мой муж еще не вернулся? Ты ведь много раз ездил туда. Ты должен знать, сколько времени занимает дорога?

– Не волнуйся, женщина. Я думаю, он вернется сегодня-завтра, не позже. Дорога очень долгая, в пути могут быть задержки. Но если ты хочешь, мы сейчас пойдем на завод. У них в бухгалтерии должна быть телеграмма с номером поезда, на котором твой Ихизкель должен вернуться. Так положено.

И они втроем отправились пешком на завод, который находился за пределами слободки, за рекой, в Гала.

Оставив сына внизу, Рахель с Симоном вошли в здание администрации завода. Через несколько минут мальчик услышал крики матери, а еще через несколько минут он увидел, как мать с дядей Симоном выбежали из здания.

– Рахель, что случилось? – спросил испуганно ребенок.

Но мать не ответила ему. Она била себя в грудь, разводила руки в стороны, потом снова била изо всех сил, при этом стеная и призывая Господа к справедливости. Дядя Симон растерянно шел за ней следом.

Они вышли с территории завода и пошли по обочине вдоль дороги. Рейсовый автобус Хачмас – Куба обогнал их, и мальчик увидел в окне автобуса испуганное лицо отца. Мальчик закричал и побежал за автобусом. Симон, который тоже увидел Ихизкеля, побежал за ним. Рахель ещё не поняла, что произошло. Она продолжала бить себя в грудь и стенать.

Вдруг автобус остановился. Через минуту он поехал дальше.

Когда пыль, поднятая им, улеглась, они увидели, что на обочине дороги стоит Ихизкель с мешком в руках. Все трое бросились к нему. Первым подбежал мальчик и с разбега бросился на шею отцу, за ним друг, последней была Рахель.

– Чтобы сломался хребет у этого азербайджанца, который сообщил мне ложное известие, – запричитала она, всплеснув руками.

– Не ругай его, жена, – сказал Ихизкель, покачав головой. – Я задержался на один день и не смог поехать тем поездом, на который у меня сначала был билет. На одной из станций в пути нам рассказали, что в предыдущем поезде из Владивостока произошел пожар. Причем начался он именно в том вагоне, в котором я должен был ехать. Несколько людей погибло и десятки пострадали. Вот в железнодорожном управлении и разослали телеграммы всем, кого не нашли по списку пассажиров, купивших билет. Чудо спасло меня. Вернее, не чудо, а рука Господа, да будет благословенно имя Его, вытащила меня в последний момент.

Только через много лет Ихизкель рассказал сыну, почему он тогда не сел на свой поезд. А Овроом сразу же после службы в армии пошел на фронт и вернулся домой живым.

Вот так.

МАЛЬЧИК И СОЛДАТ

— Я не знаю, как у вас на Украине, у нас в Азербайджане ярко выраженного антисемитизма не было. — Хаим сидел на скамейке в кругу пенсионеров-репатриантов. — Были, конечно, единичные случаи, но это не в счет.

Война, говорите? Да, война до нас, слава Богу, не дошла. И я не знаю, как повели бы себя наши соседи-азербайджанцы, если бы фашисты вошли в наш город, но вообще мы жили с ними достаточно дружно. Послушайте, я вам расскажу об одной дружбе — еврейского мальчика и азербайджанского солдата.

* * *

Стоял сентябрь 1941 года. Три месяца как шла война. Неожданная и страшная, она накрыла своей шинелью всю огромную страну от края до края. И даже там, где не слышны были раскаты орудий и свист пуль, люди жили мыслями о войне. Они вставали по утрам и ложились спать по вечерам, они выполняли свою привычную каждодневную работу, а в голове постоянно звучал вопрос: «Ну как там, на фронте?» И по всей стране не было такого города, не было такой деревни или аула, откуда не ушли или не собирались уйти воевать с ненавистным врагом отцы, братья, сыновья и дочери.

И оно не было исключением, это маленькое еврейское местечко, расположенное в одном из красивейших районов Азербайджана.

жана и красиво названное в годы революции Красная слобода. И хотя приметы военного времени ещё полностью не изменили налаженную мирную жизнь, дыхание войны уже доходило и до этого посёлка. Карточная система ещё не была введена, но уже резко чувствовалась нехватка продуктов.

Шимон шёл в школу. Это был невысокий, коренастый мальчуган с умным любознательным взглядом. Он учился в четвертом классе. Шимон был одним из лучших учеников и поэтому пользовался уважением товарищей. Его догнал его друг Сассон.

– Знаешь, – начал он, чуть отдышавшись от быстрого бега, – там, на холме, – он показал в сторону высокого холма за поселком, – там остановилась настоящая полевая воинская часть.

Шимон остановился и от удивления открыл рот:

– Врёшь!

Сассон в ответ замотал головой:

– Клянусь папой!

– Ух ты, – проговорил Шимон, – вот бы посмотреть!

– А давай после уроков ты, я и Хаим поднимемся на холм и посмотрим на настоящих солдат!

– Давай!

Мама вообще-то не любила, когда дети после школы задерживались где-то, но мальчишеское любопытство взяло верх.

После уроков Сассон и Хаим подошли к Шимону.

– Ну что, не передумал?

– Нет, конечно. Пошли!

Мальчишки наперегонки побежали через весь посёлок. Вот они уже подбежали к холму. Сассон и Хаим, более сильные и рослые, убежали вперёд. А Шимон отстал. Тяжело дыша, он поднимался по крутому склону. Ну вот, сейчас, он только пройдёт кладбище и догонит их. Подниматься одному через кладбище десятилетнему мальчику было немного жутковато, но он старался не думать о страхе.

Но... Что это? Боковым зрением мальчик заметил, что у одной из могильных плит на камне сидит странный человек. От испуга мальчик остановился. Человек заметил мальчика и позвал его по-

азербайджански:

– Эй, земляк, иди сюда!

И тут Шимон заметил, что незнакомец одет в солдатскую шинель.

– Не бойся, земляк, не бойся, иди сюда!

Мальчик подошёл.

– Ты здешний?

– Да, дядя.

– Ты идёшь из школы?

– Да, дядя.

– А в каком классе ты учишься?

– В четвёртом.

– Дай мне твой ранец.

Шимон не знал такого слова. И хотя он отлично учился, никто из его учителей никогда не употреблял слова «ранец». Солдат повторил просьбу. Мальчик догадался, что речь идёт о его сумке. Он молча протянул её солдату.

– Я до войны в начальной школе учителем работал, – сказал солдат. – Ну, и что вы сейчас проходите по «Родной речи»? – спросил он, вытаскивая из сумки учебники.

Шимон прочитал стишок, заданный на сегодня. Потом солдат дал ему несколько примеров по арифметике. Мальчик легко справился с ними.

– Молодец, – солдат похлопал его по плечу. Он повернулся лицом к посёлку, и они вместе стали разглядывать его сверху.

С высоты холма посёлок просматривался как на ладони. Он был виден весь, со всеми домами и улочками вплоть до реки Кудиал-чай и моста, соединяющего посёлок с Гала, так здесь называли центральную часть города Куба, где жили в основном азербайджанцы.

– Что это за деревня? Дома небольшие, дворы маленькие, ни садов, ни огородов, ни курятников, ни хлевов для скотины не видно.

– Это не деревня. Это посёлок Красная слобода. А там, за мостом, живут азербайджанцы.

– Погоди, а вы тогда кто?
– Мы “джууды” – горские евреи.
– Евреи? – солдат удивлённо покачал головой. – А где ты живёшь?

– Там, – Шимон показал пальцем вниз, – на улице Горького.
– Горького? А улицы Сталина нет? Какие есть?
– Ленина, Колхозная, Пролетарская, Брас...вещений.
– Что такое “Брасвещений”? – Мальчик пожал плечами. – А, наверное, “Просвещение” – “маарив” по-русски, – догадался солдат.

«Какой он умный, – подумал Шимон, – вон, даже русский язык так хорошо знает!»

– А что это за здания с круглыми куполами?
– Это бывшие синагоги.
– Что?
– Ну... Мечети для евреев.
– А почему бывшие?
– Потому что до революции здесь было одиннадцать синагог. А потом все позакрывали и оставили только одну. И её то открывают, то закрывают.

– А что сделали с остальными?
– В этой – колхозный склад, – Шимон показал пальцем на один из куполов, – в двух этих – начальные школы, в этой – аптека, там – хлебозавод, а в той – чулочная артель...

Солдат улыбнулся:
– А что в остальных?
– Вот в этой – ковровая артель, там – поселковый клуб, а в той – баня.

– В мечети – баня? – переспросил солдат.
– Да. А вот здесь из камней старой синагоги построили среднюю школу. А сейчас там госпиталь, – гордо добавил мальчик.

Солдат ещё раз удивлённо покачал головой.
– А где работают все эти люди? Ведь они должны где-то работать, чтобы прокормить свои семьи?

– Ну, кроме того, что я уже перечислил, у нас есть ещё

мебельная артель, выпускающая бочки, – брови солдата поднялись вверх. – Поликлиника, – продолжал мальчик, – почта, родильный дом, детдом, кинотеатр, два детских сада, один – в центре, – он показал пальцем, – а другой здесь, у подножия холма, на месте старого кладбища.

– Не понял. Детский сад построили на кладбище?

– Да. Все старые могильные камни свалили в одну кучу, а на освободившемся месте построили детский сад, – Шимон не понял, что так удивило солдата, и продолжал, – а в Гала есть ещё консервный завод, там мой папа работает. А ещё у нас есть колхоз имени шестнадцатой партии...

– Не шестнадцатой партии, а имени Шестнадцатого партсъезда, – учительским тоном поправил солдат. – А колхозники хорошо зарабатывают?

– Да. Сассона отец работает завскладом в колхозе. Они живут хорошо. Он говорил, что в этом году колхозники получили по одному килограмму зерна на каждый трудодень.

– Но это очень мало!

– Не знаю. А в колхозе имени Берии давали по два килограмма, в колхозе имени Сталина – по три.

– Да ... А ты куда шёл?

– Туда, – мальчик показал наверх.

– А мать знает, где ты? – в голосе солдата опять послышались учительские нотки.

– Да, – соврал Шимон.

– Ну иди. Только быстрее возвращайся, а то уже поздно.

Прощавшись, мальчик стал быстро подниматься по склону холма. Поднявшись на вершину, он увидел, что действительно здесь развернулась самая настоящая полевая боевая часть. Новобранцы – молодые солдаты из окрестных селений – были одеты поверх формы в солдатские телогрейки. Они без интереса посмотрели на мальчишку. Вдруг один из них подошёл к Шимону.

– Парень, у тебя хлеб есть? – спросил он по-азербайджански.

– Принеси хлеба, парень, – он посмотрел на мальчику глазами, полными мольбы.

Не говоря ни слова, мальчик повернулся и побежал домой, не разбирая дороги. Когда, запыхавшись, он вбежал в дом, мать посмотрела на него и укоризненно сказала:

– Где ты ходишь? Уроки давно уже закончились.

– Хана, – Шимон называл мать по имени, как было принято у них в посёлке, – Хана, – от долгого бега у него пересохло в горле. Мать молча протянула ему кружку с водой. Быстро сделав пару глотков, мальчик продолжал. – Там, на холме, стоит полевая воинская часть... Там солдаты. Они голодают. Они попросили хлеба, – мальчик с надеждой посмотрел на мать.

Женщина глубоко вздохнула и подошла к шкафу, где лежали завернутые в полотенце хлебы, испечённые с утра для её большой семьи. Она на секунду задумалась, потом вытащила два из четырёх небольших круглых хлебов, разломила каждый на четыре части. Так же молча взяла сумку Шимона, вынула из неё тетради и учебники, положила туда хлеб и протянула сыну. Схватив сумку, мальчик побежал обратно.

Увидев его, новобранцы сбежались к нему с криками: “Дай мне!” Он вынул из сумки семь кусков и быстро раздал их, твёрдо решив оставить последний кусок “своему солдату”. И тут к нему подбежал молодой солдатик:

– Хлеб? Где хлеб? А мне хлеб?

Мальчик инстинктивно прижал сумку с последним куском хлеба к груди. Солдат догадался, что ещё один кусок остался. Он вырвал из рук Шимона сумку, от неожиданности мальчик упал. Не обращая на него внимания, солдатик вытащил из сумки кусок хлеба и с жадностью откусил.

– Кто обижает ребёнка? – Грозная фигура солдата в шинели возвышалась над мальчиком. Это был он, “его солдат”. Он был выше ростом, здоровее и старше остальных новобранцев. Солдат помог мальчику подняться. Он отобрал у обидчика хлеб и протянул его Шимону.

– Что это? – строго спросил он.

– Хлеб для солдат, – прошептал мальчик.

– А мать знает? – голос солдата потеплел.

– Это мама дала мне.

– Ну ладно, ешь свой хлеб и иди домой, уже поздно.

– Я не хочу, это я для тебя оставил, мальчик протянул хлеб солдату.

– Нет, – ответил он, – я не голоден. Ешь сам.

Шимон молча протянул последний кусок хлеба молодому солдату и медленно пошёл домой.

А через день, в воскресенье, солдат появился у них дома. Познакомившись с отцом Шимона, он рассказал о себе. Звали его Бахман Мамедов. Был он из Евлахского района Азербайджана. Он уже два года служил в армии. Прямо со службы его отправили на фронт, а теперь ему, как опытному солдату, знающему при этом и русский, и азербайджанский, поручили готовить к войне только что мобилизованных из местных селений молодых солдат.

После этого он много раз приходил к ним. Сначала он разговаривал с мальчиком, спрашивал его об уроках, затем заходил в дом и беседовал с его отцом. Если Шимона не было дома, когда приходил Бахман, кто-нибудь из братьев и сестёр находил его и кричал: “Шимон, иди, твой солдат пришёл!” Мальчик был страшно горд дружбой с настоящим солдатом.

В последний раз он пришёл в конце февраля. Несмотря на дождь, Шимон с друзьями играл во дворе. Бахман подошёл к нему. В руках у него был небольшой пакет. Отдав его мальчику, он сказал:

– Когда я уйду, передашь это отцу, – и добавил, погладив Шимона по голове, – ты хороший мальчик, оставайся таким всегда.

Он зашёл в дом, поздоровался с родителями Шимона и на приглашение сесть отказался:

– У меня сегодня нет времени, – он помолчал. – Немцы уже в Моздоке. Мы должны остановить их и не пропустить к Баку. – Он еще помолчал и, попрощавшись, ушёл.

Когда Шимон с отцом открыли пакет, там лежали гостинцы: пара нового солдатского нижнего белья, половина куска хозяйственного мыла, восемь кусков сахара-рафинада и детский кожаный ремешок – для мальчика.

А через месяц пришло от него письмо с фронта. Бахман писал о своем отце и младшей сестре, сообщил их адрес, просил поддерживать с ними связь. Он спрашивал обо всех и очень скупо писал о себе.

А через месяц пришло ещё одно письмо – от его друга. В нём было всего несколько строчек на русском языке: в такой-то день в таком-то бою погиб смертью храбрых Бахман Мамедов. В кармане его шинели было два письма: одно от Шимона, другое от отца. Друг послал письма по обоим адресам.

Война принесла горе в каждый дом, и эта потеря была, увы, не последней в доме Шимона. Но тогда он впервые почувствовал, каково это, когда молодые, сильные и здоровые уходят из жизни не от болезней и старости, а для того, чтобы оставшиеся покидали этот мир только от них.

Он погиб, как миллионы советских солдат в то страшное лихолетье, простой сельский учитель. Мальчик из еврейского местечка долгие годы помнил о нем. Он вспоминал их первую встречу, вопросы, которые задавал солдат, и, даже став взрослым, не на все из них мог дать ответы.

ДЕВОЧКА ИЗ ЯТАГА

День рождения близился к самому торжественному моменту – зажиганию свечей на именинном пироге. Тетя Алла, которая испекла для любимой племянницы свой знаменитый “Рыжик”, готовила своего красавца к этой важной минуте, устанавливая свечи в только ей одной известном порядке. Уже давно были с аппетитом съедены шашлыки и плов с гоурмой. Хозяйки подали на стол фрукты и орешки.

Разговор за столом перешел от обсуждения и осуждения правительства к мистике и экстрасенсам. Мужчины были склонны к единому мнению: все это ерунда и обман, просто всякие проходимцы придумали, как выбивать деньги у глупых баб.

– А я не совсем с вами согласен, – вдруг сказал дедушка Хаим.

– В жизни иной раз случаются вещи, которые нельзя объяснить иначе, как вмешательством высших сил.

Вот послушайте, что произошло со мной много лет тому назад.

* * *

В воскресное утро в начале марта 1966 года я встал по привычке рано.

Дети еще спали. Жена хлопотала на кухне. Позавтракав, я направился в свою “мастерскую”. Это, конечно, громко сказано. На самом деле это был маленький чуланчик, где я занимался своим любимым делом: возился со старыми радиоприемниками

и телевизорами. Правда, со временем это увлечение переросло в неплохой приработок к плохому заработку рядового инженера НПО.

В тот памятный день я чинил телевизор своего соседа Симоняна. Вдруг я почувствовал, как моя ясная голова вдруг стала какой-то тяжелой, будто на нее надели железный обруч. Внезапная мысль пронзила сознание: “Быстрее! Быстрее! Надо ехать!”

С этой минуты я словно потерял контроль над собой. Вернее, в моей голове как бы поселилось чужое сознание, которое управляло мною, при этом мое собственное пыталось робко задавать вопросы “чужаку”, а тот только торопил: “Быстрее! А то будет поздно!”

Я встал, открыл шкаф и вынул из него почему-то демисезонное коричневое пальто и серую кепку, хотя в это время года ходил в теплом пальто и шапке-ушанке. Уже потом, все обдумав, я понял, что в кармане демисезонного пальто случайно оказались двадцать копеек, которых вполне хватало на дорогу. Если бы я надел теплое, пришлось бы разговаривать с женой, объяснять, куда я иду и зачем.

Надев на домашнюю рубашку пальто, я бросил жене, которая в это время гладила белье: “Скоро вернусь!” – и вышел из дома. По дороге к остановке автобуса я спросил себя: “А куда я иду?” – “Тебе надо поехать в поселок Зых. Скоро Нисону¹⁾, забыл? Но только быстрее!”

Дело в том, что раз в год перед Нисону я покупал у знакомого азербайджанца, жившего в поселке Зых, корову. Затем привозил из синагоги рабби, который ее резал, и мы с братьями делили мясо к празднику на всю семью.

Это мясо обходилось нам во много раз дороже, чем магазинное, но к празднику мы начинали откладывать деньги за полгода, чтобы справиться его как полагается.

Подойдя к остановке, я вдруг почувствовал, что вижу себя со стороны. Более того, как-то странно – сверху вниз. Я обнаружил это неожиданно: увидев метрах в десяти под собой быстро идущего человека, я подумал, что где-то видел его. “Да это же я! Как же я небрежно одет!” Я четко видел себя сверху как бы в вертикальной проекции: в середине кепка в виде серого круга, вокруг – тело в виде

¹⁾ Нисону (от месяца Нисан) – Пейсах.

коричневого овала, внизу – черные ботинки в виде мелькающих черных пятнышек, и бегущая впереди серая тень. Кстати, по величине и направлению этой тени я потом сумел определить примерное время происходившего: около одиннадцати.

При этом одновременно я продолжал ощущать себя этим идущим внизу человеком, и, судя по косым взглядам соседей, это раздвоение отражалось на моем лице.

Автобус прибыл сразу. Он был, как всегда, битком набит. “Ну же, ну, быстрее!” – всю дорогу стучало в моей голове. Автобус, ехавший из поселка Говсаны, где я жил, до железнодорожного вокзала в Баку, проезжал через несколько поселков городского типа, первым из которых был Зых. Но, не доехав до Зыха, шофер вдруг остановил автобус. “Что он делает? У меня же совсем нет времени!” – подумал я с отчаянием.

– Я сейчас каждого заставлю заплатить за проезд и дам билет, – сказал шофер. – А то в Зыхе часто бывает контролер, я знаю, и половина из вас выпрыгнет на остановке без билета. Водитель вошел в салон автобуса с рулоном билетов и кошельком с мелочью.

– Я не могу ждать, – сказал я шоферу и, показав свой билет, вышел из автобуса.

Выйдя, я осмотрелся. До центра поселка оставалось примерно два километра по дороге. Но дорога шла зигзагом. Вдруг я вспомнил, что тут недалеко место, называемое в народе Ятаг. Сюда зыхские пастухи выгоняли небольшие отары овец, принадлежавшие жителям поселка. Здесь же было несколько домиков, в которых жили пастухи с семьями. Все жители ближайших поселков знали, что, если кому-то понадобится мясо на шашлык, можно подъехать к Ятагу и купить у пастухов славного барашка по сходной цене. Как потом пастухи отчитывались перед хозяевами, никто не знал, да никого это и не интересовало.

– Может, через Ятаг проходит короткая дорога к поселку? – подумал я.

В этот момент автобус, на котором я приехал, обогнал меня, издевательски просигналив.

Подойдя к домикам пастухов, я почему-то стал их считать:

– Первый, второй, третий,.. третий, чем-то третий показался

мне странным, но я не уловил, чем, – четвертый...

Обойдя домики, я понял, что короткой дороги здесь нет, а через пастбище идти не короче, чем по шоссе. Я повернулся к домикам. Маленькие, неказистые, построенные наспех, они стояли за деревянными заборами. Я решил вернуться и почему-то снова стал пересчитывать их:

– Четвертый, третий, третий... Что это? – Я подбежал к забору третьего дома.

И тут я четко увидел то, что искал. На калитке, зацепившись платьем, висела девочка лет трех-четырёх. Я снял ее с калитки. Ножки девочки были синюшного цвета и холодные, как металл. Еще бы! Холодный бакинский мартовский ветер на открытой местности гулял вовсю. Глазки девочки были закрыты, ротик, наоборот, – открыт. Она не подавала признаков жизни. Я расстегнул пальто и, прижав к себе девочку, обернул ее.

– Хозяйка! – крикнул я по-азербайджански. – Есть кто-нибудь в доме?

Никто не отозвался. Я поспешил ко второму домику.

– Хозяйка! – позвал я еще раз. И опять ни звука.

Только в первом домике дверь на мой голос открылась и на пороге появился шестилетний мальчуган.

– Что, дядя? Пастухи там, – он показал в сторону пастбища.

И тут в дверях показалась молодая женщина.

– Хозяйка, – сказал я, – я тут мимо проходил.

Брови женщины приподнялись. Здесь, вдали от дороги и жилья, мимо не проходят. Желающие купить барана идут прямо к пастухам на пастбище.

– Вижу, ребенок висит, – продолжал я, – зацепилась платьем за калитку. Наверное, хотела перелезть. Я распахнул пальто и показал девочку.

– Мама, да это же... – мальчик назвал имя девочки, но я его не расслышал.

– Возьми ее, – я кивнул на девочку на моих руках.

Подойдя поближе и взглянув на нее, женщина в испуге отпрянула.

– Не возьму! – закричала она. – Она мертвая!

Женщина забежала в дом и закрыла за собой дверь. Мальчик остался стоять на крыльце.

“Что же теперь делать?” – подумал я.

– Недалеко от остановки есть туберкулезный диспансер. Там могут оказать первую помощь, – подсказало мне “чужое” сознание.

Но дверь дома вдруг снова открылась, и на пороге показалась женщина, уже тепло одетая, с теплыми вещами в руках. Сунув мальчику пальто и шапку, она открыла принесенную из дома теплую шаль.

– Дай мне ее, – сказала она. – Утром я видела, как ее мать уходила куда-то.

В тот момент, когда я передавал ей девочку, та вдруг тяжело вздохнула и пошевелила рукой.

– Ее еще можно спасти! – вскрикнула женщина. – Но куда мне идти?

– Иди в туберкулезную больницу. Там и в воскресенье есть дежурный врач, – сказал я устало.

Женщина с девочкой на руках пошла в сторону поселка. Мальчишка бежал рядом с ней.

И тут я почувствовал, как “чужое” сознание покинуло мой мозг, тиски, обхватившие голову, отпустили. Но странная слабость и головокружение пришли им на смену. Я перестал видеть мир как бы из двух точек наблюдения. “Надо пойти помочь ей”, – мелькнула в голове слабая мысль.

Но ноги стали вдруг ватными, тело не хотело двигаться. Я развернулся и побрел назад, к дороге.

“Куда я шел? Зачем?.. Кажется, я шел в Зых договориться о покупке коровы к Нисону. Но вчера я ездил в синагогу в город. Раввин поздравил всех с праздником Пурим. Значит, до Нисону еще месяц. Зачем мне так рано корова? Надо возвращаться домой.” – вяло шевелилось в моей голове.

Я перешел дорогу и побрел к ближайшей остановке. В таком же полусне, почти на “автопилоте”, вернулся домой. Жена по-прежнему гладила белье.

– Ты уже пришел? – спросила она.

Я ничего не ответил. Молча разделся и лег на диван...

Проснулся только утром. Проснулся бодрым, в хорошем настроении. Я абсолютно ничего не помнил.

– Что с тобой было вчера? – спросила жена. – Ты куда-то на час ушел, потом пришел, прилег на диван и отключился. Дети шумели, телевизор орал, а ты спал как мертвый, хотя обычно просыпаешься от любого шороха. Мне кажется, что у тебя что-то было с давлением.

И тут я вспомнил все. Что это? Станный сон или быть? Я не верил в потусторонний мир и считал мистику верой человека в сказку, оставшуюся нам от язычества. Вернувшись с работы, я уже был твердо уверен, что все это мне приснилось.

Мне всегда снились яркие, интересные сны. В детстве я пытался несколько раз рассказать их матери. Но каждый раз получал подзатыльник и раздраженный окрик матери:

– Все дети как дети. Один этот не как все. Запомни! Цветные сны видят только сумасшедшие. Нормальный человек не видит снов вообще. Или видит черно-белые!

После этого я перестал рассказывать свои сны кому-либо. И на этот раз ничего не рассказал жене. Правда, на всякий случай послушал “Новости” по радио и по телевизору. Прочитал свежие газеты. Нигде ничего не сообщалось. “Ну, точно сон”, – решил я.

Возвращаясь домой с полными сумками и авоськами, я встретил своего соседа Мамед-Гусейна.

– Ай да Хаим, – сказал тот. – Сегодня картошку купил, вчера барана... Никак скоро будет той.¹⁾ Что, брат женится?

– Какого барана? – удивился я.

– Да ладно тебе. Не бойся, я не сглажу. Я же сам видел, как ты вчера часов в одиннадцать в Ятаг ходил, мы с братом как раз мимо по дороге проезжали.

Будешь делать брату свадьбу, не забудь пригласить. У вас, евреев, на свадьбах вкусно угощают.

Вот так. А вы говорите все выдумки.

Нет, все-таки есть еще много необъяснимого в жизни!

¹⁾Той – торжество.

КЛЯТВА

— **Ч**то внученьки, что красавицы, скучно вам? — дедушка Хаим погладил по головке младшую внучку. Теперь, пока ваши мамы, дай Бог им здоровья, не вернутся с базара, вы у меня что, будете скучать? А ну-ка позовите старшую, нечего всякую ерунду по телевизору смотреть! Я вам расскажу интересную историю. Что? Ну, конечно, взаправдашнюю, у меня все истории такие. Что? Хочешь про любовь? Расскажу про любовь. Садитесь поудобнее и слушайте.

* * *

Весна уже полностью вступила в свои права. Снег почти весь растаял на холмах и невысоких горах, окружавших эту маленькую еврейскую слободку. И вместо снега молодая зеленая трава начала покрывать холмы изумрудным ковром. И только седоголовый Шагдаг, как старый аксакал, издалека смотрел на всех сверху вниз. Так старость и мудрость смотрит на юность и неопытность.

Ибо знает, что весна года, как и весна жизни, проходит очень быстро.

Небольшая шустрая речка Кудиал-чай, огибающая поселок, весело несла свои воды. Весна — это было ее время.

Хана возвращалась из школы домой. Веселое весеннее солнце подмигивало ей из-за облаков. Девушка подняла голову и посмотрела на небо своими удивительными зелеными глазами. Она глубоко вздохнула. Пьянящий, сладкий запах весны кружил

голову. Хана знала, что это пахнут плодовые деревья, стоящие в цвету по всей слободке. Она даже различала по запаху цветы разных деревьев: это – груши, это – сливы, ну, а это знаменитые, известные по всему Азербайджану кубинские яблоки, воспетые в песнях и стихах.

Хана обожала это время года. Хотя кругом была слякоть и грязь, тоже присущие весне, она не замечала этого, а видела только цветущие деревья и чувствовала ласковый весенний ветерок. Ее не покидало странное чувство: ей казалось, что сегодня должно произойти что-то очень важное. Но она не хотела думать об этом. В конце концов у нее были родители, которые все решали за нее. Она их очень любила и уважала, хотя и побаивалась.

Девушка шла из школы одна. У нее не было подруг. И вовсе не потому, что она ни с кем не ладила, напротив, у нее был очень мягкий, покладистый характер. Дело в том, что ее мама была женщиной старой закалки и строгих правил. Она считала, что подружки могут научить ее дочь быть непочтительной к родителям, а то и, не приведи Господь, чему-нибудь еще похуже, чего не подобает молодой девушке знать до свадьбы. Она вообще была бы рада не посылать дочь в школу, полагая, что женщине грамота ни к чему – ее удел дом и семья. Но советская власть, установившая в поселке свои порядки, сделала образование обязательным, и с этим приходилось считаться.

Девушка незаметно проскользнула в дом. Поставив книжки на место, она уже собралась заняться привычными домашними делами, как в дом вошла мать.

– Ты уже пришла? – Взгляд матери на миг потеплел, но она тут же придала ему прежнюю строгость. – Я хотела тебе что-то сказать.

Она внимательно посмотрела на дочь. Та стояла, чуть склонив голову и опутив взгляд. Весь ее вид выражал почтение.

– Мы с отцом решили, что тебе уже пора определить свою судьбу. Шестнадцать лет – вполне подходящий возраст. Сегодня к нам придут сваты. Мы уже договорились с родителями жениха. Вас сегодня познакомят. Так что, дочка, возьми кувшин и принеси

воды. До вечера надо много чего успеть.

Хана опустила голову еще ниже:

– Ты не подумай, я не собираюсь перечить вашей воле, – сказала она. Только скажи мне: кто он?

– Не волнуйся, если уже мы дали свое согласие, значит, мы все уже подробно узнали о нем и обдумали. Он из приличной слободской семьи. Парень работающий и почтительный. Ты вряд ли знакома с ним. Ведь он живет в соседней махалле. Через месяц мы справим обручение, а через три ему надо идти служить в армию. Как только он вернется, сыграем свадьбу. А теперь иди за водой.

Вечером к ним в дом пришли гости. Когда разговор в соседней комнате был уже в самом разгаре, мать велела Хане поставить стаканы с чаем на поднос и обнести гостей. Она зашла в комнату с подносом в руках. Ее ослепительно белая кожа стала розовой. Смущенная, она не могла оторвать взгляд от пола.

– Не бойся, дочка, – веселый женский голос звучал дружелюбно, – мы – люди простые.

Хана подняла глаза и, встретившись взглядом с женщиной, смущенно улыбнулась и прошептала:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, дочка. – Глаза женщины были под стать голосу, веселые и добрые. – Мы с тобой обязательно подружмся. А мой Дониил будет тебе хорошим мужем. С ним ты будешь как за каменной стеной, – женщина повела рукой в сторону.

Хана посмотрела в указанном направлении, и ее глаза встретились с горящими черными глазами юноши. Резко поставив поднос перед гостями, Хана прикрыла лицо руками и выбежала из комнаты. Вслед ей слышался звонкий смех женщины.

– Боже мой! Этого не может быть! – шептала девушка, прижавшись к яблоне во дворе.

Каждое утро по дороге в школу она встречала этого юношу. Он в это же время шел на работу навстречу Хане. Одноклассницы, шедшие, как всегда, шумною толпою впереди нее, при его появлении начинали громко смеяться и украдкой бросать на него взгляды. Только Хана опускала голову и изредка сквозь ресницы

поглядывала на него. Она молча была согласна с одноклассниками: он действительно был самым красивым парнем в поселке. Высокий, статный, черноглазый, с черными вьющимися волосами. Но при этом он был очень серьезный и никогда не отвечал на заигрывания девочек.

Хана и не мечтала о таком женихе. Хотя бы потому, что считала себя совсем обыкновенной девочкой. Она была уверена, что среди ее ровесниц, которых он ежедневно видел по дороге на работу, наверняка была не одна более красивая.

– Хана, – мама положила ей руку на плечо, – не смущайся, мы с отцом рядом. Идем в дом. Гости ждут.

Через месяц в доме Ханы собрались родные и соседи. Они справляли обручение Ханы и Дониила. Он подарил ей платок и кольцо, доставшееся ему еще от бабки. Молодые светились счастьем, хотя изо всех сил старались скрыть это от окружающих.

– Невеста, конечно, мила и нежна, но жених – просто красавец, – сказала одна из соседок, сидевших за столом, другой, наливая ей в рюмку тутовку.

– Ты права, – вторила ей та, поднимая рюмку, – она премиленькая, но он все-таки лучше.

У них обеих дома были дочери, которым, на их взгляд, больше подходил такой жених.

– А он, ты глянь, как он на нее смотрит! – вмешалась третья. – Недаром говорят: “Чтобы увидеть красоту Лейли, надо посмотреть на нее глазами влюбленного Медждуна!”

После обручения мать разрешила Хане иногда заходить в дом к жениху, когда там был еще кто-то. Часто Эстер, сестра Дониила, приходила за ней и звала в гости. Ни о какой встрече наедине не могло быть и речи. Мать Ханы говорила:

– Не надо давать дьяволу шанс, а то он может довести до греха любого, как он это сделал с Евой и Адамом.

В основном они разговаривали втроем, причем хохотушка Эстер говорила больше всех. Но им не нужны были слова. Присутствие друг друга и иногда брошенный взгляд говорили о многом.

Однажды Хана зашла к ним по приглашению Эстер помочь им

лепить пельмени. Мать Дониила раскатывала тесто, а девушки лепили. Дониил сидел здесь же, на кухне, и что-то чинил.

– Представляешь, – начала Эстер, обращаясь к Хане, и вдруг, вспомнив что-то, прыснула, смеясь. – Представляешь, в воскресенье Дониил с мамой ходили в Гала на базар. Они там накупили разные вещи, но твой жених отличился...

– Закрой рот, балаболка, – мать с улыбкой погрозила ей пальцем.

– Нет, ты слушай. Твой Дониил выбрал там для тебя подарок. Мало того, что, пока он выбирал, замучил и мать и продавца, этот чудной утверждает, что этот подарок похож на тебя. Как будто вещь может быть похожа на человека!

– Для чего в поселке радио, не пойму, – не поднимая глаз от работы, совершенно серьезно сказал Дониил. – Ты, сестренка, вполне могла бы заменить его. Ходила бы от дома к дому и передавала бы последние новости.

Девушки засмеялись.

– Я выбрал шаль не просто так. В этой шали моя невеста пойдет со мной под хулу.

– Дай Бог! Но как шаль может быть на кого-то похожа? – Эстер взмахнула руками, окатив всех мукой. – Вот скажи ты, Хана. С чем можно сравнить белую шаль?

Хана на секунду задумалась.

– Белая, как снег, Шахдага по утру, – произнесла она вдруг.

– Белая, как цвет лица моей невесты, – в тон ей серьезно сказал Дониил. – Изумрудные листья по кайме – словно глаза любимой. Дивные розы, украшающие шаль, словно уста ее. Даже цвета такого же цвета – спелого кизила.

На минуту в кухне воцарилась тишина.

– Да ты прямо поэт, – улыбаясь, сказала Эстер. – Это ты, точно, сам придумал? Или это из Низами?

Вдруг внезапно порозовевшая Хана сняла с себя фартук и, прошептав:

– Ой, я забыла. Мне же надо домой. Я маме что-то обещала сделать, – выскочила из дома.

Когда она уже закрыла дверь, в доме раздался взрыв смеха.

Они провожали его в армию всей семьей. Хана с Эстер плакали навзрыд. Дониил был серьезнее, чем обычно.

И опять они не могли ни секунды побыть наедине. Только прощаясь, он, схватив ее ладошку двумя своими, склонил к ней голову и прошептал:

– Ты только жди меня.

После его отъезда жизнь Ханы потекла медленно, серо и однообразно, словно караван, идущий через пустыню. И только письма от любимого были для нее будто вода для каравана, бредущего через однообразные серые пески.

Караван идет. Он знает, что в конце пути его ждет Прекрасный город, но пока надо идти, преодолевая зыбкие пески и слушая заунывный вой ветра.

Каждый день она забегала в дом Дониила – спросить, как дела и есть ли новое письмо. Как бы медленно ни шло время, оно все таки шло, и срок возвращения жениха приближался...

Иногда на караван, идущий через пески, налетает песчаная буря. И тогда черная туча закрывает не только путь к Прекрасному городу, но и солнце, и звезды.

Бурей, ураганом, горным обвалом стала для девушки война, внезапно свалившаяся на страну. Она сначала изменила облик маленькой слободки, внеся в него признаки военного времени. А потом зазвучали крики и плач в каждой махалле: это было гирье – плач по погибшим солдатам. И это стало символическим голо-сом войны.

Его сразу отправили на передовую. От него пришло только одно письмо. И все...

Она молилась каждый день. Она упрашивала, уговаривала, умоляла Бога вернуть милого домой целым и невредимым.

Сколько их, любящих невест, по всей огромной стране на разных языках возносили молитвы за любимых. Они просили, угрожали, давали обеты, умоляли о чуде.

Их, наверное, было слишком много.

Наверное, просто не хватило на всех чудес.

Они рыдали все вместе: Хана, Эстер и мать. Казалось, их стон поднимается до самого неба, казалось, что и горы молча плачут вместе с ними.

Караван, накрытый черной бурей, сбился с пути. Буря разрушила Прекрасный город, и каравану стало некуда идти.

А через несколько дней Хана зашла в дом жениха и сразу же с порога закричала:

– Вы слышали? Наша соседка тоже получила похоронку. Но вдруг выяснилось, что ее сын жив. Он лежит в госпитале. А похоронку ему послали по ошибке.

Мать Дониила, накинув шаль, помчалась к соседке, чтобы поподробней расспросить ее. Хана осталась с Эстер.

– Знаешь, – сказала она, – я уверена, что наш Дониил жив. Ну не могло так случиться, что он погиб. Я буду ждать его.

Караван остановился, застигнутый бурей. Но вот снова впереди забрезжил образ Прекрасного города, и караван медленно пошел ему навстречу.

Дни тянулись еще медленнее. Но она по-прежнему ждала. Даже когда закончилась война и оставшиеся в живых постепенно начали возвращаться, мирная жизнь медленно стирала приметы войны с лица слободки. Хотя никогда не стереть из памяти лица родных, не вернувшихся с войны, жизнь продолжалась. И вот уже то там, то тут слышался смех молодых и звуки свадебной зурны. Она все еще ждала.

Затем вышла замуж Эстер. Хана все реже заходила в дом к матери Дониила.

Однажды она зашла к ней и застала ее с соседкой сидящими, как обычно, по-турецки, на полу на душак-ча¹⁾. В руках у них было шитье.

Почувствовав неладное, женщина спросила:

– Что случилось?

Потупив глаза, Хана глубоко вздохнула и тихонько заговорила.

– Уже давно родители ежедневно ведут со мной одни и те же беседы. Они говорят: “Твой жених был хороший парень, но такова была воля Всевышнего и не нам судить Его”. Они говорят, что

¹⁾ Душак-ча – матрас для сидения на полу.

смысл жизни женщины – это семья и дети. И если я проживу всю жизнь в трауре и останусь пустоцветом, не принесшим плодов, то это будет против Бога, да и жениха это не вернет.

Прекрасный город оказался миражом. Но караван не может никуда не идти. Так он погибнет. И потому он идет в другой город, пусть в обыкновенный, а вовсе не в Прекрасный.

– Я долго сопротивлялась, – продолжала Хана, – но у меня больше нет сил. Короче, завтра в нашем доме соберутся гости. Я выхожу замуж. Только не спрашивайте, за кого. Родители кого-то мне подобрали. Не все ли равно, с кем напишет мне рабби кэтубу,¹⁾ если это не будет ...он.

Мать Дониила закричала, заголосила, стала бить себя по голове. Она подбежала к сундуку, стоявшему в конце комнаты, и открыв его, стала разбрасывать вещи по полу с криком:

– Для кого я это покупала? Для кого откладывала каждый рубль? – Она подняла лицо к небу и прокричала:

– Господи! Почему ты забрал моего сына? Почему табакхо²⁾ его невесте отнесет другая женщина? Почему не им споет рабби песни под хупой?

Она повернулась к Хане, которая тихонько плакала, вытирая слезы зажатым в кулачке платком:

– Забери все себе. Я покупала это для тебя.

– Нет, мне не надо всего. Дайте только шаль, белую, ту, что до... сын твой до войны еще купил.

Женщина подняла с пола шаль и развернула ее. На ослепительно белой шали зеленые листья плыли изумрудным хороводом, а рядом сияли дивные розы цвета спелого кизила...

Хана прижала к груди шаль и сказала:

– Я выхожу замуж. Я теперь буду мужняя жена и больше не смогу навещать вас. Это против приличий. Но я любила вас всегда и обещаю, что каждый вечер буду поминать вас в своих молитвах.

И еще я даю слово: где бы я ни жила, как только я попаду в вашу махаллю, я одену эту белую шаль в память того, кто купил ее для меня и просил ждать его.

¹⁾ Кэтуба - брачный контракт.

²⁾ Табакхо – подносы с подарками и сладостями, который с музыкой и свечами родственники жениха приносят в дом невесты.

Она вышла. В доме еще долго слышался плач матери.

И с тех пор люди стали видеть Хану в белой шали, молча проходившей по предрассветным улицам махалли.

Затем она уехала в город и приезжала в поселок редко. Но каждый раз, когда она приезжала, она обязательно надевала шаль и обходила улицы махалли, удивляя ранних прохожих.

Шло время. Умерла мать Донила, все меньше людей в поселке помнило странный обет Ханы, и потому с удивлением смотрели они на женщину в белой шали, проходившую без цели по улицам слободки.

Прошли десятилетия.

Как-то в жаркую июльскую субботу в одном доме справляли шоботы – первую субботу после свадьбы. Как водится, в дом пришли родственники невесты с подарками и те, которые не смогли присутствовать на свадьбе.

Хозяйка дома, женившая младшего сына, возилась с обедом на кухне. Невестки угощали гостей, сидевших за столом во дворе. На столе, кроме полагающегося в этот день плова, принесенного родственниками невесты, было много разных кушаний, с любовью приготовленных хозяйкой.

Жених с братьями сидел с гостями, а невеста, как того требует обычай, осталась в доме. Ей не полагалось выходить на люди в течение недели. Дети старших братьев жениха крутились здесь же, во дворе. Вдруг две девочки-сестрички, дочери старшего сына хозяйки, подбежали к ней и, дергая ее за фартук, заговорили одновременно:

– Бабушка, а правда, что ты в честь свадьбы дяди подарила всем бабушкам, своим подружкам, красивые платки? У тебя еще осталось?

– А что такое? Я что, кого-то забыла? – Женщина вытерла фартуком пот со лба и с интересом посмотрела на девочек. Она точно знала, что раздала подарки по списку и никого не пропустила.

– Нет, но здесь есть кто-то, кому бы не мешало подарить платок, – сказала старшая девочка. – Там, в конце стола сидит бабушка. Она пришла с дяденькой и девочкой. Она такая добрая: погладила

нас по головкам, дала конфет. А сама пришла в такую жару в шали. Бабуля, ну давай подарим ей платок!

– А шаль-то у нее старая-престарая: бело-желтая с блеклыми розами. Она, наверное, очень бедная. Ну, пожалуйста, бабуля.

Женщина подошла к окну и посмотрела на пожилую гостью. Смахнув медленно сползавшую по щеке слезу фартуком, она обняла внучек и сказала:

– Нет, мои милые. За все деньги мира я не смогу купить этой бабушке другую шаль. – Слезы продолжали литься из ее глаз, хотя на лице сияла улыбка. Притихшие девочки с удивлением смотрели на свою строгую бабушку.

– Да благословит тебя Господь, Хана, – прошептала та. А говорят, что нет любви на свете!

Караван дошел до ближайшего поселения и остался в нем, но образ Прекрасного города живет в его душе вечно.

Что стало с Ханой дальше, я не знаю. Одни говорят, что она умерла и велела положить шаль рядом с ней. Другие говорят, что она уехала в другую страну. Только с некоторых пор в поселке пошло такое поверье: в доме, где невеста ждет жениха, если она устанет ждать или кто-то из кумушек-соседушек расскажет о нем что-то плохое, стоит невесте выглянуть в окно на рассвете, как увидит она девушку в белой шали. Значит, все это слухи, и любимый по-прежнему верен и любит ее. Говорят, что та девушка по-прежнему юна, а шаль по-прежнему белоснежна ... и розы цвета спелого кизила все так же прекрасны, как сама любовь.

Так ли это, неизвестно. Только легенду о клятве Ханы и ее белой шали до сих пор рассказывают в поселке.

СВЕТ ДЛЯ ПРАЗДНИЧНОЙ МОЛИТВЫ

Маленький Цион подбежал к дедушке Хаиму: – Я первый нашел афикоман, – он потряс завернутым в салфетку листом мацы. – Теперь подарок мой!

– Твой, балай-мя,¹⁾ твой. Что там мама тебе дала? Игру? Вот и хорошо. Завтра поиграешь с сестрой. А сейчас позови всех детей, я вам расскажу, как во время войны нам приходилось справлять праздник.

Довид достал из кармана припрятанное с утра яблоко и принялся его грызть. Сегодня, в праздничный вечер, ужин будет поздний, надо подкрепиться.

Мальчик любил праздники. Даже та суета, которую поднимали в доме мать с сестрами, вычищая и надраивая все, не раздражала его. Вот и сейчас запах свежей побелки смешивался в доме с запахом вкусного праздничного обеда.

Этот год был самым грустным из прожитых им неполных одиннадцати. Летом началась война. Их маленькая и шумная Еврейская слободка, переименованная советской властью в Красную слободу, как-то сразу уменьшилась и притихла, как умолкает природа перед грозой. Все меньше и меньше на тесных улочках слободки было молодых людей, все грустнее становились лица девушек и женщин, все серьезнее и озабоченнее – мужчин. Даже дети и животные, которые ничего не понимали, интуитивно чувствовали тревогу в воздухе и потому как-то притихли и

¹⁾Балай-мя – мой малыш.

присмирели.

Стояла осень. Небо еще с утра затянули серые облака, казалось, вот-вот оно разразится дождем. Но уже приближался вечер, а дождя все еще не было.

В эти дни слободка привычно готовилась к празднику. Это был один из главных еврейских праздников: Рош-а-Шана. Сегодня был как раз канун праздника, и Довид спешил в синагогу. До начала службы оставалось совсем немного. В этот час все хозяйки уже поставили на огонь кастрюли с праздничным обедом, сказав традиционные слова, которыми они всегда начинали добрые дела: “Нум Худой а-Шем Адиной!”¹⁾

Как знать, сколько слез пролили в те кастрюли матери, думая о своих сыновьях, которые в этом году не попробуют праздничной трапезы! И сколько молитв было прочитано над этими блюдами с пожеланиями, чтобы в будущем году их мужья и дети, побив проклятого Гитлера, сели во главе праздничного стола!

За месяц до Йом Кипур, то есть перед Рош-а-Шана, шамаш²⁾ начинал по утрам ходить по дворам. Он звал евреев в синагогу читать Слехот.³⁾

В эти дни мальчик просыпался раньше всех и с замиранием сердца ждал, когда Иллазар-шамаш своим мелодичным баритоном пропоет под их окнами: “Шломо, сын Хаима, с сыновьями выходите читать Слехот”. Впрочем, в этом году и здесь произошли изменения. Раньше шамаш вызывал главу семьи и старшего сына, но сегодня, когда многие старшие сыновья были на фронте, он, не желая добавлять родителям боли, просто говорил “с сыновьями”. В домах, где на фронт ушел отец, он называл имя старшего сына.

Иллазар-шамаш. В глазах мальчика он был героем, как и раввин Исроиль.

После того, как с кулаками в Красной слободе, как и во всей стране советов, было покончено, пришла новая напасть – борьба с “врагами народа”, “шпионами” и “троцкистами”. В полуграмотной Еврейской слободке мало кто мог говорить по-русски, а читали и писали на этом языке вообще единицы. Да и о Троцком здесь даже не все слышали. Зато многие мужчины читали и писали на иврите

¹⁾ Нум Худой а-Шем Адиной – именем Бога, Господа нашего.

²⁾ Шамаш – синагогальный служака, помощник раввина.

³⁾ Слехот – молитва о прощении перед Судным днем.

и семнадцать синагог были всегда полны.

Местные власти сориентировались быстро. Одна за другой стали закрываться синагоги, а по ночам служителей культа увозили “воронки”. Домой никто из них так и не вернулся. А помещения бывших синагог стали использовать для других надобностей.

Власти оставили евреям только одну синагогу. Но кто пойдет служить в нее? Кто будет вести службы, проводить обряды, делать обрезание, благословлять молодых под хупой, читать кадиш над усопшими, резать скот, наконец?

И тогда самые уважаемые старики обратились к сыновьям бывших раввинов с просьбой продолжить святое дело отцов. Многие отказались, слишком уж опасным было теперь звание раввина. Согласились немногие. Раввин Исроиль стал раввином синагоги, официальным шамашем – шамаш Иллазар. Им добровольно помогали шамаш Нофтоли, шамашу Нуриэль и Шооми. Перед Судным днем они делили поселок на участки и каждое утро обходили их, созывая мужчин читать Слехот.

– Почему Иллазар-шамаш останавливается не перед каждым домом? – спросил как-то Довид отца.

– Он делает особое уважение постоянным посетителям синагоги. Да еще останавливается возле тех домов, откуда женщины каждую пятницу посылают хлеб в синагогу и дают раз в месяц пожертвование.

– Раньше все так поступали, – вздохнул отец, – а сейчас другие времена пришли. Добропорядочных евреев становится все меньше и меньше.

Довид остановился перед синагогой. Дверь была открыта, и он заметил, что внутри наравне с мужчинами сутились женщины. Довид знал, что женщин обычно в синагогу не пускают, но перед главными праздниками нескольким женщинам раввин Исроиль поручал важное дело: они выплавляли из воска гандили. Это были огромные свечи высотой больше метра и толщиной в пятнадцать сантиметров. Их устанавливали на подносах по углам синагоги и возле кафедры. Эти свечи горели всю ночь. Тем женщинам давали право читать благословение и зажигать гандили. Потом им

надлежало покинуть синагогу.

Осторожно войдя внутрь, он обнаружил, что там собралось уже достаточно много народу. Вечер еще не наступил, но светомаскировка на окнах делала помещение темнее обычного.

– Шамаш Иллазар, зажгите свет, пока еще можно, – обратился к службе раввин.

Лампочки тускло засветились.

– Опять напряжение упало, – покачал головой раввин, – ну ничего, с Божьей помощью, мы увидим святые слова наших молитв.

Электричество в слободке начали проводить в начале 38-го года. Сначала провели в учреждениях и на улицах, затем жители стали подавать прошения, чтобы подвели электричество и радио в их дома. Так постепенно почти весь поселок был электрифицирован. Довид помнил, как несколько лет назад “лампочка Ильича” зажглась и у них в доме. А когда летом того же года он поехал с отцом в Баку, с какой гордостью он рассказывал дяде о том, что теперь и у них в доме есть электричество! Дядя улыбнулся в густую бороду, вышел из комнаты и принес ему что-то, завернутое в газету:

– Это тебе подарок – электрическая лампочка! – он торжественно протянул ему сверток.

Довид был счастлив. Он положил подарок в карман штанов.

Когда они приехали домой, Довид стал хвастаться перед сестрами гостинцем.

– Откуда это у тебя? – удивился отец, протягивая руку к лампочке.

– Дядя Суин подарил, – Довид испугался, что отец отберет у него гостинец.

– От твоего дяди дожدهшься подарка, – отец покачал головой и укоризненно посмотрел в сторону матери. – Твой братец подарил ребенку городскую лампочку! Как будто он не знает, что городские лампочки нам не подходят.

– Почему? – в один голос спросили Довид с мамой.

– В городе напряжение в сети 120, а у нас 220!

- И что? – тихо спросила мать, которая ничего не поняла.
- А то, что, если ее вставить у нас, то она взорвется!
- А может все-таки нет? – в голосе мальчика была надежда.
- Так сказал монтер, который проводил у нас электричество,
- пожал плечами отец.

Тяжело вздохнув, Довид спрятал свою лампочку в сарае, рядом с остальным своим мальчишечьим “богатством”: гвоздиками, стекляшками и настоящим магнитом.

Люди постепенно шли к синагоге, и шамаши заторопились, заканчивая подготовку к праздничной молитве.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал: в синагогу вошел председатель поселкового совета в окружении нескольких активистов. Он медленно и важно подошел к раввину.

– Что это? – спросил он, кивнув в сторону гандилей. Рядом со стариками председатель чувствовал себя большим начальником. И действительно, этот еще не старый человек в сшитом на заказ военном френче, брюках-галифе и офицерских сапогах казался несчастным старикам олицетворением власти на земле. Он заложил руки за спину и вдруг закричал:

– Сейчас военное время, какой-то такой праздник у вас! Все – вон!

Приказав помощникам отыскать служку с замком от дверей синагоги, он лично погасил свечи и, выключив свет, вытолкал всех во двор.

Отобрав у шамаша Иллазара большой амбарный замок, председатель запер двери, положил ключ в карман, и, кинув на всех презрительный взгляд, погрозил жирным пальцем. Затем, довольный, он вышел со своей свитой со двора синагоги.

Некоторые разошлись сразу, но основная часть все-таки осталась. Люди не могли поверить, что они останутся без праздничной молитвы. Они стояли молча, поглядывая на раввина Исроила и окружавших его шамашей.

Не обращая внимания на людей, старый раввин молился, прикрыв глаза и покачиваясь в такт мелодии молитвы. Его бледные старческие губы шептали слова на святом языке, и окружающие

завороженно смотрели на них, как будто ждали, что вот-вот его устами заговорит сам Господь. Заморосивший было дождик сначала окропил всех мелкими, как слезы, каплями, а потом, словно испугавшись, внезапно прекратился.

Так они простояли минут пятнадцать.

– А что это тут происходит?

Никто не заметил, как у дверей синагоги оказался электромонтер Пинхас. Он с удивлением посмотрел на замок, висящий на дверях синагоги и повернулся в сторону мальчишек, стоявших поодаль. – А я думал, что праздничная молитва уже началась.

– Председатель синагогу закрыл, – Нофтоли-шамаш смахнул рукавом слезу. Он сделал несколько шагов в сторону монтера Пинхаса. – Говорит, в военное время нельзя молиться.

– А приказ он вам показал? Или постановление какое-нибудь? Нет?

Старый служка отрицательно покачал головой. В глазах его появилась надежда.

– А на нет и суда нет!

Жестом подозвав стоявшего ближе всех Довида, монтер откуда-то из своего пояса вынул кусок проволоки и дал Довиду подержать. Затем он опять наклонился к поясу, и мальчик увидел, что на нем очень много различных отделений карманов, в которых лежат всевозможные инструменты. Пинхас вынул кусачки и отломил ими часть проволоки, сложил ее и, вставив в замочную скважину амбарного замка, легко повернул.

Довид потом не раз показывал этот трюк сестрам и друзьям. И каждый раз они заново удивлялись.

Пинхас вошел в синагогу первым и включил свет. Увидев мерцание тусклых ламп, он покачал головой.

– Сейчас, – сказал раввин, – я послал за женщинами, они зажгут гандили и будет светло.

Монтер подошел к электрощитку и немного повозился внутри.

– Напряжение как городское, – сказал он, – сейчас бы сюда городскую лампочку!

– У м-м-меня есть, – от волнения Довид начал заикаться. – У меня дома... То есть в сарае.. Мне дядя..

– А не врешь? – Пинхас строго посмотрел на него.

Мальчик не ответил, а просто повернулся и помчался со всех ног домой.

По дороге он вспомнил, что недавно мать делала уборку в сарае. Отец после этого ворчал, что она опять выкинула нужные вещи.

– Только бы не выбросила, – повторял Довид, как заклинание.

В сарае было уже довольно темно, но он на ощупь знал, где его вещи. Ну конечно! Стеклышки мать все-таки выбросила. А где же лампочка? Вот же она! Осторожно взяв с полки, он бережно прижал ее к себе и помчался в синагогу.

Синагога была уже опять полна народа. Гандили вновь горели, люди рассаживались по местам. Тяжело дыша, мальчик гордо протянул сверток монтеру.

– Точно, городская, – Пинхас с улыбкой разглядывал лампочку, – да еще стоваттная! Он подмигнул мальчику и, взяв табуретку, подошел к кафедре, на которой раввин Исроиль уже разложил книги. Монтер заменил ближайшую к ней лампочку городской. Она ярко вспыхнула, осветив старого раввина, склоненного над книгой, сидящих в первом ряду шамашей, улыбающегося монтера и стоящего рядом с ним счастливого мальчика.

“Дай вам Бог здоровья”, – слышалось вокруг. – Доброе дело вы сделали.

– Да благословен Господь, владыка Вселенной, создающий свет и творящий тьму, устанавливающий мир и творящий все! – произнес с кафедры раввин.

– Омен! – ответил ему хор мужских голосов.

– Да пошлет евреям Господь своего своего посланца, чтобы помочь народу своему!

– Омен!

– Да уничтожит он врагов наших!

– Омен!

– Да вернет он сыновей наших их отцам живыми и невредимыми!

– Омен!

– А теперь вернемся к нашему празднику, евреи!

И раввин Исроиль начал читать молитву, водя длинными бледными пальцами по раскрытой книге.

Остальные с воодушевлением присоединились к нему.

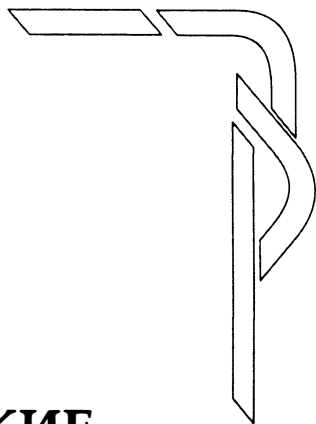
Все вдруг почувствовали, что к обычному праздничному волнению присоединилось необъяснимое чувство, заставлявшее всех улыбаться, несмотря на светомаскировку на окнах, напоминающую о печальной реальности.

Мужчины молились, а Довид молча стоял в углу синагоги и слушал чудесную мелодию молитвы на непонятном ему языке.

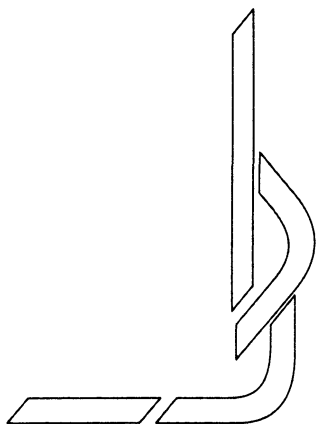
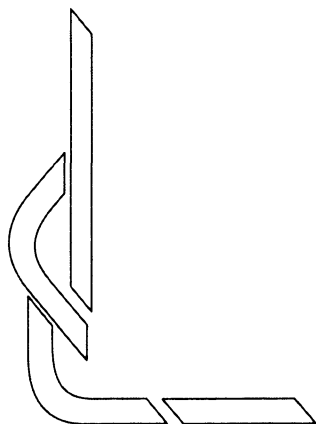
Сколько праздничных молитв услышит он за свою долгую жизнь!

Но свет той памятной молитвы сорок первого года будет светить ему всю жизнь.

**МАЛЕНЬКИЕ
ИСТОРИИ
О ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОЙ
ДЕВОЧКЕ**

МОЕЙ БАБУШКЕ
ХИВИТ (ХИВИТ-ЛЯЙ ИСРОЭЛЬ)
ПОСВЯЩАЕТСЯ

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ О ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОЙ ДЕВОЧКЕ

Мила прильнула к стеклу и жадно вглядывалась в мчащийся мимо пейзаж, который, увы, не баловал особым разнообразием. Аккуратные поля, засеянные неизвестными ей, городской жительнице, культурами, плавно переходили в плантации цитрусовых, и все это сменялось “ничейной землей” со скудной полупустынной растительностью. Но Милу мало занимал пейзаж за окном, мысли ее были далеко-далеко.

– Кто бы мог подумать! Я – в Израиле! И сейчас автобус везет меня вместе с группой из ульпана¹⁾ не куда-нибудь, а в Иерусалим, к Стене Плача!

Если бы кто-нибудь сказал мне об этом год назад, я бы рассмеялась ему в лицо, два года – покрутила пальцем у виска, три – просто побила бы.

Но это был не сон. Мила ехала в Иерусалим. В тот самый. Единственный. Неповторимый.

– Господи, как жаль, что моя бабуля не видит меня сейчас. Ведь это была ее давняя мечта. А я все время подшучивала над ней. Моя бабуля.....

Учительница ульпана что-то восторженно говорила в микрофон и все послушно поворачивали головы. Мила отключилась от почти незнакомой ей речи.

Моя бабуля. Бабушка Хивит...

¹⁾ Ульпан - школа изучения иврита для новых репатриантов.

КТО МЫ?

Милка росла подвижной и очень любознательной девочкой. Мама всегда вздыхала:
– У всех детей возраст бесконечных вопросов заканчивается в пять лет. Нашей, Слава Богу, уже восемь, а она никак не перестанет задавать вопросы.

Бедная мама. Она не знала, что Милка будет задавать вопросы всю жизнь, только с возрастом она станет искать на них ответы сама, выискивая их в умных книгах, учась у самой жизни и, увы, не всегда находя.

Но пока ей было восемь, и она смотрела на мир своими огромными черными глазами с любопытством и восхищением, пытаясь понять его и ставя в тупик всех вокруг своими недетскими вопросами.

Она давно обнаружила, что она и все члены ее семьи не такие, как все вокруг. Впервые она узнала об этом в четыре года. Тогда они еще жили в старой коммунальной квартире. Однажды, зайдя в комнату к соседям, она увидела, что они едят что-то необычное: нарезанное тонко твердое белое мясо с черным хлебом... При появлении Милки они смутились. И это было удивительно, потому что они ее очень любили и всегда баловали. А дородная тетя Таня, подсовывая ей что-нибудь вкусенькое, приговаривала: “Бедное дитё, ходит – костями гремит. На лице одни огромные глазищи!” Милка, ни слова не говоря, подошла к столу и уставилась на разложенную там еду.

– Ты, это, милая, не обижайся, – тетя Таня развела руками. – Я

бы тебя угостила, да вам, явряям, этого нельзя. Мамка твоя потом меня заругает, что я тебя салом кормила.

Милка мамы боялась и потому, сглотнув слюну, сказала:

– А я и не хочу кушать. Я только что два пирожных с кремом съела! – На самом деле папа обещал ей купить сегодня пирожное, если она не будет им мешать убирать и надоедать вопросами. Ведь сегодня пятница и нужно столько всего успеть сделать!

Получив от тети Тани сладкого пирога, Милка пулей побежала в свою комнату.

Родители были заняты уборкой, старший брат лежал на топчане и читал книгу.

– А мы правда явреи? – спросила она, обращаясь сразу ко всем.

Родители прекратили работу и уставились на нее.

– А ты говорил, что у нас антисемитизма нет, – тихо сказала мама, обращаясь к папе.

– Да, мы – евреи, – сказал папа, и в голосе его прозвучала необычная гордость, – и что?

– А зачем нам нельзя кушать сало? – она спросила очень серьезно, но папа в ответ стал смеяться. И повернувшись к маме, сказал:

– Ну вот, Петрович опять получил посылку из деревни!

– Хорошо, хоть Таня была дома, – мама покачала головой, – а то скормил бы ребенку эту гадость и ни минуты не сомневался бы!

Она подошла к Милке:

– Сало есть нельзя! У тебя от него будет болеть живот! Никогда ни у кого не ешь сала! Запомнила?

Милка кивнула. Ее аналитическая головка сделала вывод: евреи – это те, у кого от сала болит живот. А у других людей – нет!

Став немного старше, она поняла, что разница не только в этом. Но никогда не задумывалась над этим вопросом. А тут сегодня на уроке, когда учительница Раиса Ивановна рассказывала о дружбе народов и стала перечислять национальности, дружно живущие на свободной от капиталистов бакинской земле, весь класс сидел

молча. Только когда она назвала евреев и выразительно посмотрела на Милку, весь класс дружно уставился на нее.

“Смотрели, как на зверя какого-то,” – думала она по дороге домой и, только переступив порог дома, выпалила безо всякого вступления:

– А евреем быть хорошо или плохо?

Мама, которая в тот момент гладила белье, набрав в рот воды, выплеснула на накрахмаленную простыню, которую стала старательно разглаживать.

– Евреям – плохо, а остальным, кто пользуется их мозгами, хорошо, – крикнул из своей комнаты брат. Но папа махнул на него рукой.

– На твой вопрос так легко не ответишь. Мне надо подумать. Но я скажу тебе одно: быть евреем нелегко. Но мы же с тобой не боимся трудностей? – Он погладил ее по кудрявой головке. – И гордо носим свою национальность, даже когда нам плохо.

Милка молча умылась, поела, села делать уроки. Когда она задавала брату свои вопросы, он открывал Большую Советскую Энциклопедию и оттуда вычитывал ответы. Он долго уговаривал родителей подписаться на нее. И теперь старался использовать любой случай, чтобы доказать необходимость этой дорогой покупки. Иногда он доставал с полки большие словари. Брат научил ее пользоваться этими книгами, считая, что это поможет ей находить ответы на тысячи своих вопросов.

Но почему-то после чтения энциклопедии вопросов становилось не меньше, а больше. Вот и сейчас она открыла огромный том на букву “е”. О евреях было написано много. К примеру, оказалось, что их в Советском Союзе совсем немало. Но она так и не получила ответа на свой вопрос.

Вечером родители куда-то уходили, и бабушка Хивит пришла смотреть за детьми, несмотря на крики брата, что он уже большой.

Бабушка Хивит, как всегда, расположилась на полу в кухне на своем душак-ча и достала из авоськи вязание. Она почему-то никогда не ела у них, а только пила чай. При этом ее хрустальный

стакан лежал в шкафу отдельно. Милка принесла ей стакан, налила чаю, подала бабушке и, присев на корточки рядом, тихонечко спросила:

– Бабуля, а ты тоже еврейка?

– Я – еврейка? Да я настоящая еврейка, не то что твои родители: покупают магазинные сосиски и говорят, что на них написано “говяжь”. Написано-маписано! А чего же они такие светлые?

Милка ничего не поняла про сосиски, но ее волновал другой вопрос:

– Бабуля, а евреем быть хорошо или плохо? И почему трудно быть евреем?

Бабушка сняла очки и отложила вязание в сторону.

– Возьми другой душак-ча и садись ко мне поближе. Я вижу, что моя Милка выросла – она начала задавать умные вопросы.

Бабушка ласково провела рукой по Милкиным косичкам и начала свой неторопливый рассказ.

– Быть евреем, балай-мя, великая честь. Потому что Господь выбрал нас из всех народов как самый достойный народ и нам, именно нам, дал он Слово свое, – она показала висящий у нее на груди на золотой цепочке кулон в виде раскрытой страницы, на которой были написаны десять строчек на неизвестном Милке языке, – дал нам Книгу свою – Тору и дал свое благословение. И после этого мы стали не простой народ, а святой народ. Мы – любимые дети Господа, и потому другие народы завидуют нам.

Милка задумалась.

– А почему, когда я жалуюсь маме, что она брата любит больше, чем меня, она говорит, что родители не могут любить одного ребенка больше, чем другого, они любят всех одинаково. Почему же твой Господь любит одних детей больше, чем других?

Бабушка прикрыла глаза, как будто с закрытыми глазами ей было легче найти ответ.

– Нет, Милка, нет, Он любит всех своих детей. Иначе разве оставил бы Он на земле народы, принесшие другим столько несчастий, а в первую очередь, евреям? Ведь и немцы – потомки Исова, и мусульмане – потомки Ишмоила – они все тоже дети Его.

Понимаешь, если у отца много детей, он любит всех, но он знает, что одному дано стать сапожником, а другому – академиком. Он их любит одинаково, но спрашивает с каждого по-разному. Ведь тому, у кого есть способности стать академиком, нужно много и трудно работать, чтобы стать им. В то время как тому, у которого способности тянут только на сапожника, надо приложить куда меньше усилий.

Милка опять задумалась.

– Значит, евреи намного умнее и талантливее других народов?

– Конечно!

– Но в нашем классе не только я отличница, Оля и Солмаз тоже. Но они же не евреи.

– Ну, во-первых, пять тысяч лет назад, когда Господь выбрал нас, евреи были намного умнее других. Они первые догадались, что богов не много, как думали другие народы, а Он один для всех. Это потом другие народы украли у них эту идею и, переделав их Книгу, обвинили евреев в преступлениях, которых они не совершали. Нет, сейчас евреи не стали глупее, – поспешила добавить она, заметив, что Милка собралась задать еще один вопрос. – Просто другие народы, глядя на них, учились и перенимали все, что могли.

Во-вторых, евреев по сравнению с другими народами намного меньше, а число знаменитых людей – ученых, музыкантов, врачей – у них намного больше. А скольким не дали выучиться и пробиться, заключив их в местечки, слободки, гетто? Убивая в погромах и сжигая в печах концлагерей?! Но дело не только в этом. Дело не только в способностях. У евреев есть великая внутренняя сила, сила духа, сила веры.

Милка не все поняла из того, что говорила бабушка, да и не все приняла, потому что в своей повседневной жизни она не видела подтверждения ее словам. Но она задала следующий вопрос:

– А почему трудно быть евреем?

– Понимаешь... Как же тебе объяснить, чтобы ты поняла? Например, в одной семье много детей. И отец знает, что один из старших сыновей самый умный, серьезный и ответственный. И ему он поручает начинать самые сложные дела. Он должен быть

примером для остальных. Когда кто-нибудь из детей ослушается отца, он, в первую очередь, наказывает того, избранного, которому поручил воспитание остальных. А того, кто не послушался, наказывает слегка – что взять с неразумного?

– Но это же нечестно! – Большие глаза Милки от возмущения стали просто огромными.

– Это не нам судить! Знаешь, говорят: кому много дано, с того и спрос больше. Поэтому, чтобы быть истинным евреем, человеку надо соблюдать много разных мисво. Это трудно. И сегодня многие молодые пытаются сократить число своих обязанностей. Они говорят: “Это не обязательно, без этого можно обойтись”. Они забывают, что по этому пути уже шли евреи-коммунисты, безбожники. И что они получили? Нимялито¹⁾ Сталин.

– Мой папа тоже коммунист, – сказала Милка.

– Твой папа коммунист, который только ходит на собрания. Но я верю – Господи, дай дожить до этого дня – что Господь соберет детей своих на святой земле Израиля! – и она подняла лицо к потолку. – Ведь еще одно поколение, – она показала рукой на Милку, – и они забудут все обычаи и законы наши. А сейчас иди, Милко. На сегодня с тебя хватит.

Когда родители пришли домой, Милка уже спала. Папа подошел поправить сползшее одеяло, нагнулся к ней. Она открыла глаза:

– Папа, – сонным голосом спросила она. – А где находится святая земля Израиль? Это правда, что мы поедем туда?

– Да ни за что! – сказал папа. – Нам и здесь хорошо.

– Я так знала. Ты не любишь уезжать из дома, – она улыбнулась, закрыла глаза и заснула.

Он действительно остался в той земле, где родился. Просто не дожил до того дня, когда его дети с семьями уехали в Израиль.

Бабушка не дожидая совсем немного. Она все просила помолиться за нее у Стены Плача. И сегодня Мила ехала, чтобы выполнить ее заветную мечту. Правда, она не знала ни одной молитвы. Но это неважно. Она просто расскажет о своей бабушке. И Он услышит ее.

¹⁾Нимялито – проклятый.

МИЛКА УЧИТ ЯЗЫК

Милка уже давно свыклась с мыслью, что она и вся ее семья не такие как все. Они, в отличие от других, “нормальных” людей, – евреи. В принципе ей это пока не мешало. В школе она училась хорошо, и учителя ее любили, правда, она порой задавала им такие вопросы, на которые они не хотели или не умели ответить. Однако со временем она научилась интуитивно чувствовать: задать ли вопрос на уроке или на перемене, или вечером спросить у родителей.

Одноклассники ее тоже любили. Она не “задавалась”, смеялась громче всех над их не всегда остроумными шутками, а главное, любому желающему сначала пыталась растолковать домашнее задание, а потом, поняв, что это невозможно, – просто давала списать.

Вообще-то в славном многонациональном городе Баку антисемитизм не был вопиющим. Правда, иногда в повседневной жизни она слышала фразы, которые оскорбляли ее слух, кидая ее чувствительную натуру из комплекса неполноценности в состояние такого национального снобизма.

– Ну что ты, ей-Богу, прямо как еврейка! Не жидись: насыпь еще семечек, – говорила на лавочке во дворе одна соседка другой.

“Но ведь это неверно”, – хотелось крикнуть Милке, – ни я, ни мои родители, ни мой брат не жадные аб-со-лют-но! Но она молча вздыхала, потому что вроде как-то неудобно вмешиваться в разговор взрослых.

– Ну вот, еврейские штучки: везде свою выгоду ищет, – слыша-

ла она на перемене, как говорил один старшеклассник другому об учительнице литературы Марье Давыдовне. Та никак не хотела согласиться с тем, что ее урок отменяют из-за соревнований по бегу и пыталась добиться, чтобы ей дали провести его вместо урока физкультуры в другой день.

“Какая, к черту, ей выгода вас, болванов, русской словесности учить! – было готово сорваться с ее языка. – Это просто чувство долга интеллигентного человека!” Но не будешь же встревать в чужой разговор!

Она часто думала, а что испытывает учительница русской литературы с типично еврейской внешностью и еврейскими грустными глазами навывкате, когда взхлеб рассказывает о великих русских писателях и поэтах, о декабристах, большинство из которых в силу воспитания и в соответствии с духом времени евреев и за людей-то не считали, а некоторые были просто антисемитами.

Что могла испытывать еврейская женщина, раскрывая суть рассказа “Русский характер” Алексея Толстого? Что она знала о пресловутой загадочной русской душе? Что говорила ей в этот момент ее не менее загадочная еврейская душа?

Человек – существо загадочное. Человек еврейской национальности – существо вдвойне загадочное. Человек еврейской национальности, родившийся и выросший в стране, где говорили одно, а думали другое, – непостижим. (Причем, в зависимости от места и времени, это одно и другое менялись местами.)

У Милки все разговоры о “самом необычном” русском характере и “самом могучем” русском языке вызывали желание узнать больше о себе, о своей еврейской душе, о национальных традициях и родном языке.

Ее иногда даже раздражало пренебрежительное отношение русских вообще и некоторых представителей русской культуры в частности к культуре “малых народов”, хотя бы к азербайджанской. Хотя азербайджанцы официально называли русский народ “старшим братом”. Самые умные при этом отводили взгляд, а глупые... Впрочем, глупые ее не интересовали.

“Старший брат! – думала она про себя. – Для нас он, в лучшем

случае, старший правнук!”

К слову сказать, когда она стала взрослой, ее не менее раздражал оголтелый национализм некоторых представителей еврейской культуры: дескать, все языки произошли от иврита, все религии – от иудейской, все великие люди – евреи хотя бы в седьмом колене! И это неважно, что научные и исторические факты не подтверждают этого! Грань между национальной гордостью и национальным шовинизмом очень тонкая, но такая чувствительная!

Итак, придя к выводу, что загадочная еврейская душа “непонятна чужеземным мудрецам” не “веками”, а уже тысячелетиями, Милка одиннадцати лет от роду решила, что для того, чтобы понять эту сидевшую в ней где-то очень глубоко еврейскую душу, нужно для начала изучить родной язык и родную культуру.

И когда вечером вся семья собралась смотреть по телевизору концерт из Кремлевского Дворца, Милка села поближе к родителям и стала выжидать подходящего момента. Он не замедлил представиться.

На сцене в красивых ярких сарафанах и расшитых бисером нарядных кокошниках плыли красавицы из “Березки”. Милке очень нравилось, как они танцуют. И сейчас, не отрывая глаз от экрана, она спросила:

– А какой еврейский национальный костюм?

– Норковое манто, – мгновенно откликнулся брат.

Папа засмеялся, а мама сделала обиженное лицо.

– Ну, тогда я не еврейка, – она поджала губы, – мое старое пальто с песком уважающая себя еврейка и на базар не наденет. А вам приспичило в этом году новый магнитофон покупать.

– Да ладно тебе, – папа кинул недовольный взгляд на Милку, – с тринадцатой зарплаты купим тебе пальто, клянусь чем хочешь!

“Ну вот, – подумала девочка про себя, – кто этих взрослых поймет! Мало того, что на вопрос не ответили, еще и тебя же обвинили!

Она подождала еще немного, и после выступления Райкина неожиданно спросила:

– А интересно, он знает свой родной язык?

– Я думаю, должен, – ответил папа, на секунду задумавшись.

– А я вот совсем не знаю родного языка, – вздохнула Милка,

– Когда вы говорите с бабушками или между собой, я ничего не понимаю.

– И Слава Богу, – тихо сказала мама. А папа опять засмеялся.

– Ну вот и неправда! Ты почти знаешь наш язык. Хочешь, я тебя сейчас научу?

– Да, – Милка кивнула головой, хотя уже догадывалась, что папа опять все превратит в шутку. Ну не может он ее воспринимать всерьез. Все время над ней подшучивает.

– Ну вот, пожалуйста, – он развернулся к ней. Лицо его было серьезным, и только в темно-карих, почти черных глазах прыгали “чертики”. Папа театрально показал на шкаф: – Шкаф-ишкаф, графин, – его смуглая рука показала на стоящий в шкафу хрустальный графин, – графинка. Сигареты, – он приподнял лежащую рядом пачку “Авроры”, – папрос.

– Школа – ошкола, – как всегда поддержал отца брат.

– Очередь – учил, – добавила мама. – Туфли – штиблет.

– Самолет – ярпалан, – брат уже не мог удержаться – хохотал.

И все засмеялись вместе с ним. Милка с трудом выдавила улыбку.

– Я пойду спать, – бросила она через плечо. – Завтра рано вставать.

Стоя под душем, она твердо решила впредь вопросы, связанные с еврейством, родителям не задавать. – Слава Богу, у нее есть бабуля Хивит.

– Барух а-Шем, – вспомнилось ей вдруг бабулино любимое выражение. Она уже знала, что это “слава Богу”.

В воскресенье, когда бабушка пришла их навестить, Милка подождала, когда та останется одна, и под села к ней. Сначала она с интересом наблюдала, как летают ловкие бабушкины пальцы, вышивая гладью цветок на толстой ткани, зажатой железными круглыми пальцами. Ох, уж эта бабуля, просто не может сидеть без дела. Минута без работы для нее – даром прожитое время!

Вдруг Милка безо всякого вступления спросила:

– Бабуля, а какой национальный костюм у евреев?

Бабушка сняла очки, посмотрела на Милку внимательно и начала неторопливый разговор:

– Понимаешь, балай-мя, все не так просто. Много веков тому назад вышли изгнанные врагом десять колен Израилевых из Святой земли и пошли в разные стороны света. В одном из этих колен были и наши предки. И пошли они через разные земли и страны. Там, где им жилось более или менее терпимо, задерживались. Некоторые семьи оставались, остальные шли дальше. Так пришли наши предки в Азербайджан из Персии и остались здесь. – Она вздохнула. – Не осталось у нас национального костюма. Мы стали одеваться так, как народы, среди которых мы жили, мужчины – в черкесках с кинжалами на боку, на головах – папахи. Женщины – в белых нижних рубахах, шароварах и габо – верхних длинных сюртуках, пошитых из той же ткани, что и шаровары. Повседневные габо были из ситца, шабатные, праздничные, вышивались золотом. Красиво очень. Но это не национальный костюм евреев.

До войны уже все национальности в Баку стали одеваться одинаково. Хотя наши замужние женщины все еще носили платки на головах, собирая в них косы и завязывая платки узлами на макушке. Мужчины носили или небольшие папахи, или кепки с околышем, похожие на кепку Ленина, – она добавила что-то в его адрес, – но немного другие. Такие кепки надевали только евреи, причем ашкеназские евреи тоже. А потом, после войны, все стали одеваться одинаково. Евреев в толпе можно определить только по глазам, носам и...указывающим в их сторону пальцам, какие бы песни о дружбе народов ни пели коммунисты.

Милка решила перевести разговор на другую тему.

– Бабуля, я недавно попросила папу научить меня нашему языку, а он только посмеялся надо мной. Он стал придумывать какие-то слова и говорить, что это на нашем языке. – Она нахмурила лоб, вспоминая слова. – Например, сигареты – папрос, школа – ошкола. Они все смеются надо мной.

Бабушка улыбнулась.

– Понимаешь, твой папа, конечно, большой шутник, чтоб он

был здоров! Но он тебя не обманул. Эти слова пришли в наш язык из русского и остались в несколько искаженном виде. Это все равно, что начать учить русский со слов “коммунизм” или “революция”. Ведь эти слова тоже нерусские. Но ничего, балай-мя, у тебя, Барух а-Шем, есть бабушка и, если ты хочешь, я начну учить тебя нашему языку. Но запомни: большая часть слов нашего языка из Святой книги Тиро.¹⁾ И мне придется рассказывать тебе их значение, ведь перевод этих слов на русский я не знаю. Неизвестно, как к этому отнесутся твои родители. Но это неважно. Это право любого человека – знать родной язык.

Если ученик готов получить знания, то великая честь предоставляется учителю – передать эти знания. Сегодня я начну с простых слов. Дома я должна подумать, как дальше вести обучение.

Прошли годы, и Мила, сидя за партой в ульпане, ежедневно вспоминала свою бабулю Хивит. А другие ученики в классе считали, что она наверняка занималась ивритом еще в Союзе. Иначе, откуда она знает столько слов, да еще не простых, а связанных именно с иудаизмом. Откуда она знает о царице Эстер, Макавеях, Моисее.

Они ведь не знали, что у нее была бабуля Хивит, которая ей обо всем этом рассказывала. И хотя она называла царицу Эстер “малкат Истырь”, а Моисея – “Миши – рабину”, важно, что она сумела передать главное – любовь к своему народу, при этом не унижая и не оскорбляя другие народы. И еще – веру в то, что, собравшись вместе и, наконец, поняв друг друга, евреи все-таки смогут исполнить свое предназначение. Омен!

МИЛКА И ИЛИЯГУ А-НАВИ¹⁾

Милка понуро пошла в свою комнату. Ну вот, опять эта мама! У всех детей выходной как выходной, а у них – очередная уборка. Мама и так достает всех домашних своим пристрастием к порядку, а перед Нисону просто не дает покоя никому. С утра до вечера только и слышно: “Нисону на носу, а мы еще ничего не сделали!”

Кто виноват, что к Нисону выясняется, что в их маленькой двухкомнатной квартире столько шкафов и полок, которые надо перебрать. Столько стен, которые надо перемыть. А уж окон вообще несчетное количество.

А мама еще все время жалуется папе, что нам нужна трех, – а еще лучше – четырехкомнатная квартира. Она все время уговаривает папу купить кооперативную квартиру. Милке кажется, что папа упирается только потому, что понимает: убирать такую большую квартиру к Нисону им просто не под силу.

Девочка вытащила все книги со второй полки книжного шкафа и принялась вытирать пыль. Ей поручено убрать четыре нижние полки, брат уберет верхние. Она вздохнула. Книжку дочитать не удастся. На завтра мама уже спланировала продолжение уборки. Милка видела, как она записывала в тетрадку: что надо сделать завтра. Интересно, а что будет, если они не успеют к празднику?

Она подошла к папе, который готовил снаряжение для чистки окон на балконе.

– Па, – она дернула его за рукав.

Он поднял на нее озабоченные глаза:

¹⁾Илиягу а-Нави - Илья пророк.

– Ну что тебе? – Он прикрепил булавками тряпку к щетке с длинной ручкой. – Мне надо эти чертовы окна вымыть до футбола.

– А что будет, если мы не успеем к празднику все убрать?

Папа собрался было что-то сказать, но вдруг почему-то прикрыл себе рот рукой.

– Об этом лучше не думать, дочка.

Он взял щетку и встал на подоконник.

– А я думаю, – авторитетно заявила Милка...

– Индюк тоже думал, да в суп попал, – бросил папа, перебив ее, и смело пошел по подоконнику вдоль балкона их третьего этажа, одной рукой держась за раму, другой активно ведя щетку вдоль верхних окон первого ряда.

Милка стояла у окна и наблюдала за ним.

– Ну вот, – услышала она снизу, – евреи к своей Пасхе готовятся. Значит, скоро наша будет.

Посмотрев вниз, она увидела сидевших на лавочке соседок тетю Зину и тетю Карину.

– Точно, – закивала тетя Карина, – сначала наша, а потом ваша.

– Опять братья-христиане одного Христа поделить не могут, – пробурчал папа.

– А что, Коля, – подала снизу голос тетя Зина. – Небо хмурится. Никак дождь собирается. А ты, бедненький, окна моешь.

– Ничего, Зинаида Ивановна, – главное, – он показал щеткой вверх, – чтобы Он видел: мы честно мыли.

Милка вернулась к своей работе. Из папиных слов она поняла, что проверять никто не будет. А зачем тогда стараться?

Одну полку она убрала, не вынимая книг, так, смела пыль сверху и все. Уж больно ей хотелось узнать, привез ли д'Артаньян с друзьями подвески королеве или нет.

В воскресенье они всей семьей поехали к бабуле Хивит помогать готовиться к празднику. Бабушка жила на улице Камо в одном из старых бакинских дворов.

Эти дворы-колодцы представляли собой сооружение из нес-

кольных домов, стоявших вплотную друг к другу, образуя внутри прямоугольник двора. Сверху все это сооружение напоминало колодец. Только в одном из его углов дома не смыкались. Это и был вход во двор.

Конструкция домов тоже была специфична. Скрипучая деревянная лестница поднималась на два-три этажа, а от нее в обе стороны шел общий балкон, по периметру охватывавший весь дом, а в некоторых дворах он огибал все дома двора-колодца. Двери квартир выходили на этот балкон.

Планировка их была на редкость проста и незамысловата: прямо за входной дверью – небольшая кухонька, а за ней – единственная комната без окон. Потому что с одной стороны был вход на кухню, с двух сторон за стенами – соседи по дому, а с четвертой стороны – глухая стена. К этой стене впритык стоял следующий дом, который с внутренней стороны был частью соседнего двора-колодца.

Поскольку в квартирах летом было невыносимо жарко, их двери были постоянно открыты. Таким образом, чтобы попасть к себе домой, люди проходили мимо всех соседей, по дороге здороваясь с каждым и поневоле обозревая их жилища.

Туалет во дворе был общий. Но у бабушки во дворе были еще туалеты в конце каждого этажа.

По вечерам и выходным во дворах стоял разноязыкий гул и дух, объединявший ароматы разнообразных обедов, керосина, свечей и терпкий запах хозяйственного мыла. Ведь корыта с бельем хозяйки ставили на этих же балконах, стирая и разговаривая одновременно: с детьми в доме, свекровью на кухне и соседкой, стиравшей рядом.

Папа называл эти дворы Ноевым ковчегом, бабушка – Вавилоном, а мама – сумасшедшим домом.

Милка однажды видела по телевизору в передаче “В мире животных”, как на одной скале гнездились тысячи птиц. Гнезда их располагались рядами в несколько десятков ярусов. Ведущий Дроздов сообщил, что гвалт от птичьего гнездовья слышен за несколько километров. Милке этот эпизод напомнил бабушкин двор.

Но она любила сюда приходить. Здесь никогда не было скучно, хотя у бабули не было телевизора. На все мамины уговоры его ей купить, она отвечала, что у нее на балконе живой телевизор: он показывает театр, цирк и индийское кино одновременно.

Папина мама, бабушка Малка, тоже жила в одном из таких дворов на улице Димитрова. И потому Милке казалось, что все бабушки на свете живут в таких старых дворах.

Папа сразу же начал белить комнату, мама – убирать в шкафу.

А Милке бабушка поручала самое ответственное дело: из огромного пятилитрового баллона бабушка ссыпала на круглый поднос отборный рис, купленный к празднику.

– Запомни, Милка, твоя работа – самая важная. В любом обеде рис должен быть хорошо очищен. Но если в обычное время в плове обнаружится шелуха от риса, ничего страшного не будет. Но если это произойдет во время Нисону, не дай Бог, то – она подняла вверх палец, – весь обед – хамис!¹⁾ Его надо выбросить. И этой кастрюлей до конца праздника пользоваться нельзя! Поэтому важно несколько раз перебрать приготовленный для Нисону рис. Твои глазки видят лучше моих, твои тонкие пальчики проворнее моих. Когда я перебираю после тебя, мне почти не остается работы.

Милка села на балконе и, положив поднос на табурет, с воодушевлением взялась за работу. Через час она вспомнила сказку про Золушку. О том, как птицы ей помогали перебирать горох. Но тут пришла бабуля и позвала ее за собой.

– Слушай меня, девочка моя, слушай и запоминай, – говорила бабуля по дороге. – Существует такой обычай: помогать евреям, которым трудно самим купить продукты к празднику. Мы и сами не великие богачи. Но есть люди, живущие куда беднее нас. Это большое мисво – помочь людям справить праздник как полагается.

Сейчас мы навестим двух моих знакомых. Обе они вдовы и живут на небольшую пенсию.

Они зашли в два соседних двора. В одном из них они навестили бабушку Мирьен, в другом – бабушку Рахель. Бабуля Хивит дала каждой из них сверток с продуктами. Бабушка Мирьен

¹⁾Хамис – Хамец – квасное (дрожжевое тесто, хлеб).

поблагодарила по-горски, бабушка Рахель – по-русски.

По дороге домой Милка спросила вдруг:

– А что будет, если кто-нибудь не успеет к празднику все убрать? Разве кто-то проверяет?

Бабушка сначала шла молча, словно что-то вспоминала. А потом сказала:

– Конечно! Вечером в праздник приходит Илиягу а-Нави и проверяет, готовы ли евреи к своему празднику. Нерадивые и ленивые получают по заслугам! – бабушка говорила торжественно и, как всегда, ее поднятый вверх указательный палец подчеркивал важность сказанного.

Милка снова сосредоточенно перебирала рис. Две соседки слева уже четверть часа из-за чего-то ругались, но девочка даже не смотрела в их сторону.

“Этот дяденька, – думала она, – наверняка какой-то инспектор”.

Она помнила, что когда к ним в школу должен был прийти проверяющий, они целую неделю разучивали и репетировали показательный урок, как спектакль. У каждого была своя роль. Двоечникам вообще не велели в этот день приходить в школу: вдруг их неожиданно спросят. Тетенька-инспектор была страшно строгая. И все время что-то писала. А вдруг этот инспектор... Как его? Ага, Илиягу. Вдруг он обнаружит, что она схалтурила, когда убирала книжные полки?

Накануне праздника Милка не могла найти себе место. Завтра придет проверяющий и обнаружится обман. Но как разобрать полку? Ведь мама сразу спросит: “А ты что, до этого не убирала? Значит, ты меня обманула?”

Вдруг она увидела, что мама пошла спать раньше, сославшись на головную боль. А для папы можно было что-нибудь придумать. Лишь бы не оставить пыль на ночь. Она быстренько сняла книги со злополучной полки.

– А это что за беспорядок? – удивился папа.

– Я в одной книжке забыла нужный листочек. Когда найду, тут же уберу все на место.

– Ладно, – папа не стал вдаваться в подробности и углубился в чтение газеты.

Ну вот, все и закончено. Милка ликовала.

– Пусть теперь придут любые инспекторы из горисполкома, или откуда он там?

На следующий день после рабочего дня они всей семьей стали собираться праздновать. Обычно в первую и последнюю ночь Нисону они ходили к бабушке и за праздничным столом вместе встречали и провожали Нисону. Милка очень любила эти дни. Ради них она была готова выдержать всю предпраздничную гонку с подготовкой. Она всегда собиралась первая и начинала торопить всех. Но сейчас... Милка ждала его. Инспектора. Однако он не только не приходил, но никто из домашних и словом не обмолвился о его приходе.

Вот, наконец, все уже готовы и стоят в коридоре. Мама еще раз обходит все комнаты и проверяет, все ли в порядке. Милка присоединяется к ней.

– Мама, – шепчет она, – а почему Илиягу не пришел?

– Кто? – мамино лицо выражает крайнее удивление.

– К нам кто-то должен прийти? Из школы, что ли? – спросила мама в полный голос.

– О чем вы там говорите? – отозвался папа из прихожей. – К нам кто-то должен был прийти?

– Да, – пролепетала Милка, – Илиягу а-Нави.

Они вернулись в прихожую. Вся семья смотрела на Милку с интересом.

– Бабуля сказала, что перед наступлением Нисону приходит проверяющий... Илиягу а-Нави.

Первым засмеялся папа. Мама и брат тихонько захихикали, но было видно, что они толком не понимают, над чем смеются.

– Эх ты, – сказал папа маме. – Своей мясной и молочной посудой нас мучаешь, перед Нисону вообще загоняла. А кто такой Илиягу а-Нави не знаешь.

– Интересно, откуда ты знаешь, – отпарировала мама, – уж не на партийном ли собрании тебе об этом рассказали?

– Нет, – засмеялся папа, – просто я успел в детстве походить пару лет в еврейскую школу, пока товарищ Сталин благополучно не закрыл ее. Да и отец мой часто рассказывал разные притчи из Тиро.

– Так кто это? – нетерпеливо спросил брат.

– Илья-пророк, который по преданию следит за тем, продолжают ли евреи соблюдать традиции, завещанные им праотцами. Потому и говорят, что Илья-пророк присутствует на брит-мила еврейских младенцев, на еврейских свадьбах в момент написания кэтубы и благословения раввина. А перед Нисону он обходит еврейские дома и проверяет, готовы ли их хозяева к празднику. Отец рассказывал, что в некоторых общинах после праздничной трапезы оставляют на столе бокал с вином и кусочек мацы с солью, чтобы ночью Илья пророк мог зайти в дом и, убедившись, что в доме не осталось ничего квасного, выпить бокал вина.

– Смотри-ка, – засмеялся брат, – прямо Дед Мороз по-еврейски. Осталось только детям найти под коробкой с мацой подарок и мешочек с орехами.

– Ну все, – остановила разговор мама, – хватит смеяться, пора идти.

А запирая дверь, она сказала негромко папе:

– Сколько раз говорила ей: не морочь ребенку голову: девочка очень наивная и такая впечатлительная.

А потом было то, что бывает каждый год в Нисону. Они с братом толкли тяжелым пестиком в большой латунной ступке орехи и миндаль. Потом бабуля все перемешала и добавила немного вина и яблок, а они с братом пробовали вкусный хасерут.

Когда все вместе сели за праздничный стол, дедушка Рахамим начал что-то читать на непонятном языке, а папа только выкрикивал последние слова в каждом предложении, словно слабый ученик, не поспевающий за остальными и вставляющий лишь последнее слово.

Милка улыбнулась. Папа был такой смешной в новой кепке. Дедушка первый брал со стола уложенные в определенном порядке овощи, хасерут, яйцо и мацу с солью. Каждый раз, когда

он произносил благословения, все хором говорили “Омен!” Даже Милка кричала вместе со всеми, хотя и не понимала, что это слово означает. Главное, мама не одергивала ее, не говорила, что детям не следует вмешиваться в разговоры старших.

Когда дедушка Рахамим разлил вино по бокалам, бабушка подала большой красивый фужер и сказала, глядя на Милку:

– А это – для Илиягу а-Нави!

Потом они ели суп ашкяня из мяса с косточками, затем голубцы, а потом ... потом она заснула, как всегда.

Дома мама ее растолкала и велела переодеться. Милка наспех переоделась в пижаму и снова заснула.

Ей снился странный старик. Он был в папахе, как дедушка Рахамим, с белой бородой, как у Деда Мороза. А глаза у него были, как у дедушки Нисима, к которому они часто наведывались с бабулей Хивит. Такие же грустные-грустные и добрые-добрые.

– Ну что, Милка, – губы его почему-то не шевелились, а голос звучал прямо у нее в голове, – ты меня ждала, и я пришел. Я всегда прихожу к тому, кто верит. Потому что только знания требуют доказательства, а для веры нужны всего лишь искренность и безграничная любовь. Но главное, и я хочу, чтобы ты это запомнила, нельзя совершать в жизни какие-то поступки в надежде получить за них награду. Выучила урок – получила пятерку, помогла маме – получила похвалу, помогла бабуле – получила шоколадку. Попробуй жить просто по Божьим законам, не боясь ничьих инспекций, не ожидая ни от кого шоколадок. Помогать бабуле – потому что старшим надо помогать, готовиться к празднику – потому что это праздник, и ты увидишь: так жить легко и просто.

Он вдруг улыбнулся, и его печальные глаза засветились добром и любовью.

– А награда... Награда всегда есть, только люди не всегда ее распознают.

Он поднес к губам фужер с вином, и Милка узнала бабушкин фужер. Он произнес благословение и добавил:

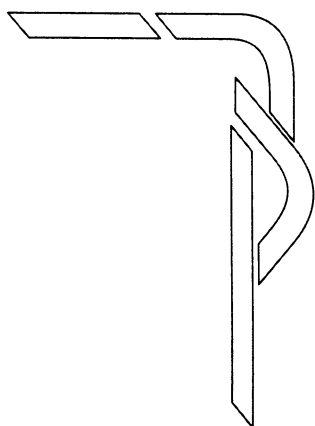
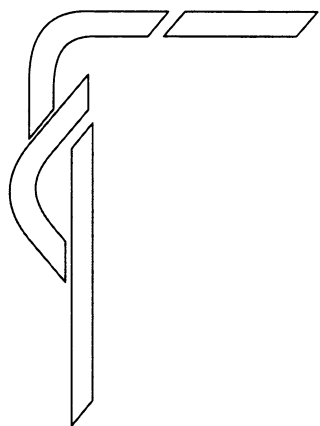
– Я пью за тебя, девочка, и за весь еврейский народ в твоём лице. Ле-хаим!

Милка почувствовала странную легкость на душе и во всем теле. Она вдруг полетела, а потом неожиданно стала падать, как Алиса в стране чудес. Девочка поняла, что скоро проснется.

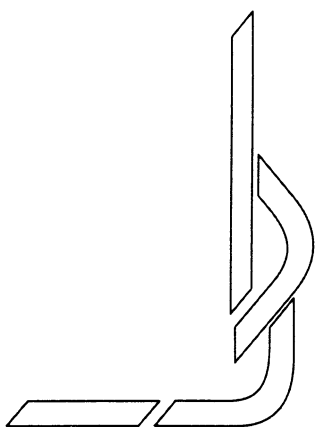
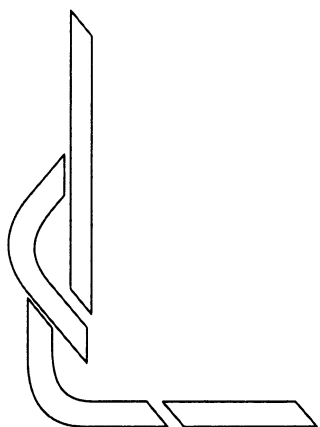
Она боялась только одного: проснувшись, она забудет свой сон.

Но она помнила его всю жизнь.

РАББИ

РАББИ

*Памяти рабби Симанду (Симантов),
главного раввина горских евреев Кавказа в 40-50-е годы.*

Пинхас с замиранием сердца глядел на сына, гордо поднимавшегося по ступенькам на кафедру синагоги. Все вокруг с улыбкой смотрели на подростка, который в этот день по еврейским законам становился взрослым. Звонкий, еще не ставший мужским голос мальчика отражался от высоких сводов синагоги и доносился до партера, где женщины украдкой утирали слезы.

Пинхас вдруг почувствовал влагу в уголках глаз. Что это с ним? Он, вроде бы, никогда не был сентиментальным. Музыка молитвы проникала в его душу, оживляя память, о том, что было в далеком детстве и казалось давно забытым.

* * *

Рабби Симанду сидел перед открытой старинной книгой и, раскачиваясь, вполголоса пел на незнакомом языке, водя одновременно палочкой по строкам в книге.

Когда отца не было дома, Петя много раз доставал эту старинную книгу и рассматривал ее. В ней были странные, необычные буквы. Книг с такими буквами у них был целый шкаф. Петя умел читать по-русски и по-азербайджански, а в этом году начал учить еще и английский. Таких знаков не было ни в одном из этих языков.

– Папа, а почему ты одни книги читаешь вслух, а другие – про себя?

– Когда читаю про себя, я изучаю священные книги. А вслух я читаю молитвы и псалмы.

– А что это? – Петя никогда не слышал таких слов.

– Это... – рабби Симанду тяжело вздохнул, – нельзя... Я давал им слово, писал заявление...

Он не смотрел на Петю, и тот не мог понять, кому он все это говорит: сыну или себе самому.

– И даже не смей, – из кухни выглянула мать. – Ты забыл последнюю проверку? Ты забыл, что с тебя взяли слово не привлекать молодежь к религии, не учить детей читать святые книги?

– Господи, – пробормотал тихонько на горском отец, – приблизь тот день, когда мои внуки и правнуки будут в полный голос читать святую книгу на святом языке и не бояться непрощенных гостей.

Пинхас уже еле сдерживал слезы.

– Отец, этот день настал, – произнес он мысленно, – жаль, что ты его не видишь.

Габай подал ему знак, чтобы он подошел и встал рядом с сыном. Он показал Пинхасу, что он должен прочитать. Слезы, застилавшие глаза, не давали ему разглядеть буквы.

Все присутствующие с интересом смотрели на него. Молодой раввин, учивший его сына, нагнулся к нему:

– Мы же с вами готовились, что с вами?

И вдруг, словно первый порыв летнего бакинского хазри¹⁾ тихонько коснулся его, он даже ощутил тот самый незабываемый запах и свежесть Каспия. Пинхас вдруг нехотая подумал, что сколько морей ни довелось ему видеть за свою жизнь, запах Каспийского отличался от их запахов. Он никогда не мог понять, почему. А теперь вдруг понял. Просто это был запах его детства...

Внезапно Пинхас услышал тихий шепот. Он огляделся. Все вокруг молчали и смотрели на него. Шепот усилился, и Пинхас с удивлением понял, что слышит его не ушами, а сердцем. Он начал повторять слова вслед за неведомым голосом. Все облегченно

¹⁾Хазри - ветер с моря

вздохнули.

И только потом молодой раввин с удивлением отметил, что Пинхас читал не в той интонации, которой раввин его учил, а в какой-то другой.

– Кажется, так читают йеменские, а может сефарадские евреи.

Пинхас улыбнулся. Что мог знать этот молодой раввин-хасид о том, как читал священную Тору раввин Симанду, бывший главным раввином горских евреев Кавказа в сороковых-пятидесятых годах прошлого столетия.

* * *

– Почему у всех детей отцы – рабочие или инженеры, – прокричал он, вбежав однажды в дом, – а у одного мальчика в классе папа – военный, и только у меня отец священнослужитель, раввин? Почему ты стал раввином? – Петька потер шишку на лбу.

Словно от внезапного удара дрогнуло лицо раввина, гримаса дикой боли перекосила это всегда спокойное лицо. Спохватившись, он тихо улыбнулся и, сняв очки, тихонько отодвинул старинную книгу в тяжелом переплете.

– Ну, во-первых, я родился в семье потомственных раввинов и мой отец, рабби Агару, мечтал, чтобы его сыновья продолжили традицию. А тут еще тот случай... Послушай, я тебе о нем расскажу.

До революции всех юношей Еврейской слободки, откуда я родом, забирали на три года в русскую армию.

– Так ты был белогвардейцем? – Петька схватился за голову.
– Только этого не хватало!

– Не перебивай, сын мой! Тогда не было такого слова “белогвардеец”. Нас забирали в армию защищать Отечество от внешних врагов. Это потом перекрасили всех живущих в одной стране людей в разные цвета. Будто дьявол в пьяном угаре веселился, размахивая кистями с разными красками и мазюкая как придется. И потому в одной семье порой были разные цвета. И пошел брат на брата, и убивал сын отца, и продавал внук деда. Тоу-вавоу...¹⁾

¹⁾Тоу-вавоу – хаос.

Он вздохнул и задумался. Потом, поймав взгляд сына, улыбнулся и, погладив свою черную с проседью бороду, продолжил:

– Шла Первая Мировая. Нас послали на передовую. До начала боя каждому солдату было велено выкопать для себя окоп. Когда окопы были вырыты, приказали всем укрыться в них и ждать дальнейших указаний. У меня не было страха перед боем. Не потому, что я такой храбрец, просто я привык с детства верить в то, что на все Божья воля, и отдавать свою судьбу в Его руки.

Оказавшись один, я вспомнил, что вот уже несколько дней у меня не было возможности помолиться. Доставать молитвенник из мешка я не стал, вдруг начнется бой, а стал по памяти читать “Шма Исроиль”. И тут из соседнего окопа приполз солдат, посмотрел на меня молящегося и говорит: – Слышь, Семка, давай окопами меняться.

А я уже начал читать “Шмонэ эсрэ”¹⁾ и не мог прерваться, только головой мотаю, что не согласен, мол. А он опять.

– Семен, ну какая тебе разница? На меня что-то страх нашел. А вас, евреев, Господь и так вытащит, потому что любит.

Ну прилип и все! Что тут будешь делать? Махнул я рукой, вылез из своего окопа и пополз к его, на ходу продолжая читать молитву. Не успел я спрыгнуть в окоп, как раздался артиллерийский залп, и я потерял сознание. Очнулся я от того, что кто-то тормозил меня. Открыв глаза, я увидел санитаря. Слегка контуженный, я слышал все будто через вату. Я спросил его, где наши. Он что-то ответил и показал рукой вперед. Я понял, что наши перешли в атаку и ушли вперед. Я оперся на санитаря, и мы медленно двинулись в сторону телеги с ранеными. И вдруг я увидел огромную развороченную воронку, а внутри нее убитого солдата. Я не сразу узнал его перекошенное от страха лицо. И только когда мы уже обошли воронку и двинулись дальше, я внезапно понял, что это было то, что осталось от моего окопа, а солдат – тот самый, который вдруг уговорил меня поменяться с ним.

Всю дорогу до санчасти я думал о том, что произошло. Молитва спасла меня, слово Божье, что было на моих устах, помешало мне спорить и ругаться с этим солдатом. Это был знак свыше. И тогда

¹⁾ *Шмонэ эсрэ - молитва.*

дал я слово, что по возвращении домой стану раввином и буду нести слово Божье людям, ибо в нем спасение наше.

Отец еще раз погладил бороду.

– Когда я вернулся домой, сразу же засел за книги и сдал экзамен на раввина. Хотел поехать учиться дальше, да не смог. Я к тому моменту был уже человек женатый, а время было смутное, опасное.

– А потом пришла революция, – Петька замахал рукой с воображаемой шашкой. – Ленин и Сталин освободили все народы в нашей стране.

– Да-да, освободили, – отец улыбнулся и погладил его по голове. – Мал ты еще.

– А как мы оказались в Баку?

– Не сразу, ох, как не сразу. Мы постоянно ездили по городам, в которых были общины кавказских евреев. Я был раввином в Красной слободе, Буйнакске, Махачкале. Но советская власть закрывала синагоги одну за другой, и мне приходилось покидать города один за другим, пока мы не приехали в Баку. Может, потому, – он вздохнул, – из девяти моих детей выжили только пятеро. Маленькие дети плохо переносят постоянные переезды и голод. Здесь, в Баку, я долго жил тем, что делал обрезание еврейским мальчикам, читал заупокойную над усопшими, выполнял другие обряды, благо документ раввина давал мне право делать это. Большой прибыли это не давало, и потому в какой-то момент мне пришлось пойти работать ночным сторожем. Ночь я, конечно же, использовал для изучения священных книг.

Когда в сороковых открыли синагогу на углу Димитрова и Карганова, мне предложили стать раввином. Я, не задумываясь, поменял трехкомнатную квартиру на двухкомнатную в полуподвале, но зато рядом с синагогой. Моя мечта, казалось бы, сбылась. Но как нелегко было поддерживать стабильное положение синагоги. Как часто, – только Господь знает, как часто – наша синагога была на грани закрытия. Какие пороги я обивал, каким дьяволам улыбался, какие заявления писал, никто не знает, кроме Того Кто Знает Все.

* * *

Второй подросток поднялся на кафедру и стал бойко нараспев читать свой отрывок. Этот парень выглядел гораздо старше его сына. Да и голос его звучал почти как мужской.

Пинхас перевел взгляд на сына. Тот сидел рядом, но, в отличие от него, не глядел по сторонам, а следил по сидиру за молитвой, в нужных местах подпевая со всеми в полный голос. И тогда его высокий дискант выделялся из общего хора мужских голосов особой чистотой и искренностью.

* * *

А Пинхас в детстве так не научился читать на древнем языке. Уже будучи взрослым, сев за парту в ульпане, он на удивление быстро освоил язык. Непривычные для других буквы были его старыми друзьями. Это как человек ежедневно встречающий одних и тех же малознакомых людей: по дороге на работу, на остановке автобуса, в самом автобусе. Сотни раз он видит их, помнит их лица, но в сущности ничего не знает о них. А сейчас их как будто представили друг другу и они подружились, потому что на самом деле были знакомы давно.

Петя был самым младшим в семье. Так получилось, что старшие братья и сестры были намного старше, и потому он многого не понимал, а на свои вопросы не всегда получал ответы. И это здорово злило его. Только когда он немного подрос, то понял, что в те опасные времена, когда культ “усатого дьявола” воспитывал детей на примере пионера Павла Морозова, предавшего отца, люди боялись не только чужих, но и своих несмышленных, но порой очень впечатлительных детей.

Пинхас вздохнул, сколько вопросов так и осталось без ответа, ведь когда его отец умер, он был еще ребенком.

* * *

Неожиданно для Пинхаса мужчины встали и одновременно, слегка поклонившись, перешли на шепот. Он опешил. Много лет

тому назад старый раввин не раз удивлял сына, внезапно вскакивая над книгой, делая поклоны и бормоча про себя слова. Мальчику тогда казалось, что он просто не хочет, чтобы домашние слышали, что он говорит.

Сын бросил на него недовольный взгляд, и Пинхас встал и уткнулся в указанный мальчиком абзац. Но он не слышал окружающих. Подчинившись неожиданно нахлынувшим воспоминаниям, он впервые за много лет вернулся мысленно в тот день, который стал последним для его отца.

Вернувшись после утренней молитвы из синагоги, отец улыбнулся встретившему его на улице Пете.

– Что за день послал нам сегодня Господь!

Он подошел к рукомойнику во дворе, нагнулся, чтобы омыть руки, и неожиданно упал.

Все остальное мальчик запомнил как страшный сон: врача “скорой помощи”, грустно качавшего головой, плач женщин, куда-то бежавших мужчин, непонятные слова. Но когда на следующий день Петя увидел, сколько людей пришли проводить отца в последний путь, он понял, что ничего не знал о нем. Его скромный, немногословный отец оказался очень известным человеком. Люди, приходившие в их дом с соболезнованиями, рассказывали о рабби Симанду такое, что сын не знал о нем. О том, как на скромные средства синагоги в голодное военное и послевоенное время он помогал еврейским вдовам. О том, что порой отец у бедных людей не брал плату за упокойную молитву и делал обрезание бесплатно.

И еще к ним в дом приходили православные священники и мусульманские муллы. Они, как оказалось, очень уважали рабби Симанду.

Открыв рот, смотрел мальчик на огромную толпу провожавших тело раввина в черном гробу с шестиконечной звездой. Он с удивлением отметил, что, когда толпа вышла из синагоги и пошла по центральным улицам, движение по ним было приостановлено.

Множество вопросов теснилось в его голове, но взрослым было не до него. Да и потом ни у кого больше не было терпения

выслушивать его вопросы, а тем более любви и мудрости на них отвечать.

Повзрослев, Пинхас попытался ответить на них сам. Но на многие из них он так и не получил ответа.

* * *

Пинхас бросил взгляд назад, на своих родных и близких.

Он поднял глаза к высокому своду синагоги и мысленно произнес:

– Отец, на этой святой земле, в этом замечательном месте, в этот знаменательный час слышишь ли ты меня? Двенадцать внуков, двадцать правнуков (да умножится их число) у тебя здесь, на этой земле, о которой ты мечтал.

– Что с тобой, – сын обеспокоенно нагнулся к нему, – слезы льются из твоих глаз. Может, тебе что-то попало в глаза?

– Не волнуйся, – Пинхас попытался улыбнуться, – пройдет.

– Может надо вытащить?

– Ни в коем случае. Мои воспоминания навсегда останутся со мной. Впрочем, я обязательно о них всем расскажу.

Чтобы помнили.

ДУША НАРОДА

Внашей общине есть люди, которые прославили свой народ. Их незабываемые имена золотыми буквами вписаны в нашу историю. Это известные ученые, военные, политики, писатели, врачи, артисты.

Но наша община всегда была богата людьми, чьи фамилии не вошли ни в какие справочники и энциклопедии. Их скромные имена запечатлены в сердцах и памяти народа. Их заслуга перед нами не меньше, если не больше, чем заслуги их прославленных и именитых соотечественников.

Этим циклом рассказов мне хотелось бы пожилым напомнить, а молодым рассказать о тех, кто всегда был душою народа.

МОМУ

Первые лучи солнца робко пробивались из-за горизонта, освещая покрытые молодой зеленью горы, небольшой лесок, мелкую, но быструю речку и зажатую между ними маленькую еврейскую слободку под названием Красная слобода.

Жители слободки еще крепко спали, ведь предутренний сон самый сладкий.

Смелые утренние лучи разбудили первого петуха, и он прокричал о начале нового дня, который был лучше будущих тем, что уже наступил, и лучше предыдущих, потому что, в отличие от них, еще не закончился и, стало быть, давал надежду.

Как всегда, как только слабый солнечный свет отразился в ослепительно чистых стеклах ее окон, Хана открыла глаза. Тяжело поднявшись с разложенного на деревянном полу матраса, она тихо застонала и схватилась правой рукой за поясницу.

“Только бы сейчас не прихватило, – подумала она, выходя во двор. – Мне еще много чего надо успеть сделать.”

Умывшись, она обратила внимание, что воды в баке осталось совсем немного.

“Надо будет поднять старшую пораньше, чтобы принесла воды. С вечера я, вроде бы, заготовила два полных сову.¹⁾ Эти дети так воду тратят, чтобы были здоровы, что и не напасешься!”

Тяжело ступая, она подошла к сараю, открыла дверь и выпустила коз. Аккуратно подоив их, Хана набросала перед ними немного сена. Примерно через час, когда прозвучит рожок пастуха,

¹⁾Сову – медный или глиняный кувшин.

она отпустит коз на улицу, откуда они вместе со всей домашней скотиной поселка отправятся на выпас.

Розовый полукруг солнца уже выглядывал из-за горизонта. “Вот и день начался, – Хана остановилась посередине двора. – Что он мне принесет?”

Пропел соседский петух, и она, спохватившись, пробормотала:

– Господи, что-то сегодня я припозднилась. Скоро муж встанет, а у меня еще ничего не готово.

Кряхтя и тяжело дыша, Хана прошла на кухню.

“Так, кажется уже сегодня... – привычными движениями она затопила печь и поставила чайник на огонь. Мысли ее были далеко, а проворные руки продолжали выполнять привычную работу. – Со стиркой я вчера закончила. Хлеб позавчера в тендире испекла. На несколько дней хватит.”

Увидев, что муж уже проснулся и вышел во двор, она подошла к старшей дочери, спавшей на полу у самой стены.

– Ефрат, вставай, до школы надо успеть за водой сходить. – Хана принялась тормошить девочку.

Дочь открыла глаза и посмотрела на нее бессмысленным взглядом. Она еще явно находилась в объятиях сна.

– Давай, давай, – Хана начинала раздражаться. – Тебе девять лет. Уже достаточно большая девочка, чтобы помогать матери.

Как только старшие девочки отправились в школу, Хана покормила младшую и решила, наконец, выпить чаю. Со стаканом в руках она с трудом уселась на свой душак-ча на полу. Сложить ноги по-турецки ей было уже трудно и она вытянула их перед собой. Она без аппетита смотрела на еду, оставшуюся на расстеленной на полу скатерти. Есть совсем не хотелось. Вдруг резкая боль пронзила поясницу. Закрыв рот руками, она постаралась не вскрикнуть, чтобы не испугать двухлетнюю дочь. Когда боль отпустила, Хана вышла во двор и, подойдя к забору, крикнула соседке:

– Тamar!

Соседка выскочила сразу, словно поджидала у двери.

– Что, началось?

– Да! Пошли кого-нибудь за мому¹⁾ и заberi малышку к себе. Я до следующей схватки успела приготовить все необходимое: чистые простыни, тряпки, баночку сливочного масла, баночку меда, бутылку тутового самогона, яйца, – и поставила кипятить воду.

Приготовив себе место на полу, она легла, подложив под голову подушку.

“Прошлые мои роды принимала Зулко Шабатай, – думала она, – хорошая была мому. После ее смерти, говорят, что Гавяр Ширвони – лучшая мому в нашей махалле. Может и так. Да боязно что-то”.

В этот момент она услышала торопливые шаги.

Улыбаясь, как всегда, в комнату вплыла Гавяр Ширвони.

Это была пожилая женщина среднего роста, полная, одетая в традиционный темно-синий габо,²⁾ на голове – такого же цвета чорбол.³⁾

– Здравствуй, милая, – мому продолжала улыбаться своей широкой улыбкой в пол-лица, а ее пухленькие белые ручки сноровисто готовили все для великого таинства. – А я, как увидела тебя вчера около речки, сказала соседкам, что тебе пришло время рожать. Я даже знаю, кто у тебя родится. Но не хочу говорить, чтобы не сглазить.

Она протерла самогоном принесенные с собой опасную бритву и ножницы, приготовила смесь масла с медом для обработки ран, кастрюлю с горячей водой поставила подальше, кувшин с холодной водой – поближе. Травы для остановки кровотечения мому положила в угол со словами: “Дай Бог, чтобы не понадобились!”

Очередная схватка снова скрутила Хану.

– Не бойся, милая, все будет хорошо. – Мому чистой тряпочкой вытирала пот и слезы, которые текли по лицу Ханы вперемешку.

– В славный день Всевышний удостоил тебя произвести на свет дитя. Лаг-ба-Омер начался вчера вечером. Старики говорят, что если мальчик родится в такой день, то это Божье благословение. Впрочем, любой ребенок – это Божье благословение.

Схватки внезапно прекратились.

Мому осмотрела ее.

¹⁾Мому – повитуха. ²⁾Габо – женская одежда, платье-сюртук.

³⁾Чорбол – женский головной убор, надеваемый поверх платка, закрывающего волосы.

– Ну все, милая, теперь мы с тобой произнесем молитву и, с Божьей помощью, начнем. У тебя – своя работа, у меня – своя. Не бойся, у меня рука легкая.

Через час, поднеся крупного красного малыша к роженице, мому сказала:

– Радуйся, женщина! После трех дочерей Господь подарил тебе сына. Да умножится число потомков Авраама, Божьего народа!

Только смотри, до восьмого дня, пока раввин не сделает обрезание, имя новорожденного никому не называй!

Гавяр Ширвони радовалась так, словно родившийся мальчуган был ей внуком. Она всегда радовалась, когда дети приходили в этот мир. И страшно огорчалась, когда некоторые из них уходили, так и не повзрослев.

Женщины поселка, поголовно соблюдавшие еврейские традиции, рожали часто. Но выживали, как правило, не все дети. Многие умирали в раннем возрасте от детских болезней.

Да и сами женщины нередко умирали во время родов или от осложнений после них. Потому Гавяр и после родов несколько часов сидела около роженицы. Она готовила им традиционный “пунч”. Именно так она называла этот необычный напиток, который состоял из хорошо перемешанных меда, желтка, топленого масла и тутового самогона.

Вот и сейчас, приготовив напиток из оставленных Ханой продуктов, мому подседа к роженице.

– А теперь, милая, тебе надо побыстрее набраться сил, – она села у изголовья Ханы и, придерживая одной рукой ее голову над подушкой, другой держала кружку.

– Мне не хочется, – прошептала Хана.

– Надо, родная, надо, – Гавяр погладила ее по голове, как маленькую.

– Дети твои еще малы, нет у тебя ни свекрови, ни матери. Некому помочь поднять детей. – Она вздохнула. В этом мире и детям и мужу нужна только здоровая мать и жена. Мы должны быть сильными. Ну, давай.

Она поднесла стакан с напитком к ее лицу.

Хана начала пить небольшими глотками. После каждого глотка мому одобрительно кивала и приговаривала:

– Молодец. На здоровье, балай-мя.

Так говорила Хана своим дочерям, когда они болели и капризничали, не желая пить или есть.

Хана на минуту почувствовала себя маленькой. Рано повзрослевшая из-за тяжелой жизни, она и не думала, что помнит детство.

Гавяр Ширвони вышла из дома Ханы. Несмотря на усталость, она была счастлива.

В одной руке она держала подаренную Ханой за труды баночку топленого масла и полбаночки меда. Чем еще могла отблагодарить ее бедная женщина? Редко в каких-то зажиточных семьях мому давали деньги. В основном жители слободки были очень бедны. Иногда Гавяр, видя бедственное положение семьи, не только не брала ничего за работу, но и сама приносила из дома баночку варенья или джема.

Но счастлива она была не из-за заработанных продуктов.

Она улыбнулась, вспомнив, как в глазах неулыбчивой, суровой Ханы она в какой-то миг уловила счастье. А как был счастлив вернувшийся с работы муж, узнав, что у него родился сын. Но и он тоже быстро спрятал радость, нахмутив густые брови и поправив усы, будто стер улыбку с лица.

В это трудное время в этом суровом краю люди были скупы на улыбки, но за свою долгую жизнь Гавяр научилась читать по лицам слободчан их сердца.

– Надо не забыть зайти проведать Рахель, что вчера родила дочку.

По дороге сюда она встретила Сару из соседней махалли. Той явно пришел срок рожать. Кажется, у нее тоже будет мальчик.

“Да благословит Господь свой народ! Пусть даст мне силы помочь людям.”

Неграмотная женщина так и не научилась читать и писать, и потому никто и никогда не узнал, скольким евреям она помогла появиться на свет. И не только евреям. Слава о ее “легкой руке”

дошла и до жителей других частей города, и ее стали часто звать к роженицам других национальностей.

Когда в слободке открылся родильный дом, еврейские женщины не сразу начали пользоваться его услугами. Они не доверяли акушеркам и некошерной пище, которой их там кормили. А дипломированные акушерки и врачи еще долго звали Гавяр Ширвони и других поселковых мому на консультации в особо тяжелых случаях.

К слову сказать, и Хана, у которой Гавяр Ширвони приняла не одни роды, впоследствии стала мому.

Гавяр Ширвони прожила больше девяноста лет и всегда оставалась доброй и набожной улыбчивой старушкой.

Такой ее сохранила народная память.

ШАМАШ

Нофтоли заснул только под утро. Болезнь, о которой он старался забыть в заботах дня, ночью овладевала его измученным телом, не давая заснуть. Он приучал себя не поддаваться телесной боли, отвлекая мысли от ее источника. Иногда он читал на память отрывки из “Псалмов”, а когда боль немного утихала, но еще не давала сомкнуть глаз, он обдумывал дела грядущего дня. В последнее время в такие минуты Нофтоли почему-то возвращался мыслями в прошлое, вспоминая свою жизнь.

Сначала он не мог понять, почему каждую ночь Господь заставлял его повернуть время вспять. Просматривая в ускоренном темпе, словно в кино, прожитые годы, а главное, видя себя со стороны, будто из кресла в зрительном зале, он почему-то, не совсем так, а иногда – совсем не так оценивал дела и поступки, в однозначности которых прежде не сомневался.

– Как же я забыл! – вскрикнул в одну из таких ночей Нофтоли, вскакивая с постели, – ведь месяц элул на дворе! Месяц прощения. Недаром все верующие евреи каждое утро в течение всего месяца до Судного дня собираются в синагоге читать Слехот. Как видно, Господь хочет, чтобы я в эти дни сделал полный хишбон нефеш,¹⁾ – сердце екнуло от пришедшей на ум мысли. – Нам неведомы пути Господни, и если уже пришел мой черед, – он вздохнул, – значит, такова воля Господа.

¹⁾Хишбон нефеш – подведение итогов жизни.

* * *

Он родился в семье потомственных раввинов. Его отец, рабби Агару, еще до революции был раввином синагоги махалли Гильаки, которая считалась самой большой в Еврейской слободке.

Много воды утекло с тех пор... К тридцатым годам в слободке, получивший новое название Красная слобода, эта синагога оставалась единственной действующей, остальные десять были закрыты, а их помещения новая власть использовала для разных хозяйственных нужд.

Еще ребенком Нофтоли вместе со своими братьями учился в хедере у отца. Его старший брат Симанду стал впоследствии главным раввином Кавказа. А он?

Когда волна революции докатилась до Еврейской слободки, двадцатилетний Нофтоли стал одним из тех, кого идея близкого освобождения и наступления эры справедливости захватила и закружила в вихре революции. Зачем ждать прихода Мессии? Им, молодым еврейским бойцам Красной Армии, казалось, что они сами на боевых конях, с саблями и винтовками смогут “своею собственной рукой” установить справедливость на земле. Нофтоли вступил в партию большевиков и стал одним из активных бойцов летучих красноармейских отрядов. Видя нищету и незащищенность родной слободки, он был уверен, что несет благополучие, мир и спокойствие своему народу.

* * *

Сильный кашель остановил поток его мыслей, Нофтоли выпил воды из стоявшей в изголовье кружки. Он опять почувствовал дикую боль. Повторяя слова молитвы, он снова лег в постель. Тяжелый сон словно накрыл его железной сеткой: дышалось как бы через отверстия в прутьях и почти физически ощущалась ее тяжесть.

Легко воевать, когда знаешь, что враг твой – напротив тебя с оружием на коне. Не дрогнет рука стрелять в противника, когда в его руках белое знамя с двуглавым орлом или турецкий полумесяц со звездой или британский стяг с перечеркнутым крестом.

А как воевать с безоружным? Арестовывать человека, видя как убиваются его жена и дети? Работа в милиции города Кубы не только не давала ему уверенности в нужности его работы, но и терзала угрызениями совести, и он попросился на другое место. Но и канцелярская работа тоже оказалась не для него, хотя он читал и писал не только на иврите, как учил отец, но и по-русски, и по-азербайджански. Простой и прямодушный, Нофтоли запутывался в чужих интригах и с облегчением ушел, так и не сделав карьеры.

Кем только он не работал впоследствии? Охранником, посыльным... Впрочем, большого выбора и не было. Большевики не озаботились созданием рабочих мест в Красной слободе. Здесь вообще почти ничего не строилось, а клубы, школы и поликлиники открывали в домах, экспроприированных у кулаков, да в закрытых бывших синагогах.

А когда уважаемых раввинов и их сыновей начали увозить в неизвестность его бывшие соратники по оружию, Нофтоли вознес молитву Богу, благодаря его за то, что вовремя увел его с грешного пути.

Именно тогда, в тридцатые, когда вновь, как в детстве, дважды в день он стал посещать синагогу, пришла ему в голову мысль, что он может выполнять роль шамаша, тем самым и помочь общине, и получить возможность кормить семью. И хотя больших доходов от этой службы он не имел, а опасность в любое время оказаться в немилости у власти только возросла, он получил главное — душевное равновесие.

Их тогда было всего несколько смельчаков, решившихся в столь грозное время помочь общине выполнять заповеди, не ассимилироваться и не забывать веру отцов, пронесенную через века. Среди них были Иллазар-шамаш, Шооми-шамаш, Нурииль-шамаш. Они разделили между собой поселок на несколько частей и каждый работал в своей. Нофтоли достались махалле Гильаки и махалле Кусары.

Уже более двадцати лет он исполнял обязанности шамаша. В последние годы люди стали называть его не Нофтоли-шамаш, а рабби Нофтоли. И хотя экзамен на звание раввина он не сдавал и

обязанностей раввина не выполнял, но его знание Торы и Талмуда поражало окружающих. Именно за ученость и мудрость его стали называть “рабби”.

Ему казалось, что он только на мгновение прикрыл веки, когда предательский крик петуха возвестил о наступлении нового дня.

Нофтоли с трудом открыл глаза. Петух в его дворе продолжал настойчиво горланить, как будто знал, что хозяину трудно встать после тяжелой ночи.

– Ничего, – подумал Нофтоли, с трудом поднимаясь с постели, – скоро Йом Кипур, нарежу паршивца.

– Господи, прости меня, – спохватился он вдруг, – если я хвораю, при чем тут Божья тварь?

День сегодня предстоял тяжелый. Ранним утром нужно было вызвать мужчин на чтение Слехот в синагоге. Затем организовать миньян для прочтения утренней молитвы в оурхуна¹⁾ в махалле Гильаки и в оурхуна в махалле Кусары. Еще затем надо подготовить два обрезания хорошо, что оба в одной махалле.

Рабби Нофтоли любил устраивать процедуру обрезания, несмотря на то, что это было довольно хлопотно. Он приходил в дом задолго до раввина и начинал подготовку. Сначала надо было приготовить кресло Илиягу.

Хорошо, что сейчас люди стали жить лучше и у них появились стулья со спинками, иногда даже кресла. Раньше приходилось от одних соседей таскать стул по всей махалле, потому что, в лучшем случае, у людей были табуретки. А кресло Илиягу должно быть со спинкой, а желательно и с подлокотниками. Рабби Нофтоли умел украшать кресло так, чтобы было и красиво, и удобно сидящему в кресле сандаку. Он мучил хозяек, выбирая красивые ткани, скатерти и подушки для украшения кресла. Затем надо было проверить, приготовила ли хозяйка все необходимое: красное вино для кидуша, свечи, сладости. В этом, конечно, недостатка не было.

Нофтоли проверял все по привычке. Он помнил, как однажды во время войны, когда хлеб был по карточкам и люди жили впроголодь, гостям вместо сладостей подавали вареный горох.

Надо проследить, чтобы среди приглашенных было десять

¹⁾Оурхуна – поминки; дом, где держат траур.

мужчин. Сегодня и с этим, слава Богу, нет проблем, а во время войны приходилось водить за собой стариков и приглашать безусых пацанов, потому что большинство мужчин были на фронте.

Затем надо было поговорить с будущим сандаком, чтобы во время процедуры вел себя правильно: сидел спокойно, держал ребенка крепко, не делал раввину замечания и не шутил с ним. Чтобы рука раввина не дрогнула в нужный момент и все прошло как положено.

На сегодня было запланировано еще много мелких дел.

– Господи, дай мне силы выполнить задуманное.

Вечером рабби Нофтоли с трудом дошел до дома. Взглянув на его бледное лицо, жена всплеснула руками:

– Я же говорила тебе, надо пойти к врачу. А тебе все некогда.

Завтра же я вызову врача на дом.

– Не трудись, – он устало махнул рукой, – я еще и прошлые лекарства не выпил.

Он повернулся к сыну:

– Пойди позови рабби Ихиила.

Раввином в слободской синагоге в те годы был двоюродный брат раввина Нофтоли – Ихиил.

Жена собрала на стол. Рабби Нофтоли омыл руки и, прочитав благословение перед едой, положил кусок хлеба с солью в рот и понял, что есть не сможет.

– Что тебе не понравилось? – забеспокоилась жена. – Что-нибудь не так?

– Не беспокойся, все так, это я что-то в последнее время не так. Нет у меня что-то аппетита.

В это время в дом вошел Ихиил.

– Что с тобой, брат? Ты сегодня весь день сам не свой.

– У меня к тебе две просьбы, Ихиил. Первая: найди на завтра мне замену, пришли кого-нибудь из шамашей, я передам им свои дела.

– Обязательно. Но это временно, разумеется. Когда выздоровеешь, вернешься к своим обязанностям.

– Если Богу будет угодно, – грустно усмехнулся Нофтоли.

– Вторая моя просьба: завтра после прочтения вечерней молитвы возьми с собой еще девять мужчин и приходи ко мне.

– Господь с тобой, брат мой, для чего?

– Приходите, у меня есть для вас работенка.

Эту ночь он почти не спал. События прожитой жизни на этот раз не проплывали перед его внутренним взором последовательно одно за другим, по порядку. Из самых закоулков его памяти возникали вдруг образы людей или событий, с которыми судьба сталкивала его давно, и тех, что были совсем недавно. Некоторых людей, увиденных в ночном кошмаре, уже не было в живых, и найти какую-ту логику в возникновении тех или иных образов было невозможно, да у него и не оставалась на это ни физических, ни душевных сил.

На этот раз крик петуха принес облегчение, поскольку это означало, что ночные кошмары уже позади.

Домашние потихоньку поднимались, собирались и шли по своим делам.

Постепенно все в доме стихло, только было слышно, как жена возилась во дворе. Рабби Нофтоли уже не чувствовал боли. Он лежал на спине и о чем-то сосредоточенно думал.

Ему показалось, что прошло совсем немного времени, когда дверь в комнату открылась и вошел рабби Ихиил с мужчинами.

Нофтоли ждал их. Тихим, но ровным голосом он попросил брата взять Тору с полки. Он поблагодарил всех, что оказали ему честь и пришли к нему. Затем попросил прощения у брата и повернулся к жене.

Вытирая слезы фартуком, женщина начала причитать, что он еще выздоровеет и что завтра она привезет ему доктора из города.

Он поднял руку, подав знак, чтобы она перестала. Тем же тихим, спокойным голосом он сделал распоряжения по поводу детей и дома, а затем попросил прощения у жены.

– А теперь слушай, брат мой, – обратился он снова к Ихиилю, – я помню от отца, что если читать нужные отрывки из Торы в определенном порядке, то придет Божья помощь. Если дано

человеку закончить свой жизненный путь, то он уйдет быстро, не мучаясь. Если же в Книге Судеб ему записано еще прожить, то после этой молитвы ему станет легче.

Рабби Нофтоли назвал нужные отрывки в том порядке, который вспомнил вчера ночью.

Мужчины посмотрели на рабби Ихииля, тот кивнул им в знак согласия. Окружив больного, они стали читать. Сначала негромко, потом, постепенно воодушевляясь и чувствуя необычный душевный подъем, все громче и медленнее, четко выговаривая слова. Хор мужских голосов зазвучал так стройно и поистине красиво, что жена Нофтоли невольно заслушалась, хотя не понимала ни слова на древнем языке Торы.

Когда они прочитали последние слова, всех присутствующих охватило чувство необычайной чистоты, радости, будто они прикоснулись к чему-то неземному, и чувство грусти, будто потеряли что-то родное.

В следующее мгновение десять мужчин и женщина взглянули на больного и замерли. Он лежал со сложенными на груди руками, с закрытыми глазами и ... улыбался тихой, светлой улыбкой, словно ангел небесный поцеловал его.

– Праведник ушел, – сказал рабби Ихиил, и поняв, наконец, что произошло, женщина тихонько заплакала.

ЖНЕЦЫ

В слободской синагоге было тесно и душно. Как только утренняя молитва закончилась, Хизгил поспешил выйти на улицу. Он вздохнул полной грудью еще немного прохладный утренний августовский воздух. Пьянящий аромат заставил его на мгновение закрыть глаза и остановиться. К привычному запаху травы, влажной от прошедшего ночью дождя, аромата свежего тендырного хлеба, испеченного к субботе, и наливающихся соком фруктов из небольших садов слободчан присоединился еще один запах. Хизгил обожал его. Он узнал бы этот запах из тысячи других. Почувствовав на себе недоуменные взгляды идущих следом мужчин, Хизгил резко открыл глаза и поспешил в сторону дома.

Он был уверен, что многим слободчанам был знаком этот запах. И хотя колосющиеся поля с золотым зерном находились на расстоянии нескольких километров от слободки, ветер доносил до нее их неуловимый аромат. словно созревшее зерно посылало людям невидимые сигналы и звало их прийти, чтобы не сгорел под палящим солнцем и не сгнил под проливным дождем благословенный дар Всевышнего людям – хлеб.

Сердце Хизгила сладко заныло, будто невидимый ашуг¹⁾ под сладкоголосый тар запел свою песню, восславляющую Создателя и его чудесное творение.

– Спасибо тебе, Господи, время жатвы приближается.

Вот уже почти тридцать лет Хизгил работал на сборе урожая. И каждый раз с волнением и радостью ждал его, хотя, что кривить

¹⁾ Ашуг - исполнитель народных песен.

душой, с каждым годом работать становилось все тяжелее и тяжелее.

В воскресенье он поедет договариваться с председателем колхоза о работе для его бригады. Сегодня надо предупредить всех, чтобы готовились, особенно Довро, она должна передать домашние дела.

Цоп-цоп – топочут по желтой тропинке копыта его ослика. Когда-то Хизгил проходил легко эти двадцать с небольшим километров. Но сейчас он уже не так молод.

Он ехал по одному из бывших караванных путей, и навстречу ему попадались идущие или едущие на ослах, реже – на подводах, запряженных лошадьми, крестьяне окрестных азербайджанских и лезгинских селений, а иногда и односельчане. Автомобили попадались редко. Ослик неторопливо брел по дороге, немного раскачивая своего седока.

Мимо него медленно проплывали небольшие аулы и села. Агитплакаты на крышах сельсоветов призывали “собрать урожай без потерь”. Хизгил удрученно покачал головой: “Что они себе думают, эти партийные начальники больших городов, для которых хлеб – это батоны и буханки в булочной за углом? Ведь крестьяне, как тысячу лет до советской власти, так и через тысячу лет после нее, жили и будут жить в согласии с природой. Время сева и время сбора урожая они чувствуют сердцем, а не узнают из сводок по радио или по плакатам на крыше сельсовета. Так крестьяне жили всегда независимо от национальности и веры”.

Он задумался: как оказались его предки в этом благодатном, но чужом краю? В памяти неожиданно всплыл рассказ отца в один из субботних вечеров, когда он, по обычаю, рассказывал детям интересные истории и еврейские притчи.

В 1722 году горские евреи получили разрешение от хана Кубы Хусейна Али Хана селиться на пустовавшем плато, окруженном с трех сторон горами по ту сторону реки Кудиял-чай. Хан гарантировал евреям защиту от разбойников, часто совершавших набеги на небольшие еврейские поселения, разбросанные по всей северной части Азербайджана вплоть до самого Дагестана. Его

сын Фатали Хан, высоко оценив способности еврейского народа, всячески покровительствовал ему, устраивал встречи с еврейскими старейшинами и религиозными деятелями, вел с ними беседы. Говорят, что он даже уговаривал их принять мусульманство, посулив за это различные блага. Но получив от уравновешенного и смирного с виду народа неожиданно твердый отпор, уступил и к этой теме больше не возвращался. Именно в его правление Еврейская слободка заселялась наиболее активно, и именно тогда появились в ней одиннадцать махаллей, каждая с названием местечка, откуда пришли евреи. Молва о защите кубинского хана дошла даже до Ирана. И оттуда, из провинции Гилян, поднявшись с насиженного места, стали прибывать купеческие еврейские семьи, образовав в дальнейшем махалле Гильаки. В это же время были выстроены тринадцать синагог.

Еврейская слободка находилась на пересечении караванных путей, и это имело важное значение для развития торговли. Среди евреев сразу выделилась группа купцов, которые благодаря природной сметке и знанию языков начали вести активную торговлю сначала с Ираном, Турцией и Бухарой, а затем, наладив торговые пути, с Россией и Европой.

Началось развитие ремесел, расцвело ковроткачество. И в этом евреи ничуть не уступали местным, быстро переняв их искусство и развивая его. В это же время евреи начали заниматься мелкой торговлей в различных районах Азербайджана и Дагестана, а также розничной торговлей.

Землевладельцев среди евреев было мало, да и земли, доставшиеся им, были куда менее плодородны, чем земли местных жителей.

Но самая большая и беднейшая часть мужского населения слободки нанималась в батраки к местным крестьянам, чтобы прокормить свои семьи.

За три столетия население слободки сильно увеличилось, хотя революция, войны и эпидемия холеры унесли немало жизней. Рождение детей считалось здесь соблюдением заповедей, рождение ребенка было Божьим благословением, и потому семьи

в большинстве были многодетными. И хотя жители слободки освоили новые умения и ремесла, по-прежнему во время жатвы мужчины, объединившись в небольшие бригады, нанимались на работу в колхозы. Сначала собирали ячмень, затем пшеницу, и в последнюю очередь – рис. Если первые две культуры нужно было убрать быстро – до наступления дождей, урожаю риса дожди не так мешали, так как рис воды не боится, и его вообще убирали по колено в воде.

За два-три месяца тяжелого труда евреи, вместо трудоней, как обычные колхозники, получали зерно по договоренности с колхозом. Впрочем, сейчас, когда только отгремела война, ни о каких договоренностях и речи быть не могло. Всем одинаково давали по четыре-пять пудов зерна с одного гектара убранной площади.

Хизгил вздохнул. До тридцать восьмого года он со своей бригадой убирал урожай на личных полях зажиточных крестьян в селении Шихляр Хачмасского района. Братья Ибрагим, Халил и Хейрулла за работу давали им по восемь пудов зерна с гектара. К тому же они выдавали им муку, овощи и молоко для пропитания в течение всей недели и курицу к субботе. Женщина, которая всегда была в бригаде, пекла для них хлеб, варила еду и стирала одежду.

Хизгил сам подбирал для бригады вдову, немолодую, но достаточно сильную и энергичную, чтобы справлялась с работой.

Хизгил улыбнулся. Он вдруг воочию представил их тогдашнюю бригаду.

Он – Хизгил Шаботай, Хаим Сапро, Раввин Овроом, Беньягу Бобоч и Сарах, дочь Миши. Вот это была бригада! С утра, помолившись и позавтракав, они надевали белые льняные рубахи и штаны, повязав головы платками, брали отточенные серпы и начинали жать. Нет, не случайно местные хозяева договаривались именно с нашими жнецами. Ведь еврейские юноши впервые начинали работать на жатве в четырнадцать лет. К тридцати годам они становились мастерами. Хизгил брал в свою бригаду быстрых в работе, но при этом неконфликтных людей. Лентяи, скандалисты и пьяницы не уживались в его бригаде.

Ого, какие у него были работники! Когда Хаим Сапро что-то рассказывал, его речь лилась рекой, спокойной и величавой. Он умел радоваться в жизни всему: улыбался солнцу и ветру, восхищался красотой звенящей на ветру спелой пшеницы, любовался высоким звездным небом и радугой над горизонтом.

А когда он выходил в поле, на его работу без восхищения нельзя было смотреть. Легко, будто в уважительном поклоне, нагибался он к земле, губы его слегка шевелились, словно нашептывали ласковые слова колосьям. Лицо излучало тихую радость, оно светилось и тогда, когда в конце тяжелого дня становилось красным и мокрым.

А руки.... О, эти руки! Легко и проворно, словно крылья неведомой птицы, срезали они колосья хлеба, укладывали, связывали в снопы, будто они не зависели от своего хозяина и усталость им была неведома.

Иногда Хизгил замечал родных хозяина или его соседей, приходивших полюбоваться виртуозной работой.

– Музыкант, – качая головой говорил о нем Ибрагим, – точно как тот пианист, которого мы зимой в Хачмаса на концерте видели.

– Художник, – спорил с ним Хейрулла. – Смотри, какие он снопы вяжет, словно скульптор.

Что и говорить, тогдашние хозяева, это не сегодняшнее руководство колхоза, что в новеньком френче, брюках галифе и начищенных сапогах, обняв толстый портфель, на автомобиле по собраниям ездит. Они и сами работали не покладая рук. По субботам, когда евреи по договору не работали, хозяева продолжали молотить зерно и вывозить его. И потому долго прохлаждаться у них особого времени не было. Но цену труду они знали и потому дополнительно к установленной цене выдавали Хаиму в виде премии около пуда отборной пшеницы высшего сорта, из которой евреи на Нисону пекли мацу.

Все члены бригады получали равную долю от заработанного бригадой, несмотря на то, что, например, Хаим работал в два раза быстрее других. И такие условия были не только в бригаде Хизгила. Так было принято среди евреев, и потому лентяев к себе

никто не хотел брать. Женщине, как правило, выдавали немного меньше остальных, ведь она не работала в поле, но вдовы были счастливы, если их брали в бригаду, ведь в слободке заработать детям на хлеб было очень трудно.

Сегодня его путь лежал в то же селение Шихляр, где его давно уже считали своим.

Хизгил помнил, как в двадцатые годы по пути из Дербента в слободку зашел в этот небольшой аул и был удивлен. Разруха и голод, царившие на всем пути домой, казалось, не слишком коснулись этого небольшого селения. Его жители продолжали с любовью и упорством влюбленных в землю людей выполнять свой крестьянский долг: сажать и сеять, стараясь не отвлекаться на политику. Именно тогда Ибрагим предложил еврейскому юноше помогать ему в хозяйстве за скудный паек, который он относил семье, пробегая те самые двадцать с небольшим километров каждую пятницу и возвращаясь в субботу.

– Хизгил, – крикнул однажды Ибрагим, входя в дом. Большевики приближаются к нам. Мы решили от каждого селения выставить по десять воинов. Мне выпала эта честь. К вечеру подготовь моего лучшего скакуна.

– Я видел большевиков в Дербенте, – задумчиво сказал юноша, продолжая чистить коня, – пожалей свою семью, бай, не ходи.

– Молла сказал, что они хотят отобрать землю, которая пропитана потом моих предков! Эти большевики к тому же безбожники. Они не верят в Бога. Тот, кто не верит в Бога, – посланник дьявола. Подготовь коня, я сказал.

– Я видел большевиков, – словно не слыша, его повторил Хизгил. – Даже целое войско храбрецов не сможет остановить лавину в горах. У нее нет ни души, ни веры, она все сметает на пути.

– Не позорь меня перед односельчанами! Я дал слово. Мужчины говорят один раз. Ты еще слишком молод, чтобы сомневаться в решении совета старейшин.

Всю ночь слышал Хизгил из своего укрытия в ущелье, куда увел всех лошадей хозяина, вопли Ибрагима.

– Хизгил, джууд, негодай, вернешься – убью!

А ранним утром крики вдруг стали совсем другими.

– Хизгил, – кричал Ибрагим уже осипшим голосом, – отныне ты мой старший сын!

Когда к полудню еврейский юноша пригнал лошадей в селение, он узнал, что утром с поля боя пришла подвода, запряженная лошадьми. Она привезла восемь мертвых тел и тяжело-раненного.

– Ты спас мне жизнь, Хизгил, – убитый горем Ибрагим не поднимал глаз от земли, – а я не верил молве о мудрости вашего народа.

Селение давно вошло в состав колхоза, где председателем был сын Ибрагима Мовсул. Хизгил с грустью усмехнулся. В тридцать восьмом году, когда по всей стране социализм “полностью победил” на селе и “отцу всех народов” было доложено о победоносном завершении коллективизации, Ибрагим с Хейруллой вместе с тысячами других хозяев независимо от национальности и веры были сосланы в Сибирь как кулаки. Назад никто не вернулся. Но местные крестьяне выбрали первым председателем колхоза сына бывшего кулака, потому что политика политикой, но никто не разбирался в хозяйстве лучше Мовсула, с детства приученного к тяжелому крестьянскому труду.

Еврейские жнецы стали наниматься на сезонные работы в колхозы. Условия работы и оплата стали намного хуже. Но выбора у них не было.

Хизгил улыбнулся: “Слава Богу, никто не слышит его мыслей!” Он представил, как сегодня встретится с Мовсулом. Сначала они будут спрашивать друг друга о родных и близких и только потом заговорят о работе. И расскажет ему Хизгил, что в 44-м погиб, защищая российскую деревню, Хаим Сапро. Его похоронили в братской могиле, в поле – среди сожженной войной неубранной пшеницы. Так написал его однополчанин.

Не вернулся с войны и раввин Овроом. Он погиб где-то в Европе.

Сегодня у него в бригаде Талхум Пагил, Йоил и Довро. Они снова, как раньше, выйдут в поле убирать хлеб. И не только потому,

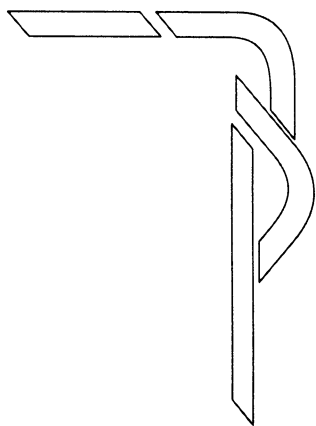
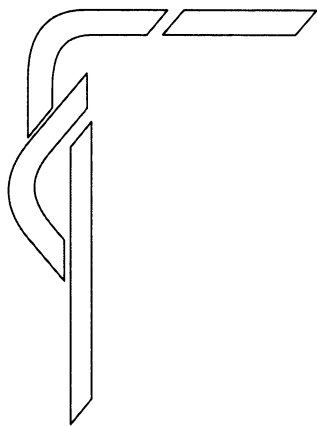
что это неплохое подспорье для их семей. Не только потому, что совсем недавно отменили карточки и стране как никогда нужен хлеб.

Просто они – жнецы, и никогда не владея своей землей, честно служили ей верой и правдой. В газетах пишут, что скоро по всей республике жнецов заменят железные комбайны. Что ж. И прекрасно. Стране нужно много хлеба. А им останутся только сны, в которых они будут слышать ведомый лишь им торопливый шепот ячменя, величавую речь пшеницы и тихую песню риса.

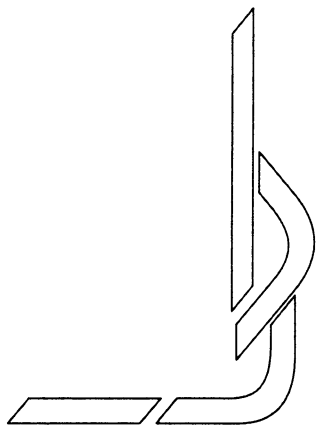
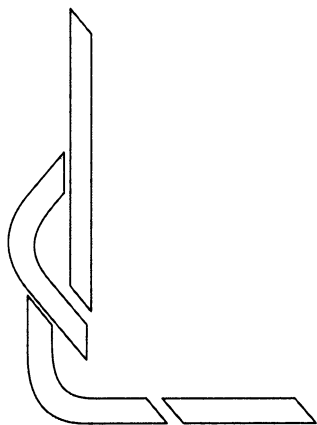
А земля... Как знать, быть может, Господь в награду за их нелегкую, но честную жизнь удостоит их потомков великой чести ступить на землю, обещанную Им нашим праотцам?

Да сбудется это! Омен!

**ТАК ЧТО ЖЕ
ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?**

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Ривка стояла на остановке в ожидании автобуса. Ее автобус только что отъехал, она опоздала буквально на минуту. Теперь придётся ждать минут двадцать. Но это не волновало её. Она была под впечатлением только что просмотренного фильма.

Ривка училась в финансово-кредитном техникуме и в это время она, как правило, после окончания занятий возвращалась домой именно этим автобусом. Но сегодня математичка заболела, и они всей группой пошли в кино на индийский фильм.

“Да... Вот это красивая любовь, – вздохнула она, – такой в жизни не бывает. – Она усмехнулась. – А у нас, у горских евреев, она вообще-то бывает?”

Ривка вспомнила, как недавно они всей семьей смотрели в кинотеатре фильм “Джен Эйр”. Ах, какая там была любовь! По дороге домой она повернула свое мокрое от слёз лицо к отцу и спросила:

– Пап, а как на нашем языке сказать: “Я тебя люблю?”

Родители задумались. Некоторое время они шли молча, потом папа сказал:

– Я тебя хочу –хостанум.

– Фу, как примитивно, – нахмурила свои красиво изогнутые брови Ривка.

– Я умираю по тебе – мя миром ари ту, – с сомнением в голосе предложила мама.

– Да нет, ну как, например, наши юноши говорят “любимая”?

– Севгилим, – засмеялся папа. – Знаю, знаю, это по-азербайд-

жански. Отстань, что ты пристала: любовь-морковь! Ерунда всё это. Просто надо друг друга уважать и понимать, вот и вся формула любви!

– Да, – закивала головой мама, – уважать, принимать друг друга и жалеть.

– Понятно, значит у горских евреев любви нет, – заключила Ривка.

Автобус подъехал к остановке. Ривка с удовольствием отметила, что он был полупустой, значит она может спокойно сидеть, а то у неё ноги устали от высоких каблучков. Что поделаешь: красота требует жертв! Хотя, впрочем, для кого эти жертвы?

Когда она пришла, родители были уже дома.

– Быстренько переоденься, поешь и натри полы, – сказала мама озабоченно.

– Что такое? Натирать мастикой полы в будний день? Мы что, ждём индийского принца?

– Почти, – сказал папа, – сегодня к нам зайдёт мой давний знакомый с женой и сыном. Я хочу, дочка, чтобы ты привела в порядок квартиру и сделала уроки до семи часов.

– Хорошо. – Ривка поплелась в свою комнату.

– Ну что, опять смотрины? – ехидно спросила младшая сестра.

– Смейся, смейся. И до тебя очередь дойдёт, – огрызнулась Ривка. Она терпеть не могла эти смотрины.

Это началось примерно год назад. Однажды родители позвали её в свою комнату. Они сели напротив неё и начали объяснять, что приличная еврейская девушка не может знакомиться с будущим мужем самостоятельно.

– Ну подумай сама. Где ты можешь познакомиться с молодым горским евреем сама? У себя в техникуме? В кино? В автобусе? На улице? Ты же понимаешь, что это в высшей степени легкомысленно и неприлично! Так вот, у нас, у горских евреев, другой обычай. Молодые люди со своими родителями приходят домой к девушке и в ходе приятного разговора за чашкой чая знакомятся и узнают всё друг о друге. Короче говоря, сегодня вечером у нас

будут гости.

Ривка с остервенением натирала мастикой полы. Она вспоминала эти «знакомства».

Приходят какие-то тётки, осматривают тебя с головы до ног, фальшиво улыбаются и уходят. Потом приходят те же и пожилой мужчина. Сидят, говорят всякую чепуху, время от времени бросая на неё взгляды, и опять уходят. Потом снова приходят те же и еще молодой парень. И опять тебя осматривают, обглядывают. Фу, противно.

Умом она понимала все доводы родителей, а сердцем... Эх, где вы, серенады под окнами прекрасных дам, стихи, посвящённые им, дуэли из-за них. Неужели вся эта красивая жизнь проходит где-то рядом, не пересекаясь с её жизнью? Параллели, как известно, не пересекаются. И ей уготована другая судьба. На языке джуури¹⁾ нет слова “ЛЮБОВЬ”!

Ривка сидела на диване рядом с мамой. Теребя от смущения свою тугую каштановую косу, она отвечала на вопросы гостей. Но вот, отозвав в сторону маму Ривки, мать юноши сказала: “Мой сын хотел бы перекинуться парой фраз с девушкой без свидетелей. Вы позволите им выйти на балкон и поговорить несколько минут? Мы, разумеется, будем их видеть из столовой”. Родители отозвали Ривку в сторону и рассказали ей о необычной просьбе парня.

– Нормальный человек, – сказала та. – Значит его интересует не только внешность девушки, но и её интересы и кругозор. Родители с ней согласились.

Ривка с парнем вышли на балкон. Через застекленную дверь балкона они были хорошо видны из столовой. Слов, правда, слышно не было.

Не поднимая глаз на парня, Ривка смотрела во двор.

– Вы любите учиться? – спросил он.

– Если сказать честно, не очень. Хотя я учусь хорошо, – добавила она поспешно, – но только для родителей. А что поделаешь? Они ведь меня любят и хотят мне только хорошего.

Ривка по-прежнему не смотрела в глаза парню, она разглядывала свой двор, такой знакомый с детства. Вот здесь они с девчонка-

¹⁾Джуури – горско-еврейский язык.

ми играли в «классы», здесь прыгали в «резинки». А сейчас она стоит, как большая, и беседует с юношей, не спускающим с неё глаз.

– А в кино вы любите ходить? – продолжал “светскую” беседу парень.

– Очень. Иногда я могу смотреть один фильм два раза. Днём – с девочками, вечером – с родителями. Да! А иногда, – она бросила украдкой взгляд на наблюдающих за их беседой родителей, – мы иногда даже сбегает с последней пары, чтобы посмотреть новый, только что вышедший на экраны фильм. – Она посмотрела в глаза юноше. – Только вы им про это не рассказывайте!

– Я буду нем, как рыба, клянусь бабушкой! – Карие глаза юноши улыбались, хотя лицо оставалось серьёзным. – Вы, небось, фильмы любите индийские?

– И индийские тоже. – Глаза её засветились. – Я люблю фильмы про красивую любовь. – Она осеклась на последнем слове. – Хотя у нас, у горских евреев, нет в языке такого слова.

– Подождите, дайте вспомнить. – Парень задумался. Ривка отметила про себя, что он ей нравится.

– А вы правы, и правда нет такого слова. – Он улыбнулся и неожиданно продекламировал:

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дают за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное “люблю”?*

– Знаю, знаю, – Ривка засмеялась, и её серые миндалевидные глаза стали узкими, как щёлочки, окаймлённые пушистыми ресницами. – Я даже знаю, что посоветовал меняла поэту:

*“Ты – моя” сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.*

Вот так. Без красивых слов и серенад. Прямо как у нас, у горских евреев.

Увидев, что дочь смеётся, разговаривая с молодым человеком, родители забеспокоились, как бы она не нарушила приличия, и, постучав в дверь, сделали ей знак, что пора вернуться к гостям.

А через два часа мама парня позвонила и сказала, что они хотят знать, согласна ли сторона девушки, и если “да”, когда можно будет принести кольцо?

Родители Ривки усадили её в кресло, а сами сели напротив.

– Это очень хорошая семья, – начал папа, не сводя глаз с дочери.
– Я знаю несколько поколений их рода.

– Да и парень закончил техникум связи, имеет специальность, работает, – мама от волнения перешла на шёпот.

– Но самое главное, – засмеялась Ривка, – Есенина декламирует!

И пошли, полетели дни, месяцы, годы. Всё шло своим чередом: обручение, Бяни-гору¹⁾ перед свадьбой, свадьба с Вагзала, ²⁾ хашиль³⁾ после неё, – всё как полагается. Затем брит-мила старшему сыну, среднему и, наконец, младшему. Затем репатриация в Израиль: ульпан, курсы, работа. Проводы в армию старшего сына, ночные бдения перед телевизором в ожидании “Новостей”, молитвы перед мобильным телефоном: “Господи, пусть сын позвонит и скажет, что у него всё в порядке!”

Всё это время они были вместе всегда. Не то чтобы у них была какая-то безумная любовь, как в телесериалах. Нет, просто, когда один из них не выдерживал бешеного ритма жизни и выходил из себя, другой никогда не отвечал ему тем же, а просто успокаивал и говорил: “Ничего, всё будет хорошо. И это пройдёт, лишь бы все были здоровы!”

Так они и шли по жизни, не заглядывая заискивающе друг другу в глаза, не распинаясь друг перед другом в вечной любви, а просто чувствуя плечо спутника, идущего рядом и ставшего как бы неотъемлемой частью другого.

В тот день у неё весь день болел живот. На работе она, преодолевая боль и не сказав никому ни слова, пила одно за другим обезболивающие средства. Она не имела права сегодня болеть. Завтра приедет на побывку её солдатик. Они с мужем и младшими сыновьями ждут его с нетерпением целых три недели. Ривка должна сегодня испечь пахлаву, сварить мясо на хоягушт. Её мальчики

¹⁾Бяни-гору - напев с упоминанием поколений жениха и невесты.

²⁾Вагзалы - традиционная свадебная мелодия.

³⁾Хашиль - мучная кашница с медом.

любят вкусную национальную кухню. Во время перерыва она составила список продуктов, которые ей надо купить на завтра. Дома, послав мужа с ребятами на базар, она заправила стиральную машину и собралась заняться тестом.

Боль в животе стала невыносимой. Ривка села на диван. Ну что же она такое съела? Именно сегодня так болит живот.

– У меня нет времени сейчас болеть! – Она резко встала и... упала на диван, взыв от боли. Когда она открыла глаза, то увидела перед собой испуганные глаза мужа:

– Что с тобой?

– Болит живот. Это так не вовремя сейчас, правда? – прошептала она.

Он, ни слова не говоря, взял её на руки и понёс к машине. Средний сын уже сидел за рулём.

– Куда мы едем?

– В больницу. Не разговаривай, береги силы.

Между тем боль снова усилилась. Чтобы не кричать, Ривка кусала губы.

– А продукты в холодильник положили? – всполошилась она вдруг.

– Младший дома. Он всё сделает, – отрезал муж, – лежи, не разговаривай.

“Он сделает, шалопай”, – подумала Ривка и потеряла сознание.

Очнулась она в больнице. Над ней склонились врачи. Они о чём-то тихо говорили.

Вдруг один из них сказал по-русски, обращаясь к Ривке:

– Это перитонит. Как вы могли довести себя до такого состояния? Как вы могли вообще терпеть эту чудовищную боль? Сразу видно, вы не избалованная женщина. – И повернувшись к медсестре, добавил на иврите. – Срочно в операционную.

Когда она проснулась, рядом никого не было. Ривка долго вспоминала, как она сюда попала. Тут к ней подошла медсестра и сказала на иврите:

– Ты уже проснулась? Отлично. Не волнуйся, тебе сделали

прекрасную операцию. Сейчас ты находишься в реанимации. Но после обхода тебя, вероятно, переведут в обычную палату. Твой муж здесь, в комнате ожиданий, – она показала на стенку палаты. – Сюда никого не пускают. Какой у тебя муж! Мы тут всякого навидались, но такого ещё не видели. Знаешь, у нас в комнате ожиданий есть чай, кофе, телевизор, диваны, – всё, чтобы ожидающие могли спокойно ждать долгие часы, а иногда и сутки. Твой муж не ест, не пьёт, не спит уже столько часов! Кроме того, каждого из медперсонала, кто заходит в палату, включая санитарку, он просит подойти к тебе и посмотреть, как ты. Да! Он же тебе записку написал! Ирена, где записка? – обратилась она к другой медсестре. Та подошла к Ривке.

– Вы сейчас не сможете читать, – сказала она по-русски, – у вас обе руки заняты. Хотите, я вам прочитаю? – Ривка кивнула. Ирена развернула сложенный вдвое лист и начала читать вслух:

“Здравствуй, Ривка! Я разговаривал с профессором, он сказал, что операция прошла очень хорошо и тебя, возможно, сегодня же переведут в обычную палату. Я очень рад.

Знаешь, сегодня у меня было время подумать о нас. Не о детях и родителях (чтобы они все были здоровы), а о нас с тобой. Когда мы двадцать лет тому назад впервые разговаривали вдвоём, я подумал: а ведь это та, которую я всё время искал! Понимаешь, предыдущие девушки, с которыми меня знакомили, во время первого разговора говорили о разном. Одна говорила о том, что у неё нет зимнего пальто, а она так обожает “ламу на лайкре”, это просто её заветная мечта. Другая мечтала о бриллиантовом комплекте. Третья в первые пятнадцать минут знакомства принялась делить обязанности между супругами так, как она это понимает. Я в ужасе бежал от них, думая: “А что же они попросят потом?”

И только встретив тебя, я подумал, что эта наивная девочка мечтает о том, о чём должна в сущности мечтать каждая женщина, – о любви. Я думал тогда, что это так просто. Но сегодня, двадцать лет спустя, я понимаю: легче достать деньги – заработать, занять, украсть, – и купить шубу, бриллианты, “мерседесы”. Но ни за какие деньги нельзя купить любовь.

Прости, я не смог тебе подарить ни того, ни другого. Я знаю, ты скажешь, что на джуури нет такого слова. Да, слова нет, но чувство, не обесцененное многократным употреблением где надо и не надо, намного сильнее.

Ты тогда не дала мне прочитать до конца стихи Есенина, так почитай продолжение через двадцать лет:

И ответил мне меняла кратко:

О любви в словах не говорят,

О любви вздыхают лишь украдкой,

Да глаза, как яхонты, горят.

От любви не требуют поруки,

С нею знают радость и беду.

“Ты – моя”, – сказать лишь могут руки,

Что срывали чёрную чадру.

Ирена сложила лист и положила Ривке под подушку. В глазах её блеснули слёзы.

– Ах, какая любовь, – вздохнула она, – прямо как в кино.

ЛЕЗГИНКА

Они сидели в небольшом уютном ресторане. Было еще довольно рано по ресторанным меркам, и потому не все столики были заняты, хотя на многих из них стояли таблички с надписью “Заказано”. Оркестр ненавязчиво наигрывал что-то джазовое. Вежливые официанты легко двигались между столиками с дежурной улыбкой на лицах. Этот московский ресторан выглядел вполне респектабельно, и Сюзи была рада, что назначила встречу с партнерами именно здесь.

Сюзи молча слушала мужа. Он сидел напротив такой как всегда: статный сероглазый красавец, похожий на героя-любownika из мелодрамы. И так же, как всегда, женщины бросали на него взгляды: кто украдкой, а кто откровенно. И говорил он, как всегда, спокойно, уверенно, чуть-чуть снисходительно. Женское внимание уже давно не смущало его, а наоборот, прибавляло ему уверенности.

Как только он начал говорить, Сюзи поняла, о чем пойдет речь, она даже знала, чем он закончит разговор, несмотря на то, что начал он издалека. Она слишком хорошо знала мужа. А, может, слишком долго ждала этого разговора, каждый раз в душе надеясь, что он все-таки не состоится. Состоялся....

Он пригласил ее в этот ресторан за час до запланированной встречи с партнерами. Сказал, что у них будет конфиденциальный разговор. Он все рассчитал правильно: она не будет закатывать истерик и рыдать на людях. А перед важной встречей не позволит себе расслабиться. Он знал ее очень хорошо. Так ему по крайней

мере казалось.

Сюзь познакомилась с Джеральдом десять лет назад. Тогда она блестяще окончила университет, и ее отчим попросил своего старого друга взять ее с испытательным сроком на освободившуюся в его фирме вакансию менеджера.

– Имей в виду, девочка моя, – сказал ей тогда отчим, – только первый шаг человек может сделать, если его подтолкнуть в спину. Дальше он должен идти сам. Иначе его вытолкнут назад.

Ее не нужно было подталкивать. Спокойная, уверенная, обладающая энциклопедическими знаниями и феноменальной памятью, эта маленькая изящная девушка легко и непринужденно поднималась по служебной лестнице, умудряясь не только не наступать на чужие головы, но и ловко обходить чужие ноги, не задевая больные мозоли. А о ее строгости и скромности, когда кто-то пытался за ней приударить, ходили такие слухи, что сплетники начали было приписывать ей Бог знает что.

Но тут появился Он...

Джеральд был сыном одного из уважаемых акционеров фирмы. Он начал работать в фирме немного позже Сюзь, и с первого мгновения сумел влюбить в себя всех вокруг. Прежде всего, внешне он был неотразим. Одни говорили, что он похож на Ричарда Гира, другие приписывали ему сходство с разными голливудскими красавчиками, но на самом деле он не был похож ни на кого из них и при этом напоминал всех одновременно. Сначала он привлекал внимание своей статью и элегантностью. Затем поражали его необычные глаза: дымчато-серые радужки его огромных глаз были окаймлены темно-серыми кругами, что придавало ему загадочный и романтический вид. Бархатный баритон очаровывал собеседника, прекрасное чувство юмора и редкий в наше время такт и деликатность довершали картину.

Все особи женского пола при виде него таяли и улыбались, причем абсолютно не имело значения, в какой половине прошлого столетия они родились: каждая в его присутствии вспоминала о том, что она – женщина.

С Сюзь у него сразу сложились дружеские отношения. Она не

млела от него, как другие, но, к своему удивлению, обнаружила, что ее страшно оскорбляет то, что он видит в ней лишь друга и коллегу. И хотя она не признавалась себе в этом, какие-то струны в глубине ее души были затронуты.

И она заключила пари сама с собой, что этот красавчик в конце концов будет ее мужем. Да. Все вышло на удивление легко и просто. Она выиграла пари у самой себя. Правда, никто об этом не узнал, как, впрочем, никто никогда не догадывался, что таится в душе этой миниатюрной женщины.

Она кивала ему невпопад, чуть насмешливо улыбаясь, одной рукой приподнимала свой бокал с шампанским и глядела на мужа сквозь янтарный искрящийся напиток, а другой поправляла изящную брошь из белого золота с бриллиантом, которой был заколот белый атласный шарф, прикрывающий ее обнаженные плечи.

– Боже, надо же что-то отвечать, – вертелось у нее в голове, – но что?

А ведь предвидя этот разговор, она не раз обсуждала со своим психоаналитиком, какой должна быть ее реакция на него, и они моделировали варианты поведения, соответствующие обстановке. Но почему-то все умные и правильные слова вдруг вылетели у нее из головы. Вернее, они как будто теснились у нее на языке, но Сюзи казалось, что, если она откроет рот, чтобы произнести заранее подготовленные фразы, то разревется на глазах у него и злорадных завистниц.

“Спокойно, Сюзи, спокойно, – сказала она себе, – помнишь, что говорил в таких случаях отчим? Из любого, самого безвыходного положения существуют, по крайней мере, три выхода. Нужно только не терять голову”.

На мгновение она отключилась от всего, что ее окружало: от шума ресторана, взглядов окружающих, монолога мужа, сводившегося к тому, что им “надо расстаться”. А ведь ей всегда так трудно было отключаться.

Когда Джесика, ее лучшая подруга, привела ее к гуру, Сюзи он сразу понравился: такой серьезный, спокойный.

– Если у вас есть какая-то проблема, – учил ее гуру, – в первую очередь прекратите оценивать ситуацию, расслабьтесь, отключите сознание и... наблюдайте, просто наблюдайте, как бы странно вдруг ни повели себя вы сами или окружающий вас мир.

Но у нее никак не получалось добиться полного отключения сознания. Ее блестящий аналитический ум никак не хотел “вырубаться”.

Она была аналитиком в их тандеме. Их всегда посылали на проталкивание самых сложных и скользких проектов. Она собирала информацию о будущих партнерах. Все, буквально все, от их финансового состояния до кулинарных вкусов, от деловых качеств до сексуальных предпочтений. Потом они вместе с Джеральдом обсуждали будущую встречу. А затем начинался первый тур встреч, в котором они все еще изучали будущих партнеров, искали их слабые места. И только потом начинались сами переговоры. Они рука об руку шли к финишу уверенно, легко и четко. У них еще ни разу не было проколов. Их контракты были самыми выгодными, их победы – самыми красивыми и элегантными. Каждый из них понимал, что один он не справится с задачей. Она все подготавливала, а он...

Он вел сами переговоры. Прекрасный оратор, психолог, он к тому же обладал так называемой “харизмой”. Он мог обаять любого человека, независимо от его половой, расовой и религиозной принадлежности. Причем Джеральд не старался подстроиться под собеседника, он всегда оставался самим собой. Просто, с одной стороны, он действительно любил людей. А с другой, он был скорее похож на инопланетянина, который изучает землян, и ему интересен каждый из них. Сюзи иногда была просто уверена в этом.

Встретившись с новым человеком, Джеральд не пытался дать ему оценку: хороший, плохой или так себе. Он просто пытался узнать его и понять. При этом он привлекал человека на свою сторону. Сюзи всегда с интересом наблюдала за его беседой с партнерами. Иногда, когда она не понимала, куда его занесло, и

бросала на него красноречивый взгляд, но он только улыбался ей в ответ, мол, не бойся, все будет хорошо. Они никого не обманывали, но всегда заключали контракты, выгодные их фирме. Они просто работали на совесть. И за это получали неплохие деньги.

Вот и сейчас они сидели в небольшом московском ресторане в ожидании партнеров, с которыми они должны были в ближайшую неделю подписать очень выгодный контракт. Россия была непредсказуемой страной, и потому совет директоров фирмы послал на переговоры именно их. Кроме всех прочих достоинств, они оба знали русский.

Сюзи продолжала улыбаться и делать вид, что слушает мужа.

“Надо просто ни о чем не думать. Ловите любую пробегающую мысль и отгоняйте ее от себя”, – спокойное лицо гуру, казалось, смотрело на нее откуда-то со стороны.

И тут она заметила на себе чей-то взгляд. Как бы невзначай повернув голову, она заметила за соседним столиком знакомую кудрявую голову. Яшка!

Тот сидел к ней полубоком, а его красивая спутница – к ней лицом. Вот ведь, небось, специально привел свою блондинку сюда, чтобы ей, Сюзи, или Шоши, как он ее называл, на нервы подействовать.

Яшка не вошел в ее жизнь, а ворвался, как он делал, впрочем, абсолютно все: решительно, уверенно, напористо. Сюзи тогда было пятнадцать лет. Прошло больше года, как умерла ее мать. Сюзи училась и жила в колледже. А тут она приехала домой на рождественские каникулы.

Они весело говорили о чем-то, когда раздался телефонный звонок: какая-то женщина плакала и.. говорила на незнакомом языке. Сюзи уже была готова сказать, что это ошибка, но ей показалось очень знакомым слово, которое женщина все время повторяла : “Шошана”. Так иногда называла ее мать. Сюзи думала, что она сама придумала ей такое прозвище.

Но тут трубку взял кто-то другой. И юношеский голос на

английском с необычным акцентом сказал:

– Привет, Шоши. Мы звоним из Израиля. Моя мама – родная сестра твоей матери. Она ничего не знала о ее смерти. Ведь после того, как твоя мать вышла второй раз замуж за чужака, родные прекратили с ней общаться. Меня зовут Яков. Я – твой двоюродный брат.

Сюзи вдруг вспомнила мамины рассказы о ее детстве, где главным героем всегда был кузен Яшка. Зимними вечерами, когда маленькая Сюзи с очередным гриппом лежала в постели, мама садилась рядом с ней и начинала рассказывать ей разные истории. Но больше всего Сюзи любила истории “про Яшку”. В этих историях мальчик с необычным именем Яшка попадал в необыкновенные, смешные ситуации: то застревал ногой в хрустальной вазе, то влезал на дерево и не мог слезть, то бесстрашно защищал ее, маленькую Сюзи, от собаки.

– Яшка? – неуверенно спросила она.

– Да, – закричал он, – твоя мама меня так всегда называла.

Он оставил ей номер своего телефона и обещал звонить.

– Да, милая, – сказал отчим на ее вопрос, как родственники матери оказались в Израиле. – Твои родители – эмигранты еврейского происхождения с Северного Кавказа. Они приехали сюда, когда ты была еще очень мала. Через полгода твой отец погиб в автомобильной катастрофе, а через год мама вышла замуж за меня. Но ты не волнуйся, ты – истинная американка. Ты воспитана американской демократической системой, далекой от варварских законов варварской страны! Если ты не хочешь поддерживать отношения со своей родней, выбрось номер телефона и забудь о них. Впрочем, ты свободный человек и вольна решать сама.

– Я подумаю, – сказала она тихо.

И с этого дня она начала изучать русский язык. А затем нашла в интернете все об иудаизме и стала изучать его тоже. Она не пыталась объяснить самой себе, зачем она это делает. Просто изучала и все.

Только почему-то ей стал чаще сниться необычный сон из детства: будто идет она по улицам маленького незнакомого городка, а кругом горы, горы, горы. А потом кто-то берет ее на руки, и

они, смеясь, бегут через весело журчащую прозрачную речку. И какая-то до боли знакомая зажигательная мелодия сопровождает весь сон. Но самое странное, что, проснувшись, она не могла вспомнить ее.

Яшка приехал в Америку через год на летние каникулы. Он остановился у своих дальних родственников. Днем гулял, а по вечерам подрабатывал в баре. Он позвонил ей и сказал, что привез гостинцы от своей матери.

Они встретились в кафе. Яшка оказался высоким смуглым парнем с густой кудрявой шевелюрой. Он был такой эмоциональный и энергичный, что почему-то напомнил Сюзи итальянца. Яшка очень живо рассказал ей о том, что за три недели своей жизни в Америке он успел сменить три места работы. И все по разным причинам: то хозяин был “идиотом”, то клиенты, то коллеги. Нормальным был только он сам. Причем Яшка в это искренне верил. Ему даже на секунду не приходило в голову, что дело в нем самом.

Сюзи подумала, что все мамины истории “про Яшку” точно были в жизни. Потому что этот семнадцатилетний юноша и сейчас умудрялся попадать в самые немыслимые ситуации и при этом обвинял в них кого угодно, только не себя! А его манера говорить! Его английский был просто чудовищным. Ну акцент, это еще куда ни шло! Но грамматика, стилистика – что-то непостижимое. Он составлял фразы как скульптор-сюрреалист свои композиции. Поставил кирпичик, под рукой другого не оказалось, поставил деревянный брусок, потом вообще ничего не нашел – оставил пустое пространство. Раствор между ними для связки – где хватило, положил, где нет – песочком присыпал. И главное, все это он нагло считал произведением искусства. Так и Яшка говорил: складывал слова в одно предложение, абсолютно не согласовывая во времени, не спрягая и почти не используя предлоги. Но скорость и уверенность, с которой он говорил по-английски, поражала собеседника настолько, что ошибки не замечались.

Она так и не поняла, что ей делать со скатертью и тапочками, присланными в подарок, и положила их подальше в шкаф.

В следующий раз Яшка приехал через несколько лет. Он уже успел отслужить в армии. Парень возмужал и повзрослел, даже его английский стал лучше. А уверенность в том, что он все знает, возросла в несколько раз.

Сюзи тогда как раз собиралась замуж за Джеральда и познакомила их. Джеральду ее кузен понравился. Он сказал, что ему одинаково подходят и бурка с каракулевой папашой и саблей и полевая форма израильского солдата с “Узи” через плечо.

Яшка попытался открыть какие-то магазины по продаже продуктов Мертвого моря, но бизнес оказался не слишком законный – не было специальных разрешений минздрава, и Сюзи помогла ему выпутаться из этого дела. Потом он что-то опять пытался открывать, но снова провалился в самом начале. Затем он уехал в Россию.

В последнюю встречу он сказал ей, что хочет открыть в Москве бизнес, заработать денег и на них начать свое дело в Израиле. И только после этого жениться на хорошей, приличной девушке. И вдруг, глядя куда-то в сторону, добавил:

– А этот красавчик тебе не подходит. Сразу видно, что он бабник, хотя, может быть, человек и неплохой. Тебе нужен другой муж, более серьезный и надежный.

Она только засмеялась в ответ. За все эти десять лет они несколько раз разговаривали по телефону. Он поздравлял ее с рождением сына, а потом дочери. Узнав, что она приезжает в Москву, предложил увидеться. При встрече он повел себя очень странно: разговаривал резко, все время смотрел на Джеральда и только изредка бросал взгляд горящих черных глаз на нее. Расстались они очень холодно. Она, кажется, тогда при нем звонила в ресторан и заказывала столик.

Сюзи встала и, продолжая теребить брошь, медленно пошла к выходу. Легкая улыбка застыла на ее губах. В голове не было ни одной мысли, хотя она слышала все звуки вокруг, но до сознания они не доходили.

Вдруг оркестр заиграл необычную мелодию. Сюзи остановилась. Какое-то незнакомое, но чудесное чувство просыпалось в

ней. Она была не в состоянии разобраться в нем. Она его просто ощущала.

– Что это за мелодия? – спросил женский голос.

– Это один из видов лезгинки, – ответил ей мужской, – не классический вариант, а танец, который исполняется под популярную песню “По горным дорогам”.

Сюзи вспомнила! Это была мелодия из ее сна! Она вдруг явственно услышала мужской голос, родной, веселый, добрый:

– Белеют вершины в молчании строгом,

Ручей устремился к ручью.

По горным дорогам, по горным дорогам

Веду я маши-и-ну сво-ю.

Подчинившись нахлынувшим чувствам, Сюзи сняла с плеч белый шарф, надела его на голову и скрепила на плече брошью. Она вышла на площадку для танцев, встала спиной к оркестру и...

Мелкими шажками на полупальцах, будто перебегая быструю горную речку, маленькая изящная женщина в длинном черном платье и белом шарфе одиноко поплыла по пустой танцплощадке. Тонкие руки, ритмично опускаясь и поднимаясь в такт музыке, казалось, помогали ей сохранить равновесие на неровной поверхности горной тропы.

В ресторане как-то сразу смолкли разговоры. Все, не отрываясь, смотрели на необычную танцовщицу.

Сюзи не замечала ничего. Ведомая голосом отца, она внутренним взором оглядывала горы из своего сна, освещенные высоким солнцем. Ей захотелось спуститься со склона вниз, туда, где на небольшой поляне цвели полевые цветы.

Ее танцевальный шаг изменился: теперь она не просто перебирала ногами, а двигалась так, словно спускается по горному склону: одна нога легко сгибалась в колене, а другая оставалась почти прямой и как бы припечатывала шаг. (Она и не догадывалась, что этому шагу очень долго учат в танцевальных классах.)

Сюзи спустилась к поляне. Нежные, не слишком яркие, но источающие чудный аромат цветы были разбросаны под ее

ногами.

Сюзь почувствовала, как в глубине ее души, поднялся и расцвел цветок, похожий на один из них. Как будто лучик солнца проник туда, где никогда еще не был, и разбудил его. Он расцвел и заискрился солнечным светом. Она почувствовала, как этот свет изнутри освещает ее.

Женщина на мгновение остановилась, приподняла свою голову в белом платке. Опушенный взгляд ее поднялся так, что, казалось, она смотрит куда-то вверх. Ее миндалевидные карие глаза засветились, засияли. Она вновь закружилась в вихре танца.

“Храню я путевку в косматой папаше,

А сердце давно потерял.

Живет моя милая в горном ауле,

Живет среди не-ба и ска-а-л.”

Высокий смуглый мужчина, встав справа от женщины, поднял руки в танце и, устремив на нее взгляд черных глаз, понесся рядом с ней.

Сюзь не заметила, что Яков танцует тоже. Впервые в жизни она не просто танцевала, она жила этим танцем. На мгновение она вдруг вспомнила слова гуру, сказанные на прощание.

– Мне нечему тебя учить, Сюзанна. Мудрее, чем ты есть, тебя не сделаешь. Но твоя мудрость не в блестящем уме и знаниях, а в твоей душе, которую ты сумела пронести через всю свою короткую, но нелегкую жизнь, не запачкав обидой на Бога и завистью к людям. Научись отключать сознание, пойдь за своей душой, и ты поймешь, что тебе не нужен никакой советчик.

Ей вдруг захотелось смеяться. Она улыбнулась. Господи, из-за чего она мучилась? Ведь все так просто!

“И там, где сверкают на небе высоко,

Созвездья в орлином краю.

По горным дорогам, по горным дорогам,

Спешите на сва-а-дъбу мо-ю.”

Музыка смолкла. Сознание вернулось к ней. Она почему-то не удивилась тому, что Яшка оказался рядом. Он проводил ее к столику. Сюзь села напротив мужа. Ставшие темно-серыми, как омытый

дождем асфальт, глаза его выражали восхищение и грусть.

– Кто ты, женщина? Почему я, такой знаток человеческих душ, так ни на йоту и не продвинулся в понимании твоей? Больше того, я до сих пор не понял: как я, которому всю жизнь нравились голубоглазые длинноногие красавицы, полюбил невысокую кареглазую шатенку. Чем ты околдовала меня? Гордым независимым характером горянки? Или печальными умными глазами библейских мудрецов? Почему после каждого твоего нелогичного поступка я сначала бесился и злился, порывался уйти от тебя, но потом любил тебя еще больше?

Помнишь, как на восьмой день после рождения сына ты вышла с ним погулять, а когда вернулась, оказалось, что была в синагоге. Меня обидело не то, что ты заранее договорилась с раввином о процедуре обрезания и даже не то, что не нашла нужным посоветоваться со мной. Но ты ведь никогда не соблюдала традиции. И мне казалось, что даже не верила в Бога. Во имя чего ты это сделала?

Когда родилась дочь, я решил опередить тебя: отнес ее в церковь и окрестил. Ты не удивилась и не устроила скандала, увидев у нее на шее крестик. Ты просто пожала плечами. Но когда она подросла, ты начала рассказывать ей истории из Ветхого Завета, мягко напоминая ей о твоей и ее связи с его героями.

Он замолчал. Она загадочно улыбалась ему в ответ, не собираясь прерывать свое молчание. Он пригубил бокал с шампанским и сказал вдруг срывающимся голосом:

– Ты никогда не говорила, что любишь меня. Ни-ког-да! Как мне этого всегда не хватало! Мне, которому всю жизнь самые красивые женщины предлагали свою любовь! Но меня не греет их любовь. Если ты хоть раз скажешь мне о своей любви: пусть шепотом, пусть только глазами, я больше не посмотрю ни на одну женщину! Мне никто не нужен, кроме тебя, моя маленькая непостижимая женщина-загадка. Но я хочу только одного: знать, любишь ли ты меня?

Сюзи продолжала загадочно улыбаться. В этот момент официант принес ей на подносе записку. Она бросила на нее взгляд

и, узнав почерк Якова, усмехнулась. Потом, положив записку в сумочку, сказала:

– Мы еще вернемся к этому разговору. А пока надо готовиться к встрече с партнерами. Пора пересаживаться за заказанный столик. Мне надо привести себя в порядок, а ты вызови метрдотеля и выясни, все ли сделано в соответствии с заказом.

Сюзии встала. Только сейчас обнаружив, что белый шарф по-прежнему покрывает ее голову, она медленно сняла его и прикрыла плечи.

“Что это было? – Сюзии вдруг вспомнила о танце. – Кто и когда научил меня так танцевать? Память ли это, хранящаяся в подсознании, или вообще какая-то генная память? А впрочем, это не имеет значения”.

Он спросил, кто она. Она сама не знала ответа. Но ощущала в себе все: гордость и непреклонность дочери гор, мудрость и интуицию библейских праматерей, уверенность в себе свободной умной женщины, выросшей в Америке.

И главное – душу простой земной женщины, желающей счастья своим детям и простой человеческой Любви. Они ждут от нее ответа: красавец и умник янки и горячий джигит-десантник израильской армии.

Она знала, что им ответить.

БЕСПОКОЙСТВО

Маленькие детки спать не дают.

С большими сам не уснешь.

Пословица

Эстер резко села на кровати. Опять ей снился какой-то беспокойный сон. Кажется, она чего-то искала и не могла найти, или кого-то догоняла и не могла догнать. Ну что тут поделаешь!? Даже во сне она не могла отключиться от повседневной суеты.

Она прислушалась к тишине в квартире. Какая гнетущая тишина! И это в ее доме, где тихо практически не бывает! Сестра, когда приходила к ней, вечно ворчала, что шум и смех из ее квартиры слышится в подъезде еще на первом этаже.

– Это просто ужас, – возмущалась та, как всегда, заглядывая в каждую комнату. – Мало того, у детей в одной комнате футбол орет, в другой – боевик-стрелялка разрывается, в третьей – американский сериал ржет идиотским смехом, а тут еще твой “меломан” мугамы слушает. Эти “Я-у, Я-у!” – как раз последний штрих, которого не хватает до полного сумасшедшего дома! Прямо хоть табличку на дверях вешай: “Дурдом “Солнышко”.

– Вот и неправильно, – в тон ей отвечал муж Эстер. – На табличке надо написать: “Филиал маштагинского санатория в Холоне” (если кто не знает: Маштаги – пригород Баку; кроме санаториев он известен тем, что там находился республиканский сумасшедший дом).

Люба, Сестра Эстер, была замужем за ашкеназским евреем и потому считала себя самой интеллигентной и утонченной дамой, лучше всех разбирающейся в культуре, искусстве и вообще в жизни среди всей ее шумной многочисленной родни. Ее муж Додик относился к ее родным, кавказским евреям, куда более уважительно, чем она, за что его все любили. У них был единственный сын, такой же спокойный, как его отец. В детстве он был похож на Знайку из сказки Носова, а когда вышел фильм с Гарри Поттером, все стали называть его Гарри Поттером. В их доме всегда стояла тишина, как в читальном зале. И, как и в библиотеке, на того, кто вдруг пытался заговорить громко, Люба тут же бросала строгий взгляд и шипела, вертикально приставив указательный палец к ярко накрашенному рту: “Шшш...”

Эстер вздохнула. Она не любила такие ночи, когда все ее четверо детей находились вне дома.

Дети подрастали. Она с улыбкой вспомнила, как раньше они дрались друг с другом буквально за все. Сначала за пульт от телевизора, пока они с мужем не купили три телевизора. Потом они дрались за компьютер, и им пришлось купить еще один. Конечно же, это было нелегко – поднимать трех пацанов и одну девчонку, которая братьям мало в чем уступала. Они с мужем еще ни разу не были даже в Эйлате, не то что за границей.

– Нечего было нищету плодить! Нарожали четверых детей, теперь крутитесь-вертитесь! А когда сами-то жить будете? – возмущалась сестра, но Эстер всегда останавливала ее.

– Грех так говорить. Против Бога это.

Сестра начинала заводитьсь, потому что всех религиозных людей считала бездельниками и лицемерами, но, взглянув на Эстер, в сердцах махала рукой и переводила разговор. Она посвоему любила сестру и не хотела причинять ей боль.

Эстер верила в Бога. Правда, ее вера была несколько нетрадиционной. Она пыталась соблюдать заповеди по мере возможностей. Но в душе считала, что истинная вера не связана с ритуалами и обрядами. Она должна жить в сердце и никогда не покидать его, как бы ни сложились обстоятельства.

Эстер встала с постели и пошла в кухню. Она остановилась посередине кухни и прислушалась к себе: где-то внутри нее зарождалось беспокойство. Оно маленьким червем изнутри начало сверлить ее чувствительное сердце. И чем больше Эстер задумывалась, тем сильнее ощущала это сверление. Тревожные мысли одна за другой зашевелились в ее голове. Сначала они робко, как застенчивые сплетницы, нашептывали ей свои тревоги. Затем они становились все увереннее и уже наперебой выкрикивали свои опасения.

Эстер налила в свой любимый армуды¹⁾ минеральной воды и села в салоне на диван. Пытаясь успокоить себя, она стала поочередно думать о своих детях, убеждая себя, что они в полной безопасности и им ничего не угрожает. Но чем больше она думала об этом, тем сильнее колотилось ее сердце.

Эстер встала и начала бродить по пустой темной квартире, показавшейся ей в этот миг огромным средневековым замком. Ей даже казалось, что ее шаги звучат так же, как глухо стучат сапоги по каменным плитам старинного замка. Тем более, что полы ее холоновской квартиры были выложены керамической плиткой, которая скрипела во многих местах и давно требовала ремонта.

Старший сын демобилизовался несколько лет назад. Немного поработав после армии, он заявил родителям, что собирается снимать квартиру с двумя своими друзьями. Ни крики отца, ни слезы матери не помогли.

Бабушка прочитала ему лекцию о том, что после армии порядочный горский парень должен жениться, и даже предложила свою помощь в поисках невесты. Сын только рассмеялся в ответ и сказал, что жениться в двадцать два года без специальности, квартиры и капитала может только безнравственный человек, который явно рассчитывает на помощь родителей. Что касается невесты, то он найдет ее сам, когда придет время, а ходить по квартирам на смотрины унизительно как для девушек, так и для юношей, и что пора бы забыть старые местечковые привычки и обычаи. Вот так-то!

Он уже целый год живет отдельно. Эстер много раз бывала у

¹⁾Армуды - стакан грушевидной формы.

них в квартире. Там было на удивление чисто. На холодильнике висел график дежурств по уборке квартиры.

Все мальчики очень любили Эстер, потому что она приносила им домашние обеды и мыла посуду, чья бы очередь ни была в тот день. Про себя она решила так: ребенок живет в общежитии и привыкает к самостоятельности.

Недавно он поступил в университет, и Эстер с мужем предложили ему помощь в оплате учебы. Он опять засмеялся в ответ и сказал, что первый год учебу оплачивает армия.

А вчера он позвонил и попросил у них раскладные стулья. Они с друзьями, взяв палатки и удочки, поехали с ночевкой на Кинерет на рыбалку.

Тревожные мысли в ее голове уже превратились в базарных торговков, наперебой кричащих о всевозможных ситуациях и несчастных случаях, которые ждут компанию молодых людей, расположившихся на ночь в палатках вдали от цивилизации.

Терпеть больше не было сил! Эстер решительно подошла к столу, взяла свой мобильный телефон и позвонила сыну. Он ответил сразу.

– А, мама, ты будешь не ты, если не позвонишь! – настроение у него было хорошее. В трубке она слышала голоса, в том числе и девушек. – Ну все, теперь ты можешь спокойно пойти спать, я ведь знаю, что сегодня ты, как обычно, в пять часов встала.

– Конечно же, – она улыбнулась, – отдыхайте, балай-мя, только далеко не заплывайте!

– Бай, мама!

Средний сын служил в армии. И хотя он усердно убеждал ее, что в безопасном месте, Эстер не очень этому верила. Он служил все-таки в боевых частях и матери мог всего не рассказывать. Она только несколько часов назад говорила с ним. Но что поделаешь, если глупое сердце не дает ей покоя? А если он на дежурстве? Она взяла мобильный и набрала сообщение : "Как ты?"

Через минуту в мобильнике раздался сигнал принятого сообщения. Она открыла его. На экране была только картинка с улыбающейся физиономией, которую дети называли "смайликом",

а она – “колобком”.

Эстер улыбнулась: “Дай Бог, чтобы все наши солдаты вернулись с миром!”

Дочь Элла тоже проходила службу в армии. Правда, она служила только год и теперь собиралась уходить, потому что выходила замуж. Эстер вспомнила, когда девочка только собиралась идти служить в армию, к ним пришла ее свекровь и стала настаивать, чтобы Элла отказалась от службы.

– Нечего порядочной еврейской девочке делать в армии, – сказала она сурово. – Пока иди учиться, а мы тебе тем временем жениха подберем.

– Все мои подруги идут в армию, и я пойду! – сказала Элла, нахмурившись.

– Что ты с этих бесстыжих пример берешь! Знаем, чем они в армии занимаются! – бабушка перешла на крик и посмотрела на молчавших родителей в поисках поддержки.

– Интересно, бабуля, откуда ты это знаешь, – усмехнулся старший сын. – Для того, чтобы “этим” заниматься, не обязательно в армию идти! Если у девушки голова на плечах, она везде сумеет вести себя достойно.

– И потом, – осторожно добавила Эстер, – в Израиле для успешной карьеры надо обязательно отслужить в армии.

– Карьера-марьера, – передразнила ее бабушка, – как вы не понимаете, что приличная горско-еврейская семья не захочет женить своего сына на девочке, которая служила в армии.

– А мне не нужна такая дремучая семья, для которой служба в армии это что-то неприличное, – ухоженные тонкие бровки Эллы сошлись на переносице красивой черной “галочкой”.

В общем, если бы не сыновья, неизвестно, чем бы дело закончилось.

Элла служила с удовольствием. Только три недели она проходила курс молодого бойца, а потом служила недалеко от дома. Каждый день шла на службу утром и возвращалась домой вечером, успевала даже подработать в пиццерии. Девочка она была шустрая, бойкая на работу и на язычок и потому все успевала. Однажды

она пришла домой и по секрету рассказала Эстер, что ее недавно познакомили с одним парнем. Он офицер и служит сверхсрочно в армии. Этот парень тоже кавказский еврей. Он приходил к ней каждый день, разговаривал. А вчера провожал до работы после службы и рассказал, что впервые почувствовал гордость за своих, когда однажды в разговоре с друзьями на какой-то вечеринке, один из них сказал:

– Слышь, а ваши-то, кавказские, не совсем такие, как наши. Вот у нас в армии девчонка есть. Вроде боевая такая, свойская, а только руку на плечо в дружеском разговоре положишь, сразу по физиономии схлопочешь. По-русски вроде чисто говорит, а сленга и похабных слов не знает. “Я, – говорит, – таких слов дома не слышала.” Сразу чувствуется воспитание.

И тогда этот парень попросил друга познакомить его с этой девушкой. Оказалось, что его друг служит вместе с ней, с Эллой.

– Он хочет, чтобы его родители позвонили вам. Как ты думаешь, папа не будет сердиться? – Элла с тревогой посмотрела на мать.

Эстер улыбнулась. Все получилось на редкость удачно. Даже бабушка осталась довольна, потому что бабушка и дедушка жениха оказались бывшими соседями ее племянницы и даже дальними родственниками мужа дочери ее золовки, о которых ее золовка говорила, что они “па-а-рядочные люди”.

Дети еле сдержались от смеха, выслушав столь серьезные аргументы.

Сегодня Элла с женихом поехали на день рождения его друга куда-то в Кейсарию. А вдруг парень выпьет немного, а потом сядет за руль? Да и в машине они едут так беззаботно – слушают музыку, болтают, смеются... Глупая фантазия начала тут же дорисовывать картину, а тревожные мысли выстреливали всевозможные ситуации, одна опаснее другой.

Эстер дрожащей рукой взяла мобильник и позвонила дочери. Ответа не последовало. Прижимая синенькую коробочку к своему уху, она слышала только длинные гудки и стук собственного сердца. Эстер села на диван в изнеможении.

– И что теперь? Куда звонить, куда бежать?

Ее мысли прервал звонок. Она бросилась к телефону и, только добежав, поняла, что звонит ее мобильник, который так и остался зажатым в правой руке.

– Ма, – дочка засмеялась, – ты же знаешь, пока я найду в сумке свой крошечный телефон, нужно немало времени. Мы уже едем домой.

– И вовсе не поэтому. В твоей сумке и меня не так просто найти! – услышала Эстер веселый голос жениха дочери.

– Хорошо, будьте осторожны.

Теперь можно спокойно пойти спать. Эстер направилась в спальню.

Младший сын сегодня пошел на день рождения. Эстер вздохнула. Вот в наше время детям на шестнадцатилетие устраивали день рождения дома. Звали друзей в шесть часов вечера. В десять-одиннадцать все шли домой. А тут все не по-человечески! Сын получил приглашение от друга. Красивая открытка приглашала его на день рождения в дискотеку. Начало в двенадцать часов ночи! У этих родителей есть вообще голова?! Она еле уговорила мужа отвезти сына на дискотеку. Он согласился с условием, что, пока будет ждать его, отдохнет у сестры, которая живет недалеко от дискотеки. Его, конечно, можно понять. Утром в шесть часов он встал на работу.

Эстер легла в постель.

На часах полтретьего ночи. Как хочется спать. Но тревожные мысли-кумушки опять зашептались в ее звенящей от усталости голове. Сестра мужа рассказывала, что в этих дискотеках часто бывают драки. А сыновья однажды, смеясь, рассказывали, что наших кавказских ребят не очень-то на дискотеках любят. А на некоторые даже не пускают. Правда, какой уж там кавказский ее младшенький, приехавший в Израиль в возрасте нескольких месяцев. Он скорее сабра.¹⁾ Да и друзья у него все местные. Но он такой горячий!

Она открыла глаза. А еще золовка рассказывала, что на дискотеки молодежь часто приносит водку. А некоторые там наркотики курят. Не дай Бог!

¹⁾Сабра - коренной израильтянин.

Эстер села на постели. Ее разбушевавшаяся фантазия начала рисовать картины одна другой страшнее. Она вскочила и побежала в салон. Схватив в который раз за ночь свой мобильник, она начала судорожно набирать номер сына. Молчание. Дрожащими руками она набрала номер мужа. Один гудок, второй, и тут она услышала смех и “Полет шмеля”. Именно эту музыку выбрал муж для ее звонков. Она обернулась.

Муж и сын стояли позади нее и смеялись.

– Видать, ты уже всем позвонила, пока до нас дошла, – муж укоризненно покачал головой. – Ты ведь обещала сразу же пойти спать.

– Все, – она смущенно улыбнулась, – уже иду.

Она легла и укрылась. Ей вдруг вспомнились слова бабушки, когда мать беспокоилась о брате, служившем в армии где-то на границе:

“В один прекрасный день ребенок выходит в большой мир и мать уже ничем не может ему помочь. Беспокойный ум пользы не принесет, но может привлечь беду. Надо доверять Всевышнему, отпуская детей своих и отдавая их в руки Судьбы. В лучшем случае, нужно только молиться или просто верить, что все будет хорошо. И все будет хорошо!”

И сестра Люба прочитала тогда стихи Андрея Дементьева. Эстер запомнила только одну фразу из них:

И опыт постоянно мне твердит,

Что дарит мать птенцу

В наследство крылья,

Но небо за него не облетит.

Эстер закрыла глаза. Последняя мысль ее перед тем как окунуться в сон, была: “Дочь сказала, что они едут домой. Почему они до сих пор еще не доехали?”

ПРОСТИ МЕНЯ

*Ночь моя стала тоской, горя нет страшней – без тебя,
Нет конца скорби моей, муки моей без тебя...*

Низами Гянджеви.
“Без тебя” (“Сансиз”)

За окном бушевала вьюга. Зима в Кубе в этом году была на редкость суровой. В доме, несмотря на полыхающие в печи дрова, было прохладно. Шаботай не ощущал холода. Он лежал в постели, укрытый несколькими одеялами, и смотрел невидящими глазами в потолок. Он чувствовал, что Ангел Смерти витает буквально рядом с ним.

– Почему же он не забирает меня? – думал он. – Я уже готов покинуть этот мир.

Жена склонилась к нему:

– Ты чего-то хочешь?

Старик покачал головой.

– Может, ты хочешь что-то сказать? – ее глаза увлажнились и обычно суровый взгляд стал мягче.

– Сказать? Что-то я должен был сказать... – он прикрыл глаза.

Он прожил долгую жизнь. Вроде бы, правильную и честную. Он вырастил семерых детей. Слава Богу, все его сыновья и дочери порядочные и уважаемые люди. Да и сам Шаботай слыл человеком достойным и справедливым.

– Что же я хотел сказать? Господи, помоги мне вспомнить! Пока я не вспомню, Ангел Смерти не примет душу мою. Я уже устал...

Чей это смутный образ видится мне вдали? Это Она. Она давно меня ждет.... Моя Адаса....

Память умирающего услужливо перелистывала назад книгу его жизни, переворачивая одну за другой страницы, запись на каждой из них соответствовала прожитому году.

– Остановись! Здесь. 1914 год...

Он впервые увидел ее в Нисону.

По обычаю, начиная со второго дня праздника, юноши и девушки после трапезы одевались в лучшие одежды и выходили на центральную улицу Еврейской слободки. Они медленно прогуливались небольшими группками вдоль улицы и обратно. Такова была традиция. Это был единственный день в году, когда им разрешалось открыто смотреть друг на друга и даже перекинуться парой фраз. Даже самые шепотные парни вели себя в этот день достойно, и самые языкастые девушки старались выглядеть скромными. Ведь от этого дня часто зависела их будущая судьба.

Он шел в компании лучших друзей, с улыбкой слушая рассказ одного из них. Навстречу им медленно приближалась группа девушек. Он бросил на них взгляд. И вдруг... Словно молния пронзила его с головы до ног. Он остановился, и тут же как по команде, остановились шедшие рядом друзья. Девушки тоже замерли. Он ошеломленно смотрел на Нее. Теплые, светлогарие, цвета цветочного меда глаза, которые она тут же прикрыла длинными загнутыми вверх ресницами, прямой с небольшой горбинкой нос, нежные розовые губы. На голове светлый тонкий платок, из под которого были видны тяжелые каштановые косы. На ней был красивый коричневый габо, отороченный серебряным кантом и застегнутый посередине на серебряные пуговицы. Габо, видимо, был материнский, потому что был ей немного великоват. Старинной работы серебряный пояс стягивал тонкую талию, подчеркивая хрупкость девушки. Шабатаю казалось, что от нее исходит теплый, нежный свет. Такой и запомнил он ее на долгие годы.

Девушки засмеялись и двинулись дальше.

– Кто эта красавица? – спросил Шаботай друзей.

– Это ж Адаса. – удивился друг. – Ее сестра вышла замуж за нашего соседа, и она часто приходит к нам в махалле навестить ее. Неужели ты до сих пор не видел ее?

Шаботай покачал головой. Ему больше не хотелось гулять. Зачем просто так болтаться по улицам, ведь отец ясно намекнул ему, что пока он не отслужит в русской армии, о женитьбе пусть и не думает. Он попрощался с товарищами и пошел домой.

“Когда я вернусь, такую красавицу уж точно отдадут замуж! – думал он дорогой. – Чем быстрее я ее забуду, тем лучше”.

Через неделю наступило время идти в армию. Юноши Еврейской слободки призывались в ряды русской армии на три года. В дом призывника в день отъезда обычно приходили попрощаться соседи, друзья, родственники... Старики говорили напутственные слова, женщины плакали. Шаботай уже немного надоело вскакивать и встречать очередного гостя во дворе, как вдруг калитка приоткрылась, и... маленькое солнышко тихонько проплыло во двор. Адаса! Она была в светлом ситцевом платье и светлом платке. Он поспешил ей навстречу.

– Адаса! Спасибо, что ты пришла проводить меня!

Она подняла на него медовые глаза. В волнении взяла в руки свою косу и начала теревить ее:

– Я была у сестры. Она сказала мне, что тебя забирают в армию.

– Не волнуйся! Служба в армии – разве это опасность для настоящего мужчины? Тем более, что сейчас нет войны...

Она опустила взгляд и прошептала.

– Береги себя. Ты нам очень нужен... Мы будем ждать тебя...

Она повернулась и поплыла в сторону калитки.

Когда Адаса уже открывала ее, к нему вернулся голос:

– Кто это – “мы”? – спросил он.

Но в ответ получил только нежную улыбку с легкой укоризной.

Он ошибся. Через несколько месяцев война все-таки началась. Это была Первая мировая. Кавказская армия была переправлена

через Черное море в Турцию. Ее задачей было блокировать Босфор. Он посылал домой письма, написанные на иврите, где больше расспрашивал о доме, чем рассказывал о себе.

Там, на Босфоре, Шаботай встретил земляка и сфотографировался с ним на память. Две фотографии он послал домой с просьбой отдать одну из них его семье.

* * *

Шаботай вздохнул. Он вспомнил рассказ своей сестры Рахели об этих фотографиях.

Рахель возвращалась к себе домой. Отец прочитал ей письмо брата и попросил передать фотографию земляка его родителям, которые были соседями ее мужа. Вдруг прямо на улице к ней подошла девушка и поздоровалась. Она ее не сразу узнала.

– Здравствуй, Адаса. – удивленно сказала она.

– Ты была в доме родителей? Как они поживают?

– Слава Богу, хорошо, – Рахель удивлялась все больше и больше.

– А как твои братья и сестры, все ли здоровы?

– Божьей милостью, все в порядке. Брат из армии фотографию прислал, где он снялся вместе с Исроилем, соседом моего мужа. Вот несु отдать его родителям.

В глазах девушки вдруг вспыхнул яркий огонь:

– А можно посмотреть?

– Конечно! Вот она. – Рахель достала завернутую в вышитую салфетку фотографию. Девушка почти выхватила ее из рук Рахели, осторожно открыла салфетку, вынула фотографию и не могла отвести от нее завороченного взгляда. Рахель поймала этот взгляд и все поняла.

– А он возмужал, повзрослел, – сказала Адаса, не отрывая от фотографии глаз.

– Кто, – улыбаясь, спросила Рахель, – Исроил?

– Да нет, Шаботай, конечно, – Адаса, подняла глаза от фотографии и, увидев улыбку на лице Рахели, вспыхнула.

– Кто-нибудь знает об этом? – спросила Рахель.

Девушка покачала головой.

– Если будет на то Божья воля, когда брат вернется, я скажу свое слово матери.

– Я прошу тебя, ты только до времени никому не рассказывай.

– Не волнуйся.

* * *

Шаботай опять вздохнул.

Господи! Неведомы пути твои! Почему ты своими руками даешь и своими же забираешь?

Что было потом? Он мысленно перевернул еще две страницы в книге своей жизни.

Шел февраль 1917 года. Когда стало известно об отречении царя, большая часть Кавказской армии была переправлена через Черное море в Одессу. И оттуда, не дожидаясь приказа, они стали потихоньку разбегаться по домам, прихватив с собой оружие.

Через несколько недель он уже был дома. Отец давно ждал приезда сына и не удивился его внезапному появлению. Пока мать накрывала шильхан,¹⁾ отец потихоньку рассказывал о жизни в слободке.

А времена наступили смутные. Зажатая со всех сторон мусульманскими селениями, маленькая Еврейская слободка при русском губернаторе жила более или менее спокойно. После падения империи она оказалась незащищенной и потому стала легкой добычей для разбойников. Небольшие лезгинские отряды совершали ночные набеги на слободку, выбирая зажиточные дома. Они грабили, убивали, насиловали, а затем поджигали дома евреев и, вскочив на быстрых коней, скрывались в горах. И хотя с мирным населением отношения у евреев были хорошие, от разбойничьих банд никто не защищал. Вернувшиеся с войны еврейские юноши стали собираться небольшие в группы для сопротивления.

– Но ты не волнуйся – добавил отец, поднимаясь с пола. Нас не тронут. Когда у моего отца была мельница, лезгины целыми семьями приезжали к нему молоть муку. И всем им он оказывал уважение и давал приют в своем доме. Такое не забывается.

¹⁾Шильхан – низкий стол, за которым сидят на душак-ча.

Ты немного оглядись, начни работать и вскоре тебе надо будет жениться. Негоже мужчине быть неженатым, не достоин такой мужчина кинжал носить, да и по законам нашим это нарушение завета Божьего. Но к этому разговору мы еще вернемся.

Отец ушел в синагогу, а мать села возле сына и стала расспрашивать его о войне. Но он быстро перевел разговор, потихоньку спрашивая о соседях: кто умер, кто родился, кто женился, кто вышел замуж? Наконец, он как бы невзначай спросил, не вышла ли замуж Адаса, сестра жены соседа. Мать засмеялась:

– Не бойся, не вышла. Тебя, видно, ждет.

А через месяц они сыграли свадьбу. Свадьба была скромной, время было тяжелое, не до гуляний. Перед свадьбой мать Адасы сказала Шаботаю:

– Вот, парень, отдаю тебе дочь мою в жены. Пока тебя не было, в дом ко мне не одна сваха за ней приходила. Но мы ее не отдали. Все для тебя берегли. Редко у наших по любви и согласию молодых женят, но не хотели мы с мужем мешать счастьем дочери. Дай слово, что будешь беречь ее, солдат.

И он обещал. Если бы знать, что будет! Видно, на то была воля Божья.

Жить становилось все труднее и труднее. Все чаще мужчины приходили домой, не зная, чем завтра кормить семью. Народ нищал. Выходить в мусульманскую часть города становилось все опаснее.

И только они вопреки всему были счастливы. Шаботай не мог налюбоваться на молодую жену. Она словно не ходила, а плыла по земле. А югда она чем-то занималась, казалось, что делает все спокойно и медленно, но работа почему-то продвигалась очень быстро. Когда она возилась на кухне, не было слышно грохота посуды. Создавалось впечатление, что она не касается ее руками, а кастрюли и горшки тихо и бесшумно сами моются в тазу и становятся на место. Дети и животные постоянно ластились к ней.

А главное, легкая, нежная улыбка почти всегда цвела на ее лице. “Увидеть твою улыбку с утра, – говорила старуха-соседка, – сулит удачу на весь день.”

Вскоре у его жены стал потихоньку расти живот, и Шаботай уже подумывал, где они поставят гуфору¹⁾ для маленького, когда все вдруг переменялось.

Однажды отец, вернувшись из синагоги, не зашел в дом, а убежал. Шаботай с удивлением посмотрел на него.

– О горе нам, сын мой, страшное горе пришло к нам! Сегодня в синагоге рабби сказал, что турецкая армия входит в Азербайджан. Ее пригласили мусульманские лидеры. Рабби сказал, что турки обещали обратить всех евреев в мусульманскую веру, а тех, кто откажется, уничтожить. О, горе нам! Разве для того мы столько веков в муках и страданиях берегли свою веру, чтобы вот так потерять ее в один миг. И нет нам ниоткуда помощи.

Шаботай бросил взгляд на женщин, начавших рыдать. Только Адаса стояла молча, теребя уголок платка.

– Что же будем делать, отец?

– Люди рассказывали, что в Дербенте власть взяли большевики. Никто не знает точно, кто это. Но достоверно известно, что они хорошо относятся к евреям и к беднякам. А мы как раз и те и другие. Да к тому же Дербент, это не Азербайджан, и турки туда не доберутся.

Он строго посмотрел на женщин:

– Перестаньте выть. Готовьтесь. Через два дня выходим.

– А как же дом, добро, нажитое годами? – закричала мать.

– Молчи, женщина! Наше единственное добро – наша вера, а тряпки и горшки можно купить новые! Собирайтесь!

Через три дня они вышли из дому. Их было семь человек: родители, Шаботай с Адасой, старшая сестра, которая, овдовев, вернулась в дом отца, младшая сестра-подросток и больной младший брат. Часть жителей поселка, как и они, решили идти в Дербент.

И потянулась цепочка беженцев на север. Они шли в надежде найти защиту и спасти веру их отцов, как будто в этом сошедшем с ума безумном мире кто-нибудь мог защитить кого-нибудь. Добравшись до Хачмаса, они долго ждали поезда на Дербент. А когда, усталые и измученные, наконец, оказались в общем вагоне,

¹⁾Гуфора – люлька для младенца.

то заснули, не замечая ни разноязыкого шума, ни тесноты, ни запаха табака, перемешанного с запахом пота, ни августовской духоты.

Их высадили из поезда, не доезжая до Дербента. Туда их не пустили, а поселили за чертой города вместе с другими беженцами в наспех сколоченных из вагонки временках, стоящих прямо на рельсах на запасном пути. То в одной, то в другой семье начали болеть старики и дети. Люди сначала объясняли это жарой и усталостью. Но когда один за другим больные стали умирать, они догадались, что в пути, пока скитались по дорогам, старая, костлявая старуха незаметно примкнула к ним. Имя ее было Холера.

Сначала умер младший брат, затем мать. Их похоронили на еврейском кладбище Дербента. Когда Шаботай читал кадиш над могилой отца, он чувствовал, что болезнь подобралась и к нему.

Адаса возилась возле него, когда вдруг, не в силах больше терпеть, она легла на пол барака рядом с ним.

– Не бойся, мы умрем вместе, – прошептал он, взяв ее за руку.

Она вырвала свою руку из его :

– Нет, ты должен жить! – и, схватившись руками за живот, прошептала: «Бедное мое дитя», – вскрикнула и замолчала.

Когда он очнулся, долго не мог понять: кто он, где он? Подняв голову, Шаботай увидел сидевших на полу, прижавшись друг к другу, сестер.

– Где Адаса? – спросил он слабым голосом.

– Два дня назад приходили в дом еврейские мужчины, – сказала старшая сестра осипшим голосом. Ее опухшее от слез лицо уже не выражало никаких эмоций, на нем была только усталость. – Они сказали, что солдаты велели собрать все трупы и сжечь. Нам больше не разрешают хоронить на городском кладбище. Но евреи не хотели, чтобы их родных сжигали, как мусор. Эти мужчины забрали Адасу и похоронили с остальными в степи. Мужчины прочитали над ними кадиш и погребли по нашим законам.

– Где она? Я хочу видеть ее могилу! – Шаботай встал качаясь.

– Я знаю, – маленькая Шифра вскочила с пола. – Нам не разрешили идти. Но я все равно побежала за ними. Я все видела.

Старшая сестра, обхватив колени, равнодушно следила за тем, как Шаботай, выпив воды, пошатываясь и опираясь на Шифру, вышел из дому.

Когда они подошли к месту, она неожиданно остановилась.

– Кажется, я забыла. Там было несколько деревьев, а здесь одно. Там был один холмик, а здесь несколько. Я не знаю, где это.

Она села на землю и заплакала. Шаботай поднял голову к небу и мысленно вскричал: “Господи, ты забрал ее у меня и не оставил даже могилы, у которой я смогу склонить колени. За что, Господи?”

И тут к нему подошел один из поселковых.

– Ты слышал, говорят, что народ в городе ропщет, что мы несем им заразу? Говорят, что солдаты решили сжечь всех, кто остался жив, вместе с бараками. Все равно, говорят, вам всем помирать. Надо убежать, Шаботай.

Он ушел. Шаботай задумался: “Куда-то снова идти. Зачем? Разве есть смысл в жизни?”

И вдруг взгляд его упал на младшую сестренку, с испугом смотревшую на него. Его смерть повлечет за собой смерть сестер. Никто о них не позаботится. Он должен жить, ведь он теперь им вместо отца.

“А как же могила Адасы? Что ж, если Господь скрыл ее от меня, то ее могила будет в глубине души моей, и я стану навещать ее, когда захочу, и никто не сможет помешать мне.

Каждый раз, когда он мысленно возвращался к этим воспоминаниям, в голове Шаботая звучал волшебный голос Бюль-Бюля, поющий знаменитый романс Узеира Гаджибекова “Сансиз” на слова великого Низами:

Поверь, красавица, мне, клянусь я встречей с тобой.

Горит в разлуке душа, боль все сильнее без тебя.

Хоть за меня спокоен будешь, родной мой цветок,

Нет покоя Низами, мир все темней без тебя.

Говорят, что великий Низами написал это стихотворение на смерть своей любимой жены Рены.

Он взял сестру за руку и пошел прочь. Через несколько часов они втроем уже вышли к железной дороге. Он решил добираться поездом до Хачмаса. Денег у них не было. Где могли, они ехали без билетов, когда их высаживали, шли пешком.

Голод и разруху видели они на своем пути. Причем плохо было всем: горцам и евреям, русским и азербайджанцам, бедным и богатым. Хорошо было только воронью поганому, что питалось падалью на дорогах, да лихим разбойникам, которые не боялись нападать на беззащитных людей.

В октябре они добрались до Хачмаса. Здесь в одном из селений Шаботай познакомился с местным баем, который предложил ему поработать на сборе урожая. Шаботай согласился. Только попросил разрешения сначала отвести сестер в родную слободку.

Старый дом встретил их пустыми глазницами окон, покосившейся крышей. Внутри были только голые стены. Сестры принялись приводить в порядок дом, когда зашедшая к ним соседка, опустив глаза, сказала:

– Зайди в дом родителей твоей жены, Шаботай. Там ждут тебя.

Мать Адасы сидела с несколькими женщинами на матрасах на полу. Все женщины были в черных платках. Увидев его, женщина ударила себя по коленям и запричитала:

– Меньше года назад самый лучший цветок из своего сада дала я тебе, но ты не уберег его. Почему ты бросил в чужом краю жемчужину мою? Разве не обещал ты хранить и лелеять ее?

Женщина била себя по груди, а потом поднимала руки, как бы призывая Господа в свидетели. Он слушал, опустив голову, а затем повернулся и вышел. Недостойно мужчины спорить с женщиной! Тем более, что эта женщина права.

Одна за другой переворачиваются страницы его жизни. Вот он отдал замуж сестер. Но негоже мужчине оставаться неженатым, такой мужчина не достоин носить кинжал! И он женился.

Шаботай вздохнул.

Сразу пошли один за другим дети. Жена его была прекрасной хозяйкой. В доме всегда было чисто. Дети были ухоженными и опрятными. Соседки часто приходили к ней за советом или помощью. И всем она помогала. Но...

Редко, ой как редко улыбалась она. Всегда строгое лицо ее часто выражало только недовольство и раздражение. А недовольна она была всем: детьми, мужем, правительством, погодой. А что-то не по ее: нахмурится, тонкая морщинка ляжет меж бровей, и домашним лучше не попадаться ей на глаза – быть грозе. Каждое утро, когда она возилась на кухне и во дворе, стоял такой звон и грохот, как будто она старалась выместить на бессловесных предметах свое недовольство жизнью.

Память вновь листала книгу его жизни. Одна страница, другая, третья. Стой!

Война. Зима 1944 года. Поселок жил по законам военного времени. Шаботай работал тогда сторожем в пекарне. Сюда привозили муку, здесь же пекли и раздавали жителям хлеб по карточкам.

В тот день муку не привезли, и потому охранять было нечего. Ночь была холодной, и Шаботай решил из своей будки не выходить, обход по территории не делать – воровать все равно нечего. Он сидел на табуретке и грел руки над небольшим мангалом, в котором тлели угли. Он немного задремал, как вдруг услышал стук в дверь. Шаботай встал, открыл дверь. Что за чудо? Перед ним стояла молодая женщина, одетая во что-то легкое и белое. Светло-карие, медовые глаза... Адаса?! Он хотел подойти к ней, но она остановила его жестом руки.

– Шаботай, выполни мою просьбу, пожалуйста, – ее голос! Казалось уже забытый, но такой до боли знакомый! – Пойди к моей матери, сделай то, о чем она попросит. И помоги ей, чем можешь.

Сказав это, она повернулась к нему спиной, сделала пару шагов и растворилась в ночи.

Он очнулся, сидя на своей табуретке, угли в мангале почти остыли. Но дверь была не заперта. Значит, он кому-то открывал, кто-то приходил? Или ему все это приснилось? Он подождал до рассвета и пошел домой. Не раздеваясь, он вызвал жену во двор и

рассказал о своем видении.

Она слушала молча, потом сказала только одно слово: “Подожди!” – и вернулась в дом. Через несколько минут она вышла уже одетая и пошла впереди него, сделав знак, чтобы он шел за ней. Всю дорогу они шли молча. Только у самого дома его бывшей тещи она произнесла:

– Женщины говорили, что при смерти старуха. Значит, не просто так дочь ее приходила.

Дверь им открыла невестка старой женщины:

– Шаботай? Так это тебя мать столько времени зовет! А мы всех родных уже перебрали. О тебе совсем забыли! Иди к ней.

Он подошел к постели умирающей.

– Шаботай?! Ты пришел! Она передала тебе! Я не могу уйти, не попросив у тебя прощения. Ты был прекрасным мужем и зятем, и не твоя вина, что Господь забрал мою дочь. Прости меня!

Женщина вздохнула и отошла... Он закрыл ей глаза и позвал женщин.

– Господи! – запричитала невестка. – Вот и мать умерла вслед за отцом. А у нас и ткани в доме нет, чтобы пошить саван!

Шаботай посмотрел на жену. Они еще до войны покупали ткань на простыни. Жена его тогда заставила купить ткань по случаю на базаре в Баку.

– Подождите, – сказала она, морщинка привычно легла меж бровей, – у меня есть. Я сейчас принесу.

– Что же я хотел сказать? Не помню...

Смутный образ вдали все ближе. Вот уже проступают знакомые черты. Адаса. Она так же одета, как он впервые увидел ее, только голова плотно покрыта платком, как и полагается замужней женщине.

– Ну что, дождался? – голос жены вернул его в этот мир. Он открыл глаза. Лицо ее было прямо перед ним. Морщинка меж бровей давно превратилась в глубокую борозду. Все люди с радостью живут и с грустью умирают. А ты с грустью жил и с радостью умираешь. Что такое могла сделать для тебя молодая

девчонка, с которой ты и года не прожил, что имя ее ты всю жизнь шептал по ночам во сне? Почти пятьдесят лет мы вместе, сколько прожито, сколько пройдено... Почему же до сих пор ты стонешь в забвенье и ее зовешь? Разве не я родила тебе таких славных детей, разве не я отдала тебе всю свою молодость и жизнь?

Что это? Слезы льются из ее глаз? Сколько раз она плакала в жизни. Не больше двух? Я вспомнил; что я хотел сказать!

– Прости меня!

Прости, что, отдав тебе дом свой, сердце оставил другой,

Прости, что, отдав тебе разум, мысли оставил другой,

Прости, что, отдав самого себя, душу оставил другой!

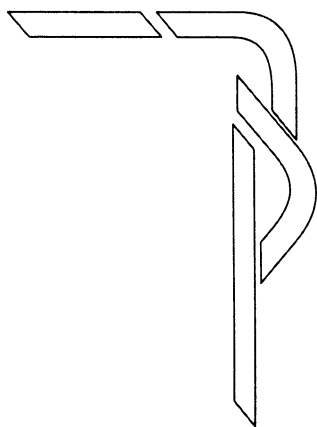
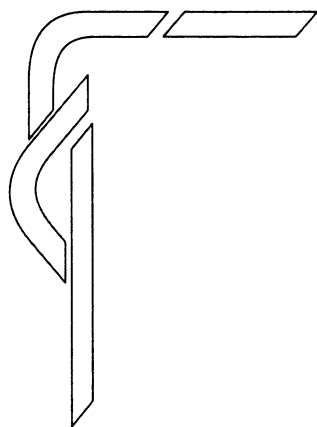
Прости меня!

Он закрыл глаза: “Я иду к тебе, Адаса!”

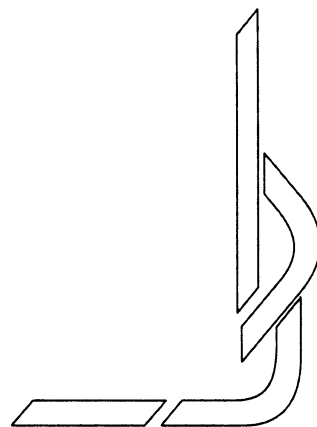
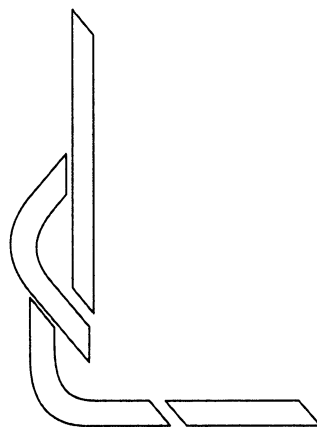
У меня сил больше нет. Мне ли искать счастья с другой?

Ты же сказала мне: “Нет счастливых дней без тебя”.

ТРИ СЕСТРЫ

ТРИ СЕСТРЫ

Сима вышла из дома. Ноябрьское солнце, уже поднявшееся достаточно высоко, весело сверкнуло из-за облачка, словно по-дружески подмигнув ей. Она любила ясные осенние дни, когда ласковое солнышко светит, но не ослепляет ее ставшие слабыми глаза, греет ее скрипящие в суставах старые кости, но не обжигает, как летом.

Она подняла голову к небу и, прикрыв глаза, глубоко вдохнула чистый после ночного дождя, освежающий воздух.

– Ай, Худо,¹⁾ спасибо, что посылаешь мне еще один из твоих прекрасных дней!

Неторопливо ступая, держа в одной руке тяжелую корзинку, а в другой – большую коричневую сумку, она направилась к автобусной остановке.

Ей было уже семьдесят пять. В последнее время Сима вдруг ощутила себя по-настоящему старой. Она задумалась. Ощущение старости пришло к ней не потому, что стала с трудом засыпать вечером, хотя днем часто клевала носом, сидя в кресле с вязанием. Не потому, что уже не знала, оставалось ли в ее теле что-либо, что еще не болело. Она даже не ходила к врачам. Что лечить, когда каждый день ныло и стреляло в другом месте? Это называется старость и никакими лекарствами, увы, не лечится.

Сима вздохнула. Почему-то вдруг один за другим стали уходить ее сверстники. Подруги детства и юности, их мужья, братья, словом, все, кто помнил ее молодой и красивой. Она ходила с одного оурхуна на другой, пока однажды не проснулась ночью от

¹⁾Худо - Б-з.

боли в сердце. Затаив дыхание, ждала, не шевелясь, чем закончится приступ, а когда он прошел, подумала: “Господи, кто следующий?” Родители ее прожили больше восьмидесяти, и Сима все время думала, что и у нее еще есть время...

После той ночи она вдруг поняла, что ВСЕ может быть в любой день, в любую секунду.

Как только Сима подошла к остановке, тут же подъехал автобус. Она неторопливо поднялась в него, сначала положила на свободное сиденье тяжелую корзинку и сумку, а уж потом подошла к водителю расплатиться. Усевшись у окна, она вернулась к своим невеселым мыслям. Сима вдруг вспомнила, как однажды мать ее перед смертью сказала:

– Наше поколение было проклято. На нашу долю выпали три войны и революция, холера и голод, погромы и сталинские репрессии. Не дай вам Бог видеть все это! Но тот из моего поколения, кто пережил эти годы, дожил до глубокой старости по двум причинам. Первая: мы верили в Бога, и эта вера помогала нам легче переносить потери и испытания. Мы надеялись, что в награду за наши страдания Бог пошлет нашим детям лучшую долю.

И вторая причина: мы – поколение, выросшее на николаевском хлебе. В нашем детстве мы ели свежий хлеб, испеченный в тендире, пили родниковую воду и парное молоко, собирали лесные ягоды и фрукты, свежие овощи с грядки. Мясо и рыбу ели редко, но всегда свежее.

А ваше поколение выросло на скудном военном эрзац-хлебе, омытом слезами, на жмыге и картофельных очистках. Вместо Бога у вас был усатый дьявол, и вы поклонялись ему, как идолу. Каждый раз, когда вы скандировали его имя, в раблепном экстазе закрывая глаза, открывая их, вы со страхом обнаруживали, что куда-то тихо исчезли соседи. И никто не знал, кто исчезнет в следующий раз.

А что вы едите сейчас? Замороженную рыбу хек и замороженное буро-черное мясо, непонятно какого животного, неизвестно кем и когда забитого. Я боюсь думать, какое здоровье будет у ваших детей, выросших на хрущевском хлебе, гнилой картошке, фруктах пополам с химией и на колбасе с крахмалом и картоном. А главное

– без какой-либо веры в душе.

Дети... Сегодня Сима ехала навестить их. Приготовив мужу его любимые рис с голубцами, заполнив холодильник овощами и минеральной водой, она еще с вечера сообщила ему, что едет на три дня навестить детей. Он, как всегда, хмыкнул и проворчал, что дети должны навещать родителей, а не наоборот.

Дети навещали их по всем многочисленным еврейским праздникам и дням рождения. Иногда просто делали старикам сюрприз, всем “табором” заваливаясь без предупреждения в выходной день.

Дети у них были хорошие, просто замечательные. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Трех дочек родила она мужу. Он, конечно, хотел пацана, но Бог не дал им. Сейчас у них, Барух а-Шем, есть внуки, даже правнук, дай Бог ему здоровья, так что – грех жаловаться!

Старшая дочка жила в Нетании, средняя – в Реховоте, младшая – в Холоне. А они, старики, жили в Акко. Муж с самого начала не захотел селиться рядом с кем-либо из детей, утверждая, что тогда они попросту превратятся в няnek для своих внуков. И потом: одной поможешь, другие обидятся. Сима все время боялась дать своим дочкам повод для зависти и ревности друг к другу, и потому решение жить в другом городе она сочла мудрым.

Только недавно, подвыпив на свадьбе, муж со смехом рассказал ей, что не случайно выбрал для них этот город. По приезде в Израиль он поездил по стране, навещая своих старых бакинских друзей, и выяснил, что ему легче всего будет адаптироваться к новой жизни в тех местах, где кавказские евреи живут кучно. Знания русского и кавказского здесь вполне достаточно, синагога для кавказских евреев отдельная. Да и кругом полно мест, где страдающие от безделья мужчины пенсионного возраста могли бы собираться. В одном месте проводят соревнования по игре в нарды, в другом – в карты перебрасываются, в третьем – просто сидят и байки рассказывают.

Сима не обиделась на мужа. Что поделаешь, мужчины до старости остаются детьми и всегда думают прежде всего о себе, любимом. Женщины-то работу всегда найдут: дом, обед, внуки.

Хотя и они по вечерам и выходным дням усаживались на лавочках во дворах и парках, лузгая большие серо-белые афульские семечки и сплевывая шелуху в целлофановые кульки. И стоило пройти мимо чьей-то знакомой, как тут же остальные получали о ней, бедняжке, исчерпывающую информацию. Эта информация включала все: число детей, мужей, ухажеров до замужества, даже имя любовницы ее бабушки в Красной слободе. От зорких глаз кумушек не ускользали никакие изменения в жизни их соседей, даже если они были не из их общины.

– Ал-ля! Вы видели, Шмулик – сын этой марокканской скандалистки Зивы – за этот месяц третью девочку меняет.

– А девочка русская. С четырнадцати лет с мальчишками гуляет. Гулящая, наверное.

– Зато мать такая фифочка, ходит в туфлях на огромных каблуках, лучше бы за дочкой смотрела, дура.

Душными летними вечерами, когда не было уже сил оставаться в доме, Сима сиживала вместе с соседками на лавочке. И хотя она в сплетнях не участвовала, но эти разговоры постоянно слышала, в душе радуясь, что ее дети живут далеко отсюда и никто не будет обсуждать, сколько раз ее внучка перекрасила волосы и со сколькими девочками гуляют ее внуки.

Вот и сегодня, выходя со двора, она заметила, как на нее смотрит из окна своей кухни соседка Хано, по кличке “Анка-пулеметчица”. Эту кличку она получила за то, что однажды, хвастаясь перед подружками, сказала, что хорошо знает русский язык, и говорит по-русски пулемет-а-хуно (как пулемет), за что тут же получила эту кличку. Хано говорила на любом языке громко и очень быстро, слова и в самом деле вылетали из ее вечно открытого от любопытства рта, как пулеметные очереди. И потому даже молодежь, не видевшая фильм про Чапаева, называла ее “тетя Хана-пулемет”.

Теперь опять соседки будут ее ругать, зачем она старая и больная поехала к детям с полной корзинкой гостинцев. Ну как объяснить им, что когда дети приезжают ее навестить, она их толком и не видит. С дочерьми спокойно посидеть и поговорить по душам не может, внуков обстоятельно не расспросит, да и с правнуком

не понянчится. Она ведь, принимая гостей, на месте и минуты посидеть не может, как бы дети ей ни помогали. Все кажется, что-то забыла, все бегают, суетится. А после их отъезда бессонными ночами вспоминает, чего не сделала, о чем не спросила, кому не передала привет. Потому Сима и любила сама навещать дочек, проводя у каждой хотя бы один день. А что гостинцы везла, так как же ехать к детям без гостинцев-то?

На центральной автобусной станции, как всегда, было много народу. Многоликая и разноязычная толпа окружила Симу, и она почувствовала себя старым больным муравьем в огромном бурлящем жизнью муравейнике. Она огляделась. Кого только не было вокруг! Ортодоксальные еврейки в вязаных беретах, в длинных, неярких одеждах в окружении опрятно одетых детей, ожидали кого-то в стороне ото всех. Рядом – группа эфиопок в разноцветных одеждах с шоколадными младенцами, привязанными платками к спинам. И тут же арабки в белоснежных платках, свободных платьях и выглядывающих из-под них брюках, о чем-то громко переговаривались друг с другом. Недалеко от них две пожилые кавказские женщины в излюбленных темных с блестками платьях и шифоновых платках, покрывающих головы и завязанных узлами на лбу. Они громко разговаривали друг с другом. На этот раз Сима понимала, о чем. Подруги ждали третью, которая, как всегда, опаздывала. Ну, подружки ее и ругали, всех ее родных вспомнили! Сима вздохнула. “Дикое племя мое”, – как говорит ее средняя дочь Нина.

Сима села в автобус, идущий в Нетанию. Первой она навестит старшую дочь.

Три дочки у нее, три красавицы. Впрочем, может это они для нее, матери, красавицы. Да и понятие красоты у всех разное. Она вспомнила, как ее мать говорила о своей старшей сестре, что она самая некрасивая в семье.

– Тетя Зоов некрасивая? – спросила Сима с удивлением.

– Конечно. Худая и смуглая. Что в этом красивого?

Да, для наших красавица – это белолицая и полная. Такая у нее

Рина, младшая дочь.

На удивление родным, все три дочери Симы были абсолютно не похожи друг на друга. Ни внешностью, ни характером, ни вкусом, ни даже мировоззрением. Как будто не одни папа с мамой их родили, не в одной семье и государстве они выросли.

Еще в детстве, слыша их жаркие споры, Сима пыталась толковать в их головки простую истину:

– Так же, как один человек имеет право быть не похожим на другого, он имеет право иметь и непохожее мнение. Никогда не пытайтесь вложить свои мозги в голову другого. Это невозможно. Если бы Бог хотел создать всех людей одинаковыми, он бы так и сделал. Только стоило ли жить в таком мире? Если в споре не рождается истина, а каждый просто гнет свое, надо прекратить спор. Жизнь покажет, кто прав. Иногда правы бывают все, только каждый по-своему.

Ну вот, опять у чек-поста пробка. Впрочем, куда я тороплюсь? Зина дома, ждет меня.

* * *

Она вела эти разговоры с детьми не случайно. Когда родилась ее младшая дочь, Сима сказала своей матери, что три ее дочки чем-то похожи на нее и ее сестер. Так же не похожи друг на друга. Разница в возрасте между сестрами примерно два года, даже имена на ту же букву, что и у бабушек.

– Господь с тобой, доченька. Не дай Бог твоим детям такую же судьбу, как у меня и моих сестер.

И мать ей подробно рассказала обо всех. Это произвело на нее сильное впечатление.

Сегодня Сима ехала с твердым намерением рассказать все это каждой из своих дочерей. Она вдруг почувствовала, что может уйти, не успев передать им это.

СТАРШАЯ

— Как чудесно, все-таки, жить! — Зоов с улыбкой смотрела на веселое солнышко, заливающее добрым весенним светом раскинувшиеся внизу горы и зажатую между ними Еврейскую слободку. Сегодня девочка шла с мамой на речку за водой. Она уже большая. И ей доверяют помогать по хозяйству! Скоро она сама будет ходить на речку за водой!

А вот и соседка возвращается уже с полным сову.

— Здравствуй, Сара! — соседка положила свой сову на землю и поправила платок на голове.

— А это ваша старшая? — она показала на Зоов. Потом посмотрела на девочку сверлящим взглядом и покачала головой, — Ну ничего, — сказала она, — дай Бог и ей найти свою судьбу.

Они продолжили свой путь к речке, но настроение у девочки испортилось. Всю дорогу она думала над непонятными словами соседки.

Прошло несколько дней, и она услышала, как бабушка в разговоре с мамой сказала:

— Совсем наша старшая некрасивая: худая, смуглая. Одно хорошо: спокойная и трудолюбивая. Надо бы ее побыстрее замуж отдать.

— Зато младшие, слава Богу, красавицы: белолицые и полненькие, — добавила мать.

Они еще о чем-то говорили, но малышка их уже не слышала.

Слезы подступили к глазам: “Они еще увидят: я — лучше всех!” — повторяла она сама себе мысленно.

С тех пор девочка стала стараться изо всех сил в надежде получить похвалу от старших. Но взрослые были скупы на слова одобрения, и потому любой мягкий взгляд, любое ласковое слово было бальзамом для ее обиженного сердечка.

Иногда, ухаживая за младшими сестрами, она сравнивала их внешность со своей и понимала, что сильно проигрывает.

Ей казалось, что гордый и независимый характер средней

сестры, веселый и бесстрашный – младшей сестры, основаны на их уверенности в своей красоте. И тогда впервые в ее обиженной детской душе стали зарождаться зависть и ревность.

И еще: если раньше девочка любила подставлять свое лицо добрым, теплым лучам солнца, то теперь она стала ненавидеть его потому, что оно делало ее и без того смуглую кожу еще темнее.

Но и на ее улицу пришел праздник.

Однажды бабушка, учившая ее рукоделию, дав девочке задание, отошла куда-то. А когда вернулась, с удивлением взглянула на ровненькую вышивку и закричала, обращаясь к мужу:

– Хаим, ты только посмотри, какие руки у твоей внучки. С первого раза она вышила лучше, чем твоя невестка!

Дед поднял голову к небу и произнес:

– Спасибо Создателю, одарившему ее хотя бы покладистым характером и золотыми руками.

С тех пор бабушка стала учить маленькую Зоов шить, вязать, вышивать. Девочка схватывала все на лету. А в искусстве вышивания ей вообще не было равных. Взрослые с удивлением разглядывали ее работу. Мама с гордостью хвасталась перед соседками.

Зоов была счастлива. Она сумела заставить взрослых говорить о себе с восхищением, не то что эти глупые толстые гусыни – ее сестры. Она сшила им кукол из тряпок, и они были в восторге. А какое она получала удовольствие от того, что сестры теперь ходили за ней, выпрашивая еще кукол или хотя бы новое платье для старой.

Все это кончилось в один день. Вернее – вечер. После вечерней трапезы, когда мужчины закончили читать молитву, дедушка вдруг сказал, стряхивая крошки с бороды:

– Сегодня я дал слово старому Нахуму и согласился отдать Зоов за его внука. На следующей неделе они принесут кольцо.

– А сколько лет-то нашей девочке? – спросил отец.

Дедушка укоризненно покачал головой.

– Девять, конечно. Свадьбу сыграем года через два. За это время надо собрать приличное приданое. Неудобно перед людьми. Нахум все-таки уважаемый человек.

Даже на кольцо ей не дали посмотреть, сказали, что оно для нее еще велико, и спрятали куда-то.

В последние два года о ней вспоминали только в связи с подарками, присланными из дома жениха, или, когда речь шла о приданом. Даже бабушка и дедушка потеряли к ней интерес, как бы она ни старалась. Она чувствовала себя проданным товаром, который просто дожидается, когда покупатель заберет его.

В душе ребенка поселилась обида на весь мир, такой жестокий, такой несправедливый. Все реже улыбка освещала ее худенькое смуглое личико.

В дом жениха ее провожали, как и следовало, с музыкой и свечами. Тетя села на коня, посадила впереди себя испуганную девочку, и вся процессия двинулась к дому старого Нахума.

Свекровь привела ее в дом и посадила на красивые подушки. Потом ей закрыли платком лицо и повели к гостям.

Она шла, опустив от страха голову, видя только землю под ногами.

Голос раввина, торжественно говорящего что-то на непонятном языке, доносился откуда-то издалека. Затем кто-то неожиданно взял ее руку и надел кольцо на палец. Она отпила вина из поданного ей кем-то бокала и почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Свекровь подхватила ее и повела обратно в комнату. Ни жениха, ни гостей она так и не разглядела.

Последующие два года после свадьбы, по ночам укладываясь спать рядом со своей свекровью, она пыталась угадать, кто из трех внуков старого Нахума ее муж. Спросить у свекрови ей было стыдно. А родители, у которых к тому времени появились еще дети, о ней почти забыли, как забывают о проданной когда-то ненужной вещи...

Только через два года она об этом узнала. Ее мужем оказался старший внук Нахума, самый некрасивый, самый невысокий и самый хмурый.

Ой ты, доля женская. Тяжела, как медный сову с водой, который каждый день она носила с реки домой, прижимая к острому плечу.

Хоть нести далеко и тяжело, да по дороге не сбросишь и помощи ни у кого не попросишь. Так и несешь свою тяжелую ношу на плече, смачивая слезами песок под босыми ногами.

Долгих двенадцать лет ее дети рождались слабыми и вскоре умирали.

Одно столетие сменилось другим. Началась Первая мировая война.

Зоов не замечала, как шло время. Только жестче становилось сердце и ненависть к людям росла.

А когда холодными зимними вечерами садилась она за рукоделие, невеселые мысли уносили ее куда-то. Она в который раз проклинала свою судьбу, а ее ловкие натруженные пальцы словно сами собой вышивали дивные узоры. Чудные птицы пели на невиданных деревьях, нежные цветы, казалось, испускали тонкий аромат.

Это ее забившаяся в уголок обугленного сердца душа так говорила с людьми.

Наконец, одного за другим родила она четверых детей, которые, слава Богу, остались жить. Но война проклятая отобрала все же одного из сыновей.

Получив похоронку, она просто заскулила, как скулит собака, когда у нее один за другим пропадают щенки. У нее нет уже сил сопротивляться и ей некому жаловаться.

Сима вздохнула. Тетя Зоов дожила до восьмидесяти лет. Она так и осталась вечно хмурой, обиженной на людей и судьбу старушкой.

* * *

— Ты в порядке? — спросила сидящая рядом с Симой женщина, заметив слезы в ее глазах.

— В порядке, в порядке — закивала Сима, смущенно улыбаясь.

Она повернулась к окну. Сначала она разглядывала однообразный пейзаж, но потом незаметно вернулась к своим невеселым мыслям.

СРЕДНЯЯ

Нехама перестала реветь. Позабыв об ушибленной коленке, она с удивлением смотрела на небо. Еще утром на его голубом шелке сияло веселое солнышко. Что же произошло сейчас? Почему вдруг сверху закапали большие капли, словно там наверху кто-то очень большой заплакал вдруг. Может, он тоже ушиб коленку? Протянув ручки к струйкам льющейся воды, девочка с интересом смотрела, как веселые капли ударились о ее маленькие ладошки и разбрызгивались в разные стороны.

Бабушка подхватила ее и забежала в дом. Нехама продолжала заворуженно смотреть в окно, пока ее круглые от удивления глазки не закрылись, она сползла на матрас и заснула.

– Что за глупый ребенок, – жаловалась мама бабушке, укрывая дочь одеялом. – Целый день задает вопросы один глупее другого. “Почему утром светит солнце, а ночью – луна? Почему подсолнух поворачивает свою голову вслед за солнцем?” Ну какое это имеет значение?

Замученная постоянными родами, озабоченная домашними заботами, мать, как большинство женщин того времени, жила, не задавая лишних вопросов. Необычная любознательность дочери ее только раздражала. Быстро поняв, что от мамы легче получить шлепок или подзатыльник, чем ответ на вопрос, Нехама чаще обращалась с вопросами к бабушке и дедушке. Бабушка иногда отвечала, а иногда посылала за ответом к деду.

– Была бы ты мальчиком, – отдал бы тебя учиться, – говорил ей дед, – а родилась девчонкой, нечего задавать лишние вопросы – иди лучше бабушке помоги.

Он даже грамоте ее не учил: не женское это дело – Тиро читать.

– Иголку надо держать вот так, – объясняла бабушка внучке.

– Почему именно т-а-к? А если мне т-а-к неудобно и я хочу по-другому? – спрашивала Нехама.

– Потому что т-а-к держат все. Потому что т-а-к надо. И все! – выходила из себя бабушка.

Когда старшая сестра брала ее с собой за водой, она, стоя у реки, с интересом наблюдала за быстрым и веселым течением. Куда она течет? А что если сесть на бревно, обхватить коленки и понестись в неведомые страны. Звонкий подзатыльник возвращал ее на землю:

– Хватит смотреть по сторонам, лентяйка, бери свой кувшин, идти надо, – шипела на нее сестра.

Когда Зоов отдали замуж, ей пришлось выполнять роль старшей: следить за малышами, помогать по дому. Все меньше и меньше окружающий мир восхищал ее красотой и мудростью. Все больше житейские заботы захватывали ее.

Когда Нехаме исполнилось шестнадцать лет, она превратилась в красивую, высокую, полную и очень серьезную девушку. Помня судьбу старшей сестры, она не слишком много ждала от жизни.

Но жизнь ей дала еще меньше.

В семнадцать лет ее отдали замуж в богатую семью в другое село. Дедушка с бабушкой к тому времени уже умерли, и родители нуждались в деньгах. Жених дал за нее хороший выкуп.

Мысль о том, что ее выгодно продали, жгла ее гордое сердце.

Муж у нее, правда, был на зависть всем – красивый и сильный. Может из-за той зависти и не вернулся он с войны, погиб за царя и Россию где-то в Турции.

Потом от детских болезней умерли двое ее детей и ей пришлось вернуться в дом отца.

Она уже привыкла жить с болью в душе. Начавшиеся беспорядки не пугали ее. Бегство от турок в Дербент, холера, унесшая больше половины их некогда большой семьи, все проносилось мимо, не оставляя, казалось, и следа в ее душе.

Он пришел в их дом – высокий, грозный старик – и сказал, что хочет жениться на ней. Брат не соглашался, ведь старику было больше шестидесяти, а ей не было и тридцати. Старик пригрозил резать всю семью.

– У нас нет другого выхода, – сказал ей брат, опустив глаза. – У нас не осталось старших. Да и власти нет никакой, чтобы защитила нас.

Ее опять продали. На этот раз – за спокойствие семьи.

Люди говорили, что он бандит. Муж не рассказывал, откуда у них деньги, но она немного помогала своим.

Он родился и стал светом в ее душе, маленьким солнцем, последней надеждой, Божьим даром... Только ради него пошла она жить в глухую лезгинскую деревню, куда ее муж сбежал от раскулачивания!

Они работали в местном колхозе и растили сына. Холодными зимними вечерами, сидя с рукоделием у печи, она мечтала о том, что когда сын подрастет, она возьмет припрятанные от мужа сбережения и золото и поедет с сыном в город. Там он обязательно пойдет учиться на инженера или врача. А потом она подберет ему хорошую еврейскую девушку и они сыграют веселую свадьбу.

В детстве она любила смотреть, как подсолнух поворачивает свою желтую голову за солнцем, пытаясь насладиться каждым лучиком света, исходящим от него. Потом она начала жалеть бедный цветок, ведь солнце все время убегает от него, у него так много дел!

Она тоже была таким подсолнухом. Всю жизнь она пыталась взглянуть в глаза своему счастью, но оно только убегало от нее, поворачиваясь спиной в тот самый миг, когда ей казалось, что она догнала его.

Его призвали в сорок третьем. Это был единственный год, когда призывали семнадцатилетних. Он погиб в первом же бою.

“Господи, возьми и меня, прошу тебя”, – кричала она, ударяя кулаками по голове и разрывая на себе одежду.

Она прожила до восьмидесяти лет. Всю оставшуюся жизнь после гибели сына она не надевала светлой одежды, не ела мясного и сладкого, не ходила на торжества.

Она жила очень скромно. Все ее сбережения и золото остались в наследство родным.

Ее жизнь потеряла смысл. Счастье оказалось только призраком.

* * *

Сима посмотрела в окно. Вид аккуратных, явно убранных машиной небольших полей, пронесившихся за окном, согревал душу. И хотя Сима всю жизнь прожила в городе, вид сельской местности почему-то вызывал у нее какое-то теплое, ностальгическое чувство. Она вообще любила природу. И абсолютно не боялась животных, на что ее муж, старательно обходивший не только собак, но и полудиких израильских кошек, все время говорил:

– Ты точно в прошлой жизни кошкой была. Или коровой, на худой конец.

Сима вздохнула. Мысли ее вернулись к образу матери.

МЛАДШАЯ

Рахель притаилась за грушей. Ей не приходило в голову, что ее кругленькая фигурка в цветастом платье хорошо просматривалась за тонким стволом дерева. Но бабушка была так занята разговором с соседкой, что просто не обращала внимания на младшую внучку.

Девочка обожала, когда к ним в дом приходили гости. Крутясь у взрослых под ногами, она внимательно слушала все, что они рассказывали. И потому она всегда знала все новости: почему нынче мука, какой будет урожай в следующем году, кто умер, кто женился, кто родился.

А еще она любила ходить на речку за водой. Тащить за собой свой маленький кувшин не больно-то и хотелось, но зато у речки собирались женщины и рассказывали разные сплетни. А это было так интересно!

О чем это спрашивает соседка? Какие подарки принесли из дома Миши маленькой Рахель? Не поняла! Что-что? Толстяк Асаф ей совсем не подходит? Что это бабушка такое отвечает? Что ничего не поделаешь: Хаим и Миши, когда их жены еще были на сносях, дали друг другу слово, что, если у них родятся разнополые дети, то они обязательно их поженят. Так что у Рахели нет выбора. Придется выходить замуж за Асафа. Да ничего, она девчонка боевая, с этим тюфяком легко справится!

Ах вот оно что! Два друга поженили своих детей, когда они еще не родились? Значит ее возьмут замуж не потому, что она понравилась жениху или его родителям, а только потому, что их отцы решили таким образом скрепить дружбу между собой!

И главное, кого ей дают в мужья?! Рохлю Асафа, который и за себя-то постоять не может? Не поэтому ли бабушка часто водит ее поиграть с детьми в дом Миши. Но почему ее будущий жених не двоюродный брат Асафа Довид? Он высокий, красивый и, главное, — сильный и смелый. Именно такие мальчишки нравились шустрой Рахели.

Родители объявили о предстоящей свадьбе, когда ей исполни-

лось семнадцать лет.

– Не губите мою жизнь, отец. – Она не смотрела в его глаза. Взгляд девушки упирался в его когда-то щегольские, а теперь сбитые и потертые сапоги.

– Разве вам не достаточно было разбить судьбы моих сестер?

– Не перечь отцу, – мать замахнулась на нее полотенцем. – Вся слободка знает, что вы нареченные жених и невеста. Да разве вы одни? Вон у Довида, двоюродного брата твоего Асафа, тоже есть нареченная невеста – племянница его матери!

– Не позорь меня перед людьми, дочка, – в тихом голосе отца звучала просьба. Не глядя на нее, он повернулся и вышел из комнаты.

– Все равно все будет по-моему! – Ее серые дымчатые глаза потемнели, как темнеют облака над слободкой, предвещая ненастье...

Сначала свадьбу сыграли Довид с его нареченной, а через месяц поженились и Рахель с Асафом.

Они жили уже целый месяц. Мягкий и молчаливый Асаф не мог наглядеться на свою бойкую на язык и на работу женушку. Он готов был для нее луну с неба достать. Да и родители были довольны проворной невесткой.

– Что там женщины у речки говорили? – Рахель уже второй раз шла с речки домой, неся тяжелый сову. Для субботы следовало наносить воды на два дня. – Плохо Довид с женой живет? Говорят, что даже бросить ее хочет, да родители отговаривают.

– Рано вы успокоились, – Рахель усмехнулась. В ее голове созрел план.

Прошла неделя. Всю пятницу она трудилась не покладая рук. С утра замесила тесто, напекла хлеб в тендире к субботе. Убрала в доме, вычистила до блеска самовар и всю посуду. А пока свекровь с дочерью занимались субботним обедом, пошла за водой. Вот и последняя ходка. По обычаю она поднесла последний сову с водой свекру. Взглянуть на полный кувшин чистой родниковой субботней воды было хорошей приметой.

Подняв голову, он прочитал благословение.

– Дай Бог тебе, дочка, такой же спокойной, чистой субботы, как эта вода. Такой же насыщенной добром недели, как этот полный субботний кувшин.

Миши углубился в чтение старинных священных книг. Немного погодя мужчины отправились в синагогу. Женщины стали собирать на стол, и тут свекровь обнаружила, что Рахель исчезла. Когда вернулись мужчины, она с беспокойством поделилась с ними своей тревогой.

Асаф очень расстроился, но отец не разрешил нарушать святость субботы поисками и суетой. “Вероятно, она пошла навестить своих и не успела до субботы вернуться”, – сказал он.

– Где моя дочь? – всполошилась мать, когда они на исходе субботы пришли в дом Хаима. – Она к нам не приходила. Где же она?

Родители чувствовали, что их непредсказуемая дочь выкинула какой-то номер. Они уже слышали, что Довид попросил раввина объявить в синагоге о его разводе.

Только утром следующего дня соседский мальчишка обнаружил ее маленькие стоптанные башмаки у лестницы, ведущей на чердак отцовского дома.

Асаф был готов простить ее, только бы она вернулась. Родители умоляли ее об этом.

– Вам мало двух несчастных дочерей! Вы хотите и меня сделать несчастной, – кричала она. – Если будете настаивать, я брошусь с обрыва в реку.

Все знали, что были девушки в слободке, которые именно так и выражали свое несогласие с волей родителей. Они поняли, что она не шутит.

Их развели. Казалось бы, что теперь они с Довидом смогут пожениться.

Но жизнь не любит, когда человек пытается пойти против предначертанной ему судьбы. Тем более, когда он не просит в слезах у жизни пощады, а идет напролом, считая себя единственным хозяином своей судьбы.

Впрочем, наверняка, где-то в других уголках земли жили люди,

которые выигрывали поединок с судьбой. Но неграмотной девушке в забытой Богом еврейской слободке в начале двадцатого столетия об этом ничего не было известно.

Родители ее возлюбленного устроили ему скандал. Жениться на женщине, опозорившей его двоюродного брата, было вопиющей непорядочностью по отношению к родне. Он опять женился на другой.

Обрыв у реки так и манил ее, но желание доказать людям и себе, что ее невозможно сломить, взяло верх. Поставив себе цель заработать деньги на свой собственный дом, Рахель развила кипучую деятельность. Объединившись с пожилой соседкой, она открыла свое маленькое дело. Они брали заказы у соседей и шили приданое для будущих невест.

И тут она проявила недюжинные способности. Быстро сообразив, где и у кого дешевле брать товар, она не остановилась на этом и продолжала искать более выгодного поставщика. Неграмотная женщина в уме высчитывала выгоду от той или иной сделки. Вскоре у нее появились деньги. Она с удовольствием тратила кое-что на себя, не забывая откладывать большую часть на покупку дома.

Маленькая, пухленькая, в красивом вышитом серебром габо, она гордо шествовала по улицам слободки под восхищенными взглядами мужчин, абсолютно не смущаясь.

Женщине не полагалось так ходить. Это было нескромно. И хотя присутствие соседки или отца при всех ее сделках с купцами придавали ее деятельности пристойный вид, то там то тут слышался шепот сплетников и двусмысленные намеки завистников. Отец, как мог, отбивал все сплетни.

К ним в дом почему-то вдруг зачастили сваты. Ее руки теперь просили вдовцы и разведенные. Сначала она отказывала всем подряд. Но однажды, когда отец вдруг заболел, она отчетливо поняла, что может остаться одна при младшем брате. Приживалкой? Она? Рахель поняла, что у нее нет выхода. В ее время женщина не могла быть самостоятельной. Надо было выходить замуж.

Она выбирала себе “жертву” по особым критериям. Ей нужен

был богатый, не слишком красивый вдовец, но главное – обожающий ее и готовый выполнить любую ее прихоть.

Она нашла такого. Вскоре они поженились. Пережив смутные времена в родном поселке, они сначала уехали в Дербент, а затем переехали в Баку.

Всю жизнь она оставалась главной в семье, принимая основные решения сама.

Советская власть недоброжелательно относилась к людям, имеющим способности к бизнесу. Это называлось спекуляцией. Маленькая, неграмотная, бесстрашная женщина отвечала власти взаимностью. Ей повезло. Занимаясь мелким, не слишком законным бизнесом, она всегда имела “живую копейку” в руках. Никто ее не продал. А главное: никто из ее знакомых не донес, что она при произнесении имени великого “отца народов” кривила тонкие губы и посылала в воздух две раскрытые ладони.

Она родила семерых детей. Двое из них не вернулись с войны. Один умер от болезни, остальные обзавелись семьями, подарив ей внуков. Она прожила больше восьмидесяти лет. До конца жизни старушка считала свою жизнь неудавшейся и страшно завидовала молодым, которые могут жить как хотят, не считаясь с мнением других. Так ей казалось.

Завидовала молодым.... Завидовала...

Сима вздохнула. Она вдруг вспомнила, какой шок испытала от рассказа матери.

Какими бы грустными ни были судьбы трех сестер, она знала, что любая соседка или подруга могла рассказать ей не менее грустную историю о себе и своей семье. Такова была судьба их поколения, независимо от веры и национальности. Она была в шоке от другого.

Автобус остановился у центральной станции Нетании. Выйдя из него, Сима решила заглянуть на знаменитый рынок. Докупив к своим гостинцам красивых красных, как с картинки, яблок, она направилась к остановке автобуса. Дочка жила в другом конце

города.

Хорошо, что остановка автобуса рядом с домом Зины, – подумала она, с трудом поднимаясь со своей поклажей по ступенькам автобуса. Девушка в солдатской форме помогла ей сесть на переднее сиденье. Взяв из ее ладони деньги, она передала их водителю и, получив билет, положила его на протянутую ладонь старушки. Девушка что-то сказала. Сима приветливо улыбнулась ей и пожала плечами. Дескать, “не понимаю”.

– Почему одна ходишь, бабушка, – на ломаном русском спросила девушка. – Вот и моя бабушка такая же. Все носит что-то, носит, не понимает, что мы ее любим не за ее подарки, а за нее саму.

На глазах у Симы появились слезы. Последнее время ее почему-то кидало в слезы безо всякой причины.

– Дай Бог вам всем здоровья! Чтобы все наши солдаты вернулись с миром! Чтобы все их бабушки были за них спокойны и приносили им полные корзинки гостинцев!

– Спасибо! – Девушка засмеялась. – Когда будешь выходить, помаши мне рукой, я сзади сижу. Помогу тебе.

Сима кивнула ей. Она точно знала, что никого не попросит. Не привыкла она надеяться на кого-то кроме себя.

* * *

Когда Сима была маленькая, она часто болела. Даже старая соседка-азербайджанка говорила матери, что этот ребенок долго не проживет.

Сима улыбнулась.

Матери вечно было некогда, она не особенно баловала девочку излишней заботой. Отец же часто садился рядом с ней и рассказывал разные истории.

В детстве он ходил в религиозную школу для мальчиков, где их учили читать и писать на иврите. А еще им рассказывали разные истории из Тиро.

Затаив дыхание, слушала она негромкий голос отца. Он рассказывал ей захватывающие истории. Она любила их больше, чем сказки, на которые отец тоже был большой мастер. Сказки про

принцесс и дивов казались бледными и ненастоящими, в то время как истории из Тиро описывали, как ей казалось, жизнь вполне реальных людей, только живших очень давно.

Почему после рассказа матери она вспомнила истории, услышанные от отца?

Зависть, Ревность, Ненависть... Эти три страшные тени сопровождали сестер всю их долгую жизнь. Они отравляли ее, делая горькой даже в самые сладкие дни. Все три сестры страшно завидовали и ревновали друг к другу. На младших братьев и сестер эти чувства почему-то не распространялись.

Причины возникновения зависти были разными, но эти ядовитые чувства они пронесли через всю свою жизнь, сначала завидуя друг другу, затем ревнуя, а в конце жизни уже просто ненавидя.

Старшая завидовала младшим сначала из-за внешности, затем из-за того, что ее лишили детства, отдав замуж, а эти “ханумки”¹⁾ долго жили под крылышком у родителей. Потом старшая завидовала средней, что она сразу забеременела и дети у нее были красивые. Младшая – средней за то, что ее первый муж был настоящий красавец и храбрый джигит. Когда же ее муж погиб и умерли дети, они ее сначала жалели, но потом стали завидовать тому, что второй муж у нее очень богатый и в доме есть прислуга в помощь ей.

Она же ненавидела сестер за то, что когда обе они получили похоронки в 41-м, они сказали сестре, пришедшей к ним с соболезнованием. “Конечно, тебе хорошо, у тебя сын еще маленький. Его на фронт не возьмут, и он всегда останется рядом с тобой”. И вот взяли... До конца жизни средняя не могла простить этого сестрам. Она умоляла чужих людей не отдавать им оставшееся после нее наследство.

После рассказа матери Сима страшно испугалась. Испугалась потому, что вспомнила, как недавно средняя дочь с завистью рассказывала, что учительница труда Клавдия Ивановна пол-урока с восторгом хвалила ее старшую сестру:

– Вещи, которые выходят из ее рук, не просто красивые и аккуратные, – они поют! Фартучки, заливаясь смехом, зовут на кухню

¹⁾Ханумка - (образно) барыня.

приготовить что-то вкусненькое. Ночнушка обволакивает теплом, а вышитый на ней соловей поет колыбельную! У нее – золотые руки!

А про нее, Нину, она говорит только, что она неумеха и у нее “руки не оттуда растут.”

Сима тогда посмеялась над дочерью и забыла.

“Разве сторож я брату своему?” – прозвучал в ее голове голос отца, рассказывающий о детях Адама.

Из зависти убил Каин Авеля. За то, что принял Господь дары его, а дарами Каина пренебрег. А разве не из зависти продали брата в рабство сыновья праотца Якова? Они ревновали его к отцу, видя, как выделяет он младшего сына, как любит его больше, чем старших.

Три страшные тени встали перед ней: Зависть, Ревность, Ненависть. – Зоов, Нехам, Рахель.

Зина, Нина, Рина. Господи! Что ждет моих дочерей?

Всю ночь просидела она на кухне, размышляя о будущем своих детей. Сима верила, что судьбу, данную Богом, нельзя изменить. И тогда она дала себе слово, что постарается привить своим детям то, чего не хватало их бабушкам: веру в свои силы и в добро, любовь и преданность друг к другу. И тогда, как знать, может быть, судьба будет милостива к ним.

После той ночи все остальные проблемы перестали быть для нее важными. Склоки на работе? Ерунда. Недаром их чулочный комбинат называют “Дунькиной фабрикой”. Когда столько баб вместе, склоки неизбежны. Нет колбасы в магазинах? Съедем кильку в томате и баклажанную икру. Лишь бы других проблем не было. Да и безденежье ерунда. Так вся страна живет, и мы проживем. Каждый вечер, изо дня в день вела она с дочерьми задушевные беседы.

– Каждому человеку дается Богом какой-либо талант. Но иные люди, вроде меня, могут прожить всю жизнь, так и не поняв, в чем заключается его талант и непохожесть на остальных. Но вы-то как раз знаете, кто из вас на что способен. Зина из куса простого ситца за час такое платье сошьет, что и в театр не стыдно надеть.

Но учится очень слабо. У Нины строчки на несчастном фартуке напоминают волны Каспийского моря, но она с легкостью учится на пятерки. А учителя спорят из-за нее в учительской, в каком кружке ей заниматься, и посылают на всякие олимпиады.

Рина неплохо рукодельничает и неплохо учится, но как только по телевизору объявляют, на сколько процентов будет понижение цен и на какие товары, она тут же называет новую цену этих товаров и рассказывает, какой навар могут получить директора магазинов, договорившись с предприятиями и манипулируя датами купли-продажи. Она у нас экономист.

– Она у нас бизнес-вумен, – говорит Нина. Ей в Америке надо жить. У нас в Союзе ей не развернуться.

Сима была рада, что сестры всегда были готовы помочь друг другу правильно применить свои способности.

Она пыталась не только научить их любить и принимать друг друга такими, как есть, но и учила сопереживать друг другу, помогая в трудные дни и радуясь успехам и удаче сестер.

– Пройдут годы, – говорила она, – и у каждой из вас, Бог даст, будут муж, дети, друзья. Мы с отцом будем с вами столько, сколько нам отмерено. Но вы должны помнить: самый лучший муж может найти другую жену, самая лучшая подруга – другую подругу. Но сестра никогда не найдет другую сестру, и никто не поймет друг друга так, как сестры. Чужим людям вы можете рассказывать о себе легенды и басни. Но только сестра помнит тебя маленькой, только она знает твои страхи и привязанности. Только она поймет и примет тебя, что бы с тобой ни произошло. Только она простит и отдаст тебе все, что имеет. Я хочу, чтобы вы были опорой друг другу. Вместо брата, которого у вас не было, вместо родителей, которые сегодня есть, а завтра – нет.

Она повторяла это своим дочкам с детства и не уставала повторять, когда все три уже обзавелись своими семьями.

Перестройка ворвалась в жизнь людей пьянящим запахом свободы, и хоть с прилавков магазинов исчезли товары, уверенность в том, что это временно, окрыляла. Муж Зины, заняв у кого-то денег, открыл кооператив.

Слова “рэкет” и “беспредел” со страниц книг и газет ворвались в их спокойную жизнь.

Нина с мужем продали свой “Жигуль” и дачу. Рина – все свое золото и даже любимый бриллиантовый комплект. Они пришли к сестре вместе с мужьями и молча положили деньги на стол.

– Мама! – кричала Зина в телефонную трубку. – Какое счастье, что у меня есть сестры! Спасибо тебе за это!

* * *

Сима вышла из автобуса. Почему так противно вдруг заняла левая рука и закололо под левой грудью? Почему испуганное лицо дочери вдруг появилось где-то над ней?

Неужели уже сейчас? Впрочем, она не боялась ничего. Кажется, она прожила свою жизнь не зря.

Лежа на носилках, она вдруг вспомнила, что не успела сказать детям главное. То, к чему она пришла совсем недавно.

Злое слово наносит вред и хулителю, и его жертве.

Если эти слова говорит близкий по крови человек, то их злая сила удесят�еряется! Но и доброе слово имеет ту же силу!

Она обязательно должна сказать это детям!

А еще – она ведь так и не узнала, в чем ее данный Богом талант!

Что это за тени, что склонились над ней? Такие знакомые три тени. Она вдруг ясно ощутила, что все будет хорошо. Потому что она узнала их. Она даже знала, почему они вдруг стали такими светлыми и сияющими. Ведь это она дала им новые имена:

Забота, Радость, Надежда.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ ХАИМА	11
МИСВО	13
МАЛЬЧИК И СОЛДАТ	18
ДЕВОЧКА ИЗ ЯТАГА	26
КЛЯТВА	32
СВЕТ ДЛЯ ПРАЗДНИЧНОЙ МОЛИТВЫ	42
МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ О ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОЙ ДЕВОЧКЕ	53
КТО МЫ?	54
МИЛКА УЧИТ ЯЗЫК	60
МИЛКА И ИЛИЯГУ А-НАВИ	66
РАББИ	77
ДУША НАРОДА	85
МОМУ	86
ШАМАШ	92
ЖНЕЦЫ	99
ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?	
ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ	109
ЛЕЗГИНКА	117
БЕСПОКОЙСТВО	129
ПРОСТИ МЕНЯ	137
ТРИ СЕСТРЫ	153

Мириам Хейли
Miriam Heily

ДУША НАРОДА
THE SOUL OF PEOPLE

Сборник коротких рассказов
The collection of short stories

Главный редактор: Ноберт Евдаев
Editor in Chief: Nobert Yevdayev
Редактор: Людмила Шакова
Editor: Ludmila Schakova
Дизайн: Ирина Рабинков
Design: Irina Rabinkov
Корректор: Дора Оранская
Proofreader: Dora Oranskaya

New Frontier Publishing House
347 Ocean Parkway
Brooklyn, New York 11218
Tell / Fax: 1 718 693 59 02
e-mail: newfront777@yahoo.com

All rights reserved.

No part of this publication may be translated, reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission in writing from the copyright holder.

Copyright © 2007 by New Frontier

ISBN 978-1-60402-632-0
EPCN 2007930780

New York 2007

Printed in Israel

МИРИАМ ХЕЙЛИ родилась в Баку. Закончила мех-мат Азербайджанского Государственного университета.

В 90-м году репатрировалась в Израиль. Живет в Тель-Авиве, работает в муниципалитете города. Замужем, имеет троих детей.

Литературные способности проявились еще в школе. Преподаватель литературы постоянно зачитывала её сочинения на уроках.

Однажды для своих подруг написала несколько юмористических монологов в стиле телевизионной передачи "Смехопанорама". Они приняли их с восторгом.

По их совету начала писать серьезные рассказы.

На сегодняшний день у Мириам большое количество публикаций в различных газетах Израиля и США. С 2006 года печатается в литературно-публицистическом альманахе «Мирвори».

Мириам Хейли этим широким работ напоминает пожилым и хочет рассказать молодым о тех, кто всегда был душой народа.

ISBN 978-1-60402-632-0

EPCN 2007930780